

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЗАКОННОСТЬ

10

О К Т Я Б Р Ъ

О Г И З . * 1 9 3 5
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
« С О В Е Т С К О Е   З А К О Н О Д А Т Е Л Ъ С Т В О »

СОДЕРЖАНИЕ № 10*Стр.*

А. Я. Вышанский — Против дезорганизаторов и грубого на водном транспорте	1
Л. Миронич — Об очередных задачах работников судебно-прокурорских органов	22
А. Я. Вышинский — Ответ на ответ	27
С. Голунский — Работа прокуратуры и инспекционных инспекциях	34
А. Герцонзон — О состоянии учета и отчетности в органах прокуратуры	37
М. Ласкин, К. Маслоу, П. Тарасов-Родионов — Московская областная прокуратура в борьбе за переходящее красное знамя	40
В. Лобедицкий — Прокуратура и суд в борьбе за животноводство	45
А. Карзнер — Хулиганство	48
Г. Гуров — История одной волокиты	50
М. Р. — Вместо фальшета	51
Судебно-надзорная практика Прокуратуры Союза	53
В Институте уголовной политики	62
Официальный отдел	63
Сводная напечатанных постановлений	69

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЗАКОННОСТЬ

ОРГАН ПРОКУРАТУРЫ СССР

ОКТАБРЬ 10
1935 г.

Редакция:

Москва, Б. Дмитровка, д. 15

А Я. Вышинский

Против дезорганизаторов и трусов на водном транспорте¹

Товарищи верховные судьи! Не без трепета и волнения приступаю я к исполнению последней части своих служебных обязанностей государственного обвинителя по настоящему делу. Не без волнения приступаю я к этой тяжелой обязанности, потому что еще слишком свежи следы той раны, которая нанесена была нашей общественной совестью позорным, предательским поступком командования парохода «Совет» и ряда обвиняемых, привлеченных по этому делу к уголовной ответственности. Я не без тревоги и волнения приступаю к исполнению этих обязанностей еще потому, что государственное обвинение призвано помочь вам, товарищи судьи, вынести справедливый приговор по делу, на которое обращено сейчас внимание всех трудящихся нашей страны, внимание всех работников нашего транспорта и водного транспорта в первую голову, потому что от вашего приговора ожидают тысячи, десятки, сотни тысяч трудящихся ответа на вопрос о том, кто виноват в гибели наших братьев, их жен, их детей, нашего государственного имущества, нашего корабля. От вашего приговора, от всего этого судебного процесса наши моряки и все советские честные граждане ждут ответа на вопрос и о том, что привело Каспийский флот к такому положению, когда в его историю оказалась предательской рукой Кривоносова и его сподвижников вписанной позорная страница небывалого среди советских моряков преступления. Ваш приговор должен будет ответить на вопрос о том, какие дальнейшие усилия должны быть предприняты всеми честными строителями нашего советского флота, чтобы никогда больше не повторялись подобные позорные явления. Нужно, чтобы этот процесс был первым и последним процессом этого рода, чтобы этот процесс раз навсегда покончил с возможностью повторения подобных явлений, раз навсегда и окончательно излечил

те отсталые слои моряков Каспийского флота, которые еще находятся в его рядах, от болячек, недостатков и безобразий, какие являлись порождением и пережитками старого капиталистического строя, пережитками таких отвратительных, проклятых «традиций капитализма», на которые указывал наш великий учитель В. И. Ленин, как анархия и беспорядок. Это большая задача, и я в своей обвинительной речи постараюсь представить суду и всей нашей стране, от имени которой я здесь выступаю государственным обвинителем, те мотивы, соображения, доводы и требования, которые должны будут прозвучать для виновных в позорном, кошмарном преступлении 28 мая на борту парохода «Совет» грозным наказанием, должны будут прозвучать и грозным предостережением для всех тех, кто так же, как они, поповал бы стать на путь дезорганизации нашего советского флота, на путь нарушений своего морского служебного долга.

Известна фактическая сторона этого тяжелого дела. 28 мая этого года, всего три месяца назад, в 2 ч. 15 м. ночи, вследствие неосторожности, явившейся в свою очередь результатом распушенности, разгильдяйства и усадки служебной дисциплины, на пароходе «Советский Азербайджан» произошел пожар и взрыв, погубивший 27 чел. и стоявший кроме того Советскому государству самого парохода и груза. Несчастье может быть всегда и везде. Но трагизм данного случая заключается не только в самом факте взрыва, катастрофы и гибели парохода «Советский Азербайджан». Трагизм заключается в том, что пароход «Советский Азербайджан» в момент катастрофы был не один, что на расстоянии 200 и на буксире его вел пароход «Совет», что этот пароход предательски бросил на произвол стихии своего гибнущего собрата и лютящю, с предельной скоростью, ушел прочь от места катастрофы, не оказав погибающим никакой, решительно никакой помощи!..

Известно, что вместо организации и помощи гибнущему пароходу «Советский Азербайджан»

¹ Обвинительная речь на процессе о гибели танкера «Советский Азербайджан» 28 августа 1935 г. в г. Баку.

пароход «Совет» по приказу капитана этого парохода Кривоносова, действовавшего совместно с помполитом Мигущенко и ст. механиком Чебогаревым, при попустительстве ряда работников команды этого парохода, о чем я буду говорить более конкретно дальше, развив полный ход, в течение 40—45 минут удалился от бедствующего судна на 8 миль, а вернувшись к нему только через три с лишним часа после взрыва, не принял всех должных мер к спасению корабля и вторично постыдно и трусливо бежал с места катастрофы. Факт беспримерный, невероятный, не знающий себе подобного в истории советского флота, давящий нас всей тяжестью и гнусностью этого преступления, запятнавший флаг советского флота тягчайшим образом, между тем как наш флот давал и дает ежедневно образцы подлинно героической советской работы.

Именно поэтому самое преступление командования и части команды парохода «Совет», самое оставление ими парохода «Советский Азербайджан» без помощи, постыдное бегство с места катастрофы, отказ в помощи и оставление без этой помощи бедствующего судна представляет собой такое явление, которое привлекло к себе не только все внимание трудящихся нашей страны, но и вызвало справедливый и заслуженный гнев нашей страны строящегося социализма, готовый вашим приговором беспощадно обрушиться на голову основных виновников этого дела.

В историю советского флота наши доблестные советские моряки вписали и продолжают вписывать не одну героическую страницу своих беспримерных подвигов, страницу, говорящую об их легендарных успехах, об их легендарной борьбе, о подлинном героизме, двигающем их поступками, о высоком сознании ими своего гражданского долга, долга советского человека и советского гражданина, доказавших на деле, на фактах, что они умеют жертвовать и своим здоровьем и даже своей жизнью, когда дело идет о спасении погибающих, когда дело идет о жизни и интересах человека, об интересах пролетарского государства.

Ледовые походы «Литке», «Сибирякова», «Красина» и «Седова», величественная эпопея затертого во льдах, погибавшего, но не утратившего ни на одну секунду легендарного «Челюскина», ведомого ледовым капитаном Воронинным и доблестным академиком и исследователем арктических морей профессором Шмидтом, создали величайшие образцы доблести и героизма, венчающих славную работу советских моряков.

Никогда мы не забудем даты 16 мая 1932 г., когда советский корабль-танкер «Советская нефть», заметивший в Индийском океане огни, превратившиеся через несколько секунд в кошмарное пламя горящего и гибнущего океанского корабля, бросился на помощь погибающему французскому судну и, несмотря на то, что без бензин, сумел организовать спасение людей, и в течение каких-нибудь 2—3 часа принял на свой борт 437 гибнущих пассажиров, команду парохода «Жорж Филиппар» и самого командира.

Перед лицом таких и им подобных фактов, составляющих наше украшение и позволяющих гордиться подвигами наших моряков, тем отвратительнее, тем безобразнее, тем гнуснее

и позорнее слышать о преступлении предателей, сидящих сейчас перед нашей страной на позорной скамье подсудимых.

Не только на севере и юге, но и на востоке и западе наши моряки умеют совершать чудеса героизма. Я мог бы привести ряд фактов и из жизни Каспийского флота, говорящие о том, что и в Каспийском флоте не перевелись герои, умеющие прямо и честно, по-советски и пролетарски смотреть в глаза подстерегающей их на море ежесекундно смертельной опасности.

В качестве примера я мог бы сослаться на случай с пароходом «Юпитер» на Каспийском море, когда при погрузке сырой нефти от искры электропроводов произошел взрыв газа, охвативший капитанский мостик пламенем. Бочман Кузнецов, рискуя своей жизнью, закрыл люк, предотвратил распространение пожара и, таким образом, спас корабль от тяжелой опасности.

Я мог бы привести другой случай, когда весной 1935 г. пароход «Киров» в сильный шторм, ночью, рискуя сесть на мель и взорваться от удара о сидевший на мели бензиновоз «Галилей», благодаря героизму капитана Носкова, помполита Павловича и всей команды, снял бензиновоз «Галилей» с мели и не допустил гибели корабля.

Можно привести таких примеров немало, и моряки Каспийского флота знают эти примеры лучше меня. Если я сейчас говорю об этом, то лишь для того, чтобы еще раз защитить честь советского моряка от предателей, оскорбивших имя Каспийского флота.

Пять дней судебного следствия, проходившего перед всеми нами, с исчерпывающей полнотой и всесторонностью вскрыли основные причины как происшедшего, так и ряда других имеющихся, к сожалению, еще в Каспийском пароходстве недостатков.

Эти пять дней со всей очевидностью показали нетерпимость тех болезней и извращений, которыми еще, к сожалению, страдают отдельные участки работы нашего Каспийского флота.

Эти пять дней нашего судебного следствия, на мой взгляд, исчерпывающим образом вскрыли корни и причины этих пороков и дали нам в руки средства для искоренения этих недостатков.

Судебное следствие еще раз вскрыло и показало во весь рост, что отдельные звенья системы нашего водного транспорта и в особенности Каспийского водного транспорта еще далеко не освободились от пережитков прошлого, что еще значительная часть работников Каспийского флота не перевоспиталась в новом социалистическом духе в соответствии с новыми требованиями социалистического строительства, что многие работники водного транспорта и Каспийского водного бассейна все еще находятся в плену старых, унаследованных от капиталистического строя пережитков и традиций, борьба с которыми не ведется с должной настойчивостью ни по линии политико-воспитательной работы, ни по линии администрирования и развертывания различного рода профилактических, организационно-материальных и бытовых мероприятий. Судебное следствие показало не только на примере таких обвиняемых, как б. начальник ВОХР Штейнгольц, опереточная фигура которого вчера была показана здесь с исключительной яркостью, не только на примере такого обвиняе-

мого, как «начальник» пожарной охраны Гибшман, как представители службы эксплуатации в лице начальника службы эксплуатации Занько, не только на примере такого начальника порта, как начальник Красноводского порта Жуков, как помощники капитана Настасьев и Токаренко, как рулевой Соколов, не только на примере такого преступника, каким является помощник Мигущенко, но и на примере ряда свирепых, вроде Петрухова, Бовина и Габель, как глубоко вкоренились в психологию каспийских моряков, в их нравы, в их методы работы капиталистические пережитки и извращения, как эта буржуазная старая психология, воспитавшая рваческие, шкурнические, чисто волчьи навыки, привычки и настроения, еще далеко не искоренена из сознания многих и многих людей, работающих на водном транспорте. Даже Бузулуков, этот, несомненно, наиболее честный, наиболее прямодушный и явно способный на самопожертвование молодой моряк, и он тоже, правда, не по собственной инициативе, а соблазненный некоторыми вопросами защиты обнаружил все же непонимание новых требований, предъявляемых советской властью и пролетарским государством к морякам.

Я просил бы вас вспомнить тот разговор, который произошел между его защитником и мной несколько дней назад по вопросу о том, несет ли какую-либо ответственность матрос 1 класса Бузулуков за свое поведение в ночь с 27 на 28 мая 1935 г. на борту парохода «Совет». Я просил бы вас вспомнить объяснения, которые давал здесь обвиняемый Бузулуков по вопросу, затронутому членом Верховного суда Союза ССР т. Гайшпуйтом, напомнившим Бузулукову о многочисленных его дисциплинарных взысканиях, напомнившим ему относительно того, как он дважды был списан на берег за отказ от работы. Бузулуков очень характерно для моряков этой категории, с некоторой, этойкой портовой, развязностью заявил: «Ну, что же, отказался от работы потому, что не хотел работать. Не хотел и отказался. Нам нужно было затем потратить десятка два добрых минут судебного следствия для того, чтобы в сознании этого честного, но уже испорченного молодого моряка пробудить понимание всей ошибочности, всей преступности этой точки зрения, зажечь искру гражданско-го понимания, искру чувства ответственности за свое отношение к работе в Советском государстве. Даже Бузулуков, не худший, я это утверждаю на основании и материалов дела и изучения этих людей, а лучший из сидящих на скамье подсудимых, и он дал образец того душевного гниения, от которого он оказался не свободным, будучи испорченным такими воспитателями, как Мигущенко и Кривоносов».

О чем говорит поведение Бузулукова в этой части? Оно говорит очень много о глубоко залегающих еще в жизни, в нравах, в психологии известной части моряков Каспийского флота отрывках старого капиталистического строя, старого капиталистического мировоззрения, миропонимания. Оно говорит о том, что немало еще среди нас Бузулуковых, не понимающих того, что в пролетарском государстве, где власть принадлежит трудящимся, где проявляется величайший энтузиазм, величайший героизм и самопожертвование трудящихся, где

вод руководством нашей партии и великого вождя народов нашей страны и всех трудящихся мира т. Сталина строится новое социалистическое общество, нетерпимо подобное отношение к трудовой дисциплине, нетерпимо подобное отношение к обязанности трудиться на славу и благо нашего Советского пролетарского государства. В капиталистическом обществе уместно и законно, когда рабочий взрывает капиталистический строй и разрушает палочную капиталистическую дисциплину на предприятиях, принадлежащих заводчикам, фабрикантам и банкирам. В Советском государстве, при диктатуре рабочего класса, при господстве советской власти, такой образ действий незаконен и преступен, и это надо понять, и понимание этого надо положить в основу своей работы и всей своей жизни.

Понимают ли это Бузулуковы, Берковские, Елкины, Рыбины? Я нарочно назвал тех, которые являются лучшими из сидящих на скамье подсудимых. Я должен на этот вопрос ответить: не понимаю... Не понимает этого и Бузулуков, только в результате следующего вопроса усвоивший, и то только частично, свою вину перед пролетарским государством. Такое преступное отношение к задачам пролетарской дисциплины само по себе является нередко результатом кулацко-капиталистических настроений и пережитков, тающихся еще в глубине психологии некоторых слоев трудящихся, которые, как говорил Владимир Ильич, не отделены китайской стеной от старого капиталистического общества.

С этим надо покончить, покончить надо с непониманием принципиальной разницы между капиталистической, крепостнической дисциплиной и нашей пролетарской дисциплиной труда, с непониманием того, что мы не можем допустить в нашем хозяйстве, в нашем государстве таких отношений к государству, которые в какой бы то ни было мере были способны поколебать самые устои нашей советской пролетарской дисциплины.

«Крепостническая организация общественного труда, — писал в свое время Владимир Ильич, — держалась на дисциплине палки при крайней темноте и забитости трудящихся, которых грабля и над которыми издевалась горсточка помещиков. Капиталистическая организация общественного труда держалась на дисциплине голода и огромная масса трудящихся, несмотря на весь прогресс буржуазной культуры и буржуазной демократии, оставалась в самых передовых цивилизованных и демократических республиках темной и забитой массой наемных рабов или задавленных крестьян, которых грабля и над которыми издевалась горстка капиталистов».

Вот что представляет собой крепостническо-помещичья дисциплина труда и буржуазно-демократическая дисциплина труда.

От этой буржуазной дисциплины принципиально отличается коммунистическая дисциплина труда.

«Коммунистическая организация общественного труда, — писал В. И. Ленин, — к которой первым шагом является социализм, держится, и чем дальше, тем больше будет держаться, на свободной и сознательной дисциплине самих трудящихся, свергнувших иго как помещиков, так и капиталистов».

Эта новая дисциплина держится на свобод-

ном труде, на труде, лишенном и тени какой бы то ни было эксплуатации, на труде все более и более становящемся, как учит наш великий вождь и учитель т. Сталин, «делом чести, делом славы, делом доблести и героизма» миллионов и миллионов рабочих и крестьян нашей страны. «Эта новая дисциплина,— писал Ленин,— не с неба сваливается и не из добрых желаний рождается, она вырастает из материальных условий крупного капиталистического производства, только из них... А носителем этих материальных условий или проводником их является определенный исторический класс, созданный, организованный, сплоченный, обученный, просвещенный, закаленный крупным капитализмом. Этот класс — пролетариат»¹.

И я думаю, что наша задача, как и задача любого отряда строителей нашего социалистического общества, в том числе и тех, которым поручена политико-воспитательная работа во флоте, заключается в том, чтобы всю свою работу построить так, чтобы в результате ее были еще более высокие показатели, еще более грандиозные успехи, создаваемые усилиями организованного, сплоченного, обученного, просвещенного и закаленного в классовых боях рабочего класса. С этой точки зрения, то, что мы здесь слышали относительно политико-воспитательной работы на судах Каспийского пароходства, не выдерживает никакой критики. Если судить о представителях этой политической работы по таким работникам, как полит Мигущенко, то надо прямо сказать, что здесь мы имеем пустое место в лучшем случае. Так вести политработу, как вел Мигущенко, значит воспитывать лодырей, дезорганизаторов производства, значит служить не делу пролетарской революции, а делу контрреволюции. То преступное отношение к делу укрепления пролетарской дисциплины на производстве, в труде, в быту, в опасностях, обнаруживаемое до сих пор, к сожалению, еще значительным количеством людей, работающих в Каспийском флоте, вытекает из непонимания всей важности и значения этих задач, непонимания того, что правильное решение этих задач является верным ключом к решению основной задачи организации пролетарского социалистического флота, умеющего на требование Советского государства и советской власти отвечать всегда и при всех условиях единодушным старым морским односложным ответом: «есть».

На XVI съезде партии т. Сталин в числе основных мероприятий по повышению производительности труда указывал на товарищескую трудовую дисциплину. В исторической речи 30 июля этого года на приеме в Кремле награжденных работников железнодорожного транспорта, т. Сталин, говоря на эту тему, обращал внимание на необходимость так строить работу на транспорте, чтобы она отличалась слаженностью всех частей, чтобы она велась в строго определенном порядке. Это, говорил Сталин, и есть то, что называется дисциплиной на транспорте. Здесь дается для нас, в частности в нашем сегодняшнем процессе, могучая точка опоры для борьбы против взглядов тех, которые пытались здесь протащить противопоставление одного из всех этим всем. И что греха таить! — пытались

протащить взгляды, которые еще имеют рождение и за стенами этой судебной залы. Я знаю, что когда стало известно о привлечении к ответственности команды парохода «Совет», в головах некоторых людей возник вопрос: «А что же могла сделать команда, что мог сделать Иванов, Петров, Сидоров, люди подначальные, если у них оказался такой руководящий состав, такой так называемый трехгольник?»

Я постараюсь показать, что ни с одного члена коллектива, ни с одного члена команды, кто не принял необходимых мер воздействия на шкурников, не снимается ответственность даже, если вы оправдаете того или иного обвиняемого, сидящего на скамье подсудимых, а я буду просить вас в отношении некоторых лиц вынести оправдательный приговор. Даже оправданные должны будут выйти отсюда, из этого процесса, если вы вынесете им оправдательный приговор, не с высоко поднятой головой, а с низко опущенными глазами, стыдясь того, что совершилось на их глазах в трагическую ночь 28 мая, того, что они не сумели свою попытку организовать спасение погибавших довести до конца и уступили оказавшимся во главе парохода «Совет» негодьям.

Тов. Сталин говорил 30 июля о том, что товарищескую трудовую советскую пролетарскую дисциплину мы познаем по слаженности всех частей коллектива. Это указание т. Сталина дает нам право провозгласить ответственность каждого члена коллектива за неказание помощи, так как здесь у нас, на советской земле господствует принцип: один за всех и все одного. Это — принцип советского строительства в противоположность принципу капиталистического строя, где «всяк за себя, а бог — за всех»...

По поводу дисциплины у железнодорожников т. Сталин говорил, что у железнодорожников есть работники на больших постах и работники, стоящие на небольших постах, но нет на транспорте людей ненужных или незначительных. Начиная от самых больших руководителей и кончая «малыми работниками», вплоть до стрелочника, вплоть до смазчика, вплоть до уборщицы, все велики, все значительны, ибо транспорт является конвейером, где важна работа каждого работника, каждого винтика. «Когда вы это поймете, товарищи железнодорожники, — говорил т. Сталин, — когда вы установите слаженность всех частей, всех работников в механизме транспорта, это и будет настоящая, большевистская дисциплина».

Тов. Сталин указал далее на средства и пути создания этой настоящей большевистской дисциплины. Она создается не приказами, держащими в себе выговоры и взыскания, хотя, конечно, без выговоров и взысканий обойтись иногда нельзя, но едва ли я ошибусь, если скажу, что в некоторых наших советских учреждениях, а Каспар в этом отношении не составляет никакого исключения, выговорами и взысканиями слишком злоупотребляют, думая, очевидно, по старой русской пословице, что за одного битого двух небитых дают и что, следовательно, чем больше бить людей приказами, выговорами, перемещениями, снятиями с должностей и т. д., тем лучше вырабатывается, я бы сказал, «выбивается» работник.

¹ Ленин, т. XXIV, стр. 336.

Тов. Сталин и вся наша партия не раз предостерегали против такого отношения к этому вопросу. Историческая речь т. Сталина 4 мая на выпуске военных академиков в Кремле, говорящая о выращивании кадров, указание т. Сталина о том, что нужно к кадрам подходить, как садовник подходит к своему дереву, которое он любовно растит и воспитывает, подчеркивает необходимость воспитательной работы, необходимость широкого развертывания самокритики как способа воспитания кадров, как средства создания подлинной большевистской трудовой дисциплины.

Необходимо, — говорил т. Сталин, — строить свою работу так, чтобы вскрыть недостатки эти при помощи смелой и решительной самокритики. Без критики двигаться вперед нельзя. Эта истина, говорит т. Сталин, чиста и прозрачна, как чиста и прозрачна ключевая вода...

На этом процессе мы видели, что на ряде участков работы Каспара этой чистой и прозрачной ключевой воды не видеть.

Как обстояло дело на этом самом злополучном пароходе «Совет»? Когда молодой состав команды пробовал требовать от своего командования добросовестных действий, раздавался один ответ: «Пошли вон с мостика, не суйтесь не в свое дело, без вас знаем, что делать». Помполит Мигушенко, очевидно, так понимал свои задачи по осуществлению в своей работе большевистской самокритики. А между тем это действительно могучее оружие, дающее возможность нам исправлять самые, казалось бы, неисправимые и вопиющие недостатки.

Разве не благодаря критике мы сумели здесь на процессе разоблачить фигуру Устимовича, который, как вы помните, на мой вопрос на вчерашнем заседании — есть ли у него братья — забыл о том, что у него имеется целых четыре брата, и заявил, что у него братьев нет?

Разве не в порядке критики мы сумели разоблачить спекулянта Штейнгольца, прикрывавшегося партийным билетом?

Наш судебный процесс — это одно из самых острых орудий нашей большевистской критики. И, разумеется, только широко используя методы критики и самокритики, мы сумеем создать настоящую дисциплину, настоящие советские кадры.

И при помощи этой дисциплины, при помощи сознательного, социалистического отношения советских кадров к своему долгу, к своим обязанностям, мы сумеем и дальше двигаться вперед, каждый день принося на алтарь нашего отечества новые и новые успехи великого социалистического строительства. Без дисциплины нет транспорта, как нет и всего социалистического строительства. Враги дисциплины — это враги пролетарского государства. Это враги социализма. Эти враги — шкурники, бузотеры, лодыри, сливные тетиры вроде третьего помощника капитана Токаренко, дезорганизаторы вроде бросившего руль Соколова, прямые предатели вроде Кривоносова, Мигушенко и Чеботарева, саботажники и врачи вроде Гибшмана и Штейнгольца. По всем этим шкурникам и саботажникам пролетарская революция бьет сокрушительным огнем, мужественно и бесстрашно вырывая из рядов работников водного транспорта этих слизняков и прямых врагов народа, своими преступлениями позорящих честное имя советского моряка!..

Я буду просить суд, определяя степень вины каждого и ответственность каждого из них по этому делу, руководствоваться именно этими соображениями, требующими от нас беспощадной расправы со шкурниками, лодырями, дезорганизаторами, требующими решительных мер подавления подобных преступлений, решительных мер защиты интересов социалистического государства и всех трудящихся.

Наш сегодняшний процесс должен, наконец, заставить кое-кого из работников Каспийского флота подумать о том, что пришло время настояющему поднять дисциплину на водном транспорте.

Приказ наркома водного транспорта от 16 июня 1935 г. о борьбе с авариями на водном транспорте говорит, что, без решения этой основной задачи, того решительного и необходимого улучшения в этой области, которое мы ожидаем от нашего транспорта сейчас же и немедленно, мы не получим.

Ведь только за один 1934 г. по одному нашему речному транспорту мы имели пять с половиной тысяч аварий. По морскому транспорту мы имели до 400 аварий. Аварийность судов Каспара характеризуется тоже серьезными цифрами.

В 1934 г. по Каспийскому бассейну мы имели 272 аварии. Из них на один Нефтефлот падает 177 аварий, причем основная причина аварий лежит в недисциплинированности личного состава флота. По крайней мере 50 процентов всех аварий падает на этот счет.

В 1935 г. мы имеем, к сожалению, не улучшение в отношении аварий на Каспийском море, а ухудшение. Мы только за 8 месяцев 1935 г. уже имели 207 аварий, считая в том числе и гибель «Советского Азербайджана», причем из общего числа аварий свыше 70% относится к судам нефтяного флота. И здесь в большинстве своем аварии имели место по вине как раз командного состава. Число аварий растет. Если в июне их было 20, то в июле их стало 36. Вот почему я подчеркиваю с такой энергией значение состояния трудовой дисциплины в борьбе с авариями и подобными им преступлениями.

Положение в Каспийском флоте с дисциплиной стоит не на должной высоте, а в отношении отдельных участков, надо прямо сказать, далеко неудовлетворительно. И, являясь даже неудовлетворительным, это положение заставляет нас думать о тех средствах борьбы с этим явлением и о той ответственности, которую должны нести за это и непосредственные руководители тех или других частей Каспийского флота.

Как характеризуется положение дела в Каспаре по данным правительственной комиссии, материалы которой находятся в настоящем деле? Мы видим, что плавсостав ряда мелких нефтеналивных судов Каспийского флота в сильнейшей степени засорен хулиганствующими элементами, что этим судам внимания почти не уделяется, ибо главным образом оно было сосредоточено на крупных танкерах. Подбор личного состава на мелкие суда производится в ряде случаев помимо капитана отдельными службами Каспара, которые направляют на суда людей без всякой проверки, подготовки и отбора. И это мы видели на этом процессе очень ярко. Когда мы спрашивали Мигушенко: знает ли он, что у Бузулукова имеется пять

взысканий, оказалось, что о половине их, по крайней мере, он не знает, да если бы он и знал, это ничего не означало бы, потому что и у самого капитана Кривоносова имеется чуть ли не такие же пять взысканий, если не больше. В Каспийском флоте на взыскания принято смотреть, как на обычное явление. Кто-то из подсудимых прямо так и сказал: «Я с такими мелочами не считаюсь». Для него не важно, что один раз ему объявили выговор, другой раз — строгий выговор, потом сняли его с парохода и т. д. Это считается здесь «мелочью»... Имеется масса случаев, когда уволенный с одного судна за хулиганство, за какой-нибудь дезорганизаторский поступок, за пьянство, сейчас же принимается на соседнее судно как ни в чем не бывало. Таким образом не ведется никакой борьбы с хулиганствующими элементами. Мы имеем благодаря отвратительной постановке дела подбора кадров на суда такое положение, когда Каспийский флот поражает текучестью своего личного состава. Мы имеем на большинстве нефтеналивных судов и в особенности мелкотоннажных судов такую текучесть, пример которой мы видели на пароходе «Лафарг».

На этом пароходе вся команда, состоявшая из 28 чел., дала в день обследования 78 уволенных и 56 вновь принятых, т. е. личный состав этого парохода переменялся за какие-нибудь полгода три раза!..

В Каспийском флоте, как правило, мы не видим должного отношения к кадрам, к воспитанию, к подбору кадров, которое является основным рычагом правильной организации работы. Я не говорю уже о том, что мы имеем здесь такие возмутительные факты, как направление Каспаром на пароход «Советская Украина» некоего Муратова, 9 раз до того уволенного за хулиганство. 9 раз человек увольняется за хулиганство, а отдел кадров Каспара направляет его в десятый раз на пароход «Советская Украина», вместо того чтобы направить этого хулигана в концентрационный лагерь!..

Мы имеем возмутительнейшие случаи, когда на этом же самом пароходе «Совет» личный состав менялся по нескольку раз. Нескольким матросов с парохода «Совет» переменяли за год по 5—7 судов. Ясное дело, что при таком составе, при таком состоянии кадров ни о какой дисциплине на море говорить не приходится!..

Не менее неудовлетворительно была поставлена здесь техническая учеба и политическое воспитание. Формально, конечно, имеются на всех пароходах помполиты. Формально проводятся разного рода беседы и занятия, но что они представляют собой видно из того, что на танкере «Советская Украина» после беседы о бдительности и коммунисты и беспартийные работники сразу же отправились на вахту спать. Поговорили о бдительности, пошли на вахту и заснули! Это свидетельствует о том, что по-настоящему политработа здесь не велась. А это в свою очередь привело к крайней расхлябанности, к безобразно-преступному отношению ряда работников Каспара к своим обязанностям. В самом деле, разве не безобразно-преступно поведение таких «господ», как Штейнгольц, который, получивши телеграмму или телефонограмму о происшедшей на море катастрофе, в течение двух дней ничего не

сделал для того, чтобы организовать помощь, чтобы отправить на место спасательный пароход. Штейнгольц палец о палец не ударил, по его собственному признанию чтобы притти на помощь терпящему страшное бедствие пароходу. Вот, товарищи, обстоятельства, которые характеризуют состояние на Каспийском море трудовой дисциплины, которые говорят о глубоким развале дисциплины на ряде судов и на отдельных участках береговых служб Каспара.

Эти обстоятельства надо бесстрашно вскрыть, взвесить, понять.

Французская пословица говорит: «Понять — значит, простить». Но с таким же правом можно сказать: «Понять — значит осудить и наказать»... Я уверен, что если ваша совесть и подскажет вам слова прощения в отношении некоторых подсудимых из нижней и верхней команды, то в отношении других обвиняемых, особенно же в отношении руководства парохода «Совет», она подскажет вам необходимость вынесения сурового и даже беспощадного приговора.

Каспийский флот играет громадную роль в хозяйственной жизни нашей Советской страны. На Каспийский флот возложена одна из самых ответственных задач — снабдить топливом нашу страну, всю страну, питающуюся бакинской нефтью, азербайджанской нефтью, дать пищу и нашему железнодорожному транспорту и самым разнообразным отраслям идущей новой социалистической индустрии. На Каспийский флот возложена, таким образом, громадная хозяйственная, следовательно, и политическая ответственность. И поэтому задача выполнения плана перевозок есть важнейшая хозяйственная задача, поставленная перед всеми трудящимися Азербайджана. Советский флот обогащается новыми судами. Правительство делает все для того, чтобы поднять техническое и материально-организационное состояние флота на необходимую и должную высоту. Но, к сожалению, этого нельзя сказать про целый ряд работников Каспара, отдельные представители которого сидят здесь на скамье подсудимых. Больше того, подсудимые из числа работников Управления Каспара создали и широко распространяли глубоко вредную, буквально контрреволюционную «теорию» о том, что техническое состояние Каспийского флота, якобы, не позволяет выполнять план перевозок без угрозы самим нефтеналивным судам. Это они пустили в обращение преступную мысль, что технические и противопожарные требования, предъявляемые к Каспийскому флоту, невыполнимы, что выполнение этих требований невозможно, что подчиняться этим требованиям и выполнять правила перевозки — значит ставить наливной флот на прикол... Эта пакость гнилая, не только оппортунистическая, но прямо контрреволюционная клевета на наш флот, на людей нашего флота, должна получить в нашем приговоре суровый отпор, жестокий отпор. Эта «теория» прикрывает разгильдяйство, халатность, бездействие, влекущие за собой такие преступления, как те, которые привели пароход «Советский Азербайджан» к гибели. Не трудно доказать, суммируя материалы судебного следствия, что при всех тех недостатках, какие имеет, к сожалению, часть судов Каспийского флота, мы можем прекрасно выполнять план, не противоставляя задачам выполнения плана задачу сохранности самого

флота, интересы его безопасности. И мы должны подчеркнуть, что никто не позволит никому не позволит выполнять план перевозок, рискуя судами и жизнью людей. У нас в этом деле, правда, есть трудности, но эти трудности должны быть преодолены, потому что нет таких трудностей, которые большевики не могли бы преодолеть, как нет крепостей, которых они не могли бы взять.

Чем больше трудностей, тем более необходимо мобилизовать внимание на преодоление этих трудностей; чем труднее выполнять те или иные задачи, в силу тех или других особенностей самого технического состояния дела, тем важнее, тем более необходимо мобилизовать все силы на то, чтобы создать условия, обеспечивающие выполнение этих задач, преодоление этих трудностей. Здесь выступает на первый план профилактическая работа. А как обстояло дело с профилактической работой в Каспийском флоте в бытность Занько начальником службы эксплуатации, в бытность Устиновича начальником Регистра, в бытность всех этих Багненко, Беляковых и др.? Я буду об этом говорить более подробно дальше, сейчас же ограничусь только общей характеристикой. Положение в Каспие, под руководством и благодаря участию в этом руководстве Устиновича и Занько, было крайне неудовлетворительно. Профилактическая работа не велась, никаких технических мероприятий по существу не проводилось. Служба Регистра своих обязанностей не выполняла. Служба эксплуатации свои обязанности нарушала. Достаточно вспомнить их отношение к такому вопросу, как принятие мер по спасению потерпевшего тяжелую аварию парохода, чтобы сказать, что в Каспие было полное разложение. Занько сам говорит, что порядка в Каспие не было. Но если начальник эксплуатации, хотя и посылающийся на то, что он проработал лишь четыре месяца и не мог за этот срок преодолеть всех старых традиций, которые он тут застал, если он так характеризует положение вещей, то можно легко представить себе, как действительно здесь обстояло дело. На вопрос о том, в чем заключается этот беспорядок в Каспие, которого якобы не преодолел или не сумел преодолеть, или не захотел преодолеть Занько, он ответил прежде всего указанием на обезличку, причем указал, что в Каспие не было даже человека, который бы наблюдал за качеством перевозимой нефти.

«Я, — сказал обвиняемый Занько, — как начальник службы эксплуатации, виновен в недостаточном принятии мер по обеспечению этого наблюдения».

А между тем именно здесь лежали основные задачи службы эксплуатации, потому что, если служба эксплуатации не заботится о том, чтобы качество или разряд перевозимых нефтей соответствовали разряду или технической подготовленности корабля, то эта служба эксплуатации не выполняет основной своей обязанности, основной своей задачи, основной своей роли, ради которой эта служба эксплуатации по существу и создана.

Характеризуя общее положение в Каспие, обвиняемый Занько не постеснялся признать, что капитаны не были инструктированы, как обращаться с нефтью, плохо знали правила нефтеперевозок, а он, Занько, и его подчиненные не принимали мер к тому, чтобы эти пра-

вила они знали, чтобы это дело было поставлено так, как это соответствует интересам флота и государства.

Вы знаете, что причины той катастрофы, какая случилась с пароходом «Советский Азербайджан», лежат в грубом, преступном нарушении правил перевозки нефтегрузов.

На судебном следствии мы установили, что в этом отношении существовало самое преступное поведение руководящего состава Каспийского флота, Каспийского пароходства. Достаточно сказать, что начальник службы эксплуатации Занько вообще не имел никакого понятия ни об аппарате Абель-Пенского, ни о температуре вспышки перевозимой на наливных судах нефти, ни о соответствии судов качеству и особенностям этой нефти, т. е., иначе говоря, не знал самого основного, что должен был знать и без чего нельзя работать, т. е. он не знал, не имел понятия о том, может ли данный конкретный груз быть погруженным на данный пароход и какие технические условия надо соблюсти для того, чтобы этот груз не взорвался и чтобы не погибли и люди и сам пароход. Именно эта задача не была поставлена по существу перед службой эксплуатации. Достаточно констатировать эти факты для того, чтобы притти к заключению о серьезной ответственности начальника службы эксплуатации и ему подчиненных лиц за такого рода халатно-преступное отношение к своим обязанностям.

Когда мы спрашивали Занько, признает ли он себя виновным в том, что он не знал системы определения температуры вспышки и несет ли он ответственность за это, то он — и надо отдать ему справедливость — прямо и честно сказал: да, виновен в этом и должен нести ответственность за это, как и за то, что под нефтедагскую нефть подавались суда второго и даже третьего разряда.

Но чудовищно было слышать из уст начальника службы эксплуатации объяснение, которое он дал суду по этому вопросу. Мы, сказал Занько, знали, что анализ в Краснодарске сделан по Бренкену, а не по Абель-Пенскому, но мы не знали других методов определения вспышки. Для того, чтобы обеспечить надлежащую постановку производства анализа, надо было, говорит он, сломать существующую в Каспие систему. А почему вы не сломали ее? Неужели вам недостаточно было 3—4 месяцев вашей работы для того, чтобы сломать эту систему? Чтобы сломать эту систему, надо было знать, во-первых, что нужно ее сломать, во-вторых, нужно было желать ее сломать и, в-третьих, нужно было уметь ее сломать. Вы не знали, вы не желали и вы не умели ломать бюрократические извращения, и за это вы должны отвечать.

Что собственно представляет собой обвиняемый Занько, видно из того, что он даже после катастрофы с пароходом «Советский Азербайджан» давал распоряжение грузить нефтедагскую нефть на суда несоответствующих категорий. Это он сам здесь подтвердил и в качестве оправдательного довода сослался на то, что это — неизбежно, что и сейчас это продолжается. Сейчас, гр. Занько, это уже не продолжается. Это уже первый реальный результат нашего судебного процесса, а если это будет продолжаться, то и остальные чиновники, которые посмеют нарушать правила перевозки, будут также привлечены к суду и

будут также строго наказаны, как, я надеюсь, будет наказан сам подсудимый Занько. Я тут же должен сказать, что при определении наказания обвиняемому Занько нельзя забывать, что Занько не впервые вообще несет наказание. С должности начальника Черноморского пароходства он был снят с понижением; он подвергался четырем партийным взысканиям. Я думаю, что соответственно вине, которая была установлена в этом процессе и признана самим Занько, он должен будет понести и уголовное наказание.

«Инструктирование экипажа судов нами не производилось, каких-нибудь предохранительных специальных мер нами также принято не было», — говорит Занько.

Зная абсолютную опасность нефтедагской нефти, Занько не может не признаться в том, что он не имел достаточного представления о размерах этой опасности. Это одно уже является признанием его тяжелого преступления перед государством потому, что мы не можем стать на такую точку зрения, что раз я не знал, то значит я не отвечаю. Мы требуем ответственности и за незнание, мы требуем, чтобы лица, возглавляющие те или иные управления или даже отдельные части управления, знали то, что они должны знать, а если они этого не знают, то они должны отвечать за это незнание, если это незнание явилось причиной развала всей порученной им работы или явилось причиной какой-либо катастрофы.

Поэтому подсудимый Занько пусть не надеется на то, что ссылка на невежество может освободить его от ответственности. «Я не знал, мне было неизвестно, я знал только Бренкена, об Абель-Пенском не имел понятия» — вот как оправдывается Занько. Именно потому, что вы, гр. Занько, не имели понятия о том, что обязаны были знать в силу своего служебного положения — вы и должны отвечать и отвечать вдвойне, потому что, если вас назначили начальником службы эксплуатации, доверив вам руководство делом использования и эксплуатации флота, отдав в ваши руки судьбу всего флота и живых людей, то мы вправе требовать, чтобы вы знали свое дело и добросовестно и честно выполняли свои ответственные обязанности.

Характерно, и я едва ли ошибусь, говоря, что именно это и характеризует Занько, что он тут на суде это незнание, это невежество пытался выдать за некую свою добродетель. Во всяком случае это свое невежество он пытался превратить в средство защиты и спасения от обвинительного приговора суда. Такая защита порочна в корне, и я надеюсь, что суд решительно отвергнет подобные мотивы защиты.

Вице Занько усугубляется тем, что он не принимал никаких мер для того, чтобы обеспечить Каспийскому флоту безопасность перевозки нефтегрузов.

В подкрепление этого пункта обвинения я хотел бы напомнить показание свидетеля Байкина, говорившего здесь о том, что он предупредил начальника службы эксплуатации Занько о крайней опасности перевозки нефтедагской нефти, настаивая на допущении подробных данных анализа этой нефти, которые требовались инженером-химиком Леоненком. Тем не менее, и несмотря на то, что Занько предупреждали об особой опасности нефтедагской

нефти и Байкин, и Леоненок, он никаких мер как начальник службы эксплуатации для предотвращения катастрофы с перевозкой подобного груза не принял, и катастрофа произошла. Может ли теперь Занько говорить, что на нем не лежит крупнейшая доля ответственности за взрыв на «Советском Азербайджане» и за гибель «Советского Азербайджана»? Может ли Занько отрицать и смеет ли он отрицать, что он должен нести эту ответственность и перед советским судом и перед Советской страной? Я утверждаю, что он эту ответственность должен нести и что эта ответственность является очень серьезной.

Мы здесь видели свидетеля Петрухова, начальника наливного участка в Красноводском порту. Оказывается, Петрухов тоже о вспышках нефтедагской нефти, о ее своеобразии и опасности ничего не знал. Мы спрашивали капитанов судов, и они, оказывается, об этом тоже не знали. Больше того, капитаны судов даже, оказывается, не знают категорией своих судов, т. е., иначе говоря, они не знают того, какие вообще грузы они могут перевозить и какие грузы он не имеют права перевозить. Они обнаружили громадное невежество и в отношении других мероприятий, связанных с перевозкой опасных грузов, и в частности пожарных мероприятий. Все это вместе взятое ставит с полной силой вопрос о вине Занько как начальника службы эксплуатации, ставит вопрос о том, что служба эксплуатации была доверена, к сожалению, человеку, не оправдавшему этого доверия, отнесшемуся к своим обязанностям преступно-легкомысленно, формально бюрократически, не умевшему работать и не сумевшему поставить эту работу на надлежащую высоту.

Свидетель Леоненок говорил, что у него нет всех материалов исчерпывающего и полного анализа нефтедагской нефти, что, однако, эта нефтедагская нефть по тем данным, какие у него имелись, принадлежит к легкой нефти, т. е. что она очень огнеопасна, что ближе всего она подходит к тем нефтяным группам, которые содержат бензин, широкие бензиновые фракции или лигроин, что она может быть перевозима только на тех нефтесудах, на каких перевозились такие же огнеопасные нефтепродукты, как нефтесмесь. Таким образом со своей стороны свидетель Леоненок принял меры, которые должны были бы быть учтены Занько для предотвращения опасности и катастрофы. Занько и в этом направлении ничего не сделал. Занько в этом отношении проявил преступную небрежность, преступное нарушение своих служебных обязанностей. Поэтому я полагаю, что то обвинение, которое ему предъявлено по настоящему делу, является достаточно обоснованным, и что я вправе требовать для Занько заслуженного им наказания.

Обвиняемый Занько должен нести ответственность по всей строгости уголовного закона и в частности по ст. 79^а УК Азербайджанской ССР.

Не лучше обстояло дело и с Регистром. Я уже не говорю о том, что в сущности говоря, Регистр здесь существовал только формально. Устимович не выполнял как начальник Регистра своих основных обязанностей, которые заключаются в осуществлении технического надзора за состоянием судов, их корпусов, их котлов, оборудования и т. д. потому, что ту

работу, которую он проделал здесь вкупе с Занько, никак нельзя назвать действительным осуществлением тех задач, которые на них были возложены постановлением СТО Союза ССР о Регистре Союза ССР.

Вспомните хотя бы такой факт, как вот этот знаменитый перевод, скоропалительный, кабинетный перевод целого ряда судов — III категории во II категорию, с оговоркой: «проверить на II категорию». Всем совершенно очевидно, что это были обычные бюрократические оговорки, имеющие целью самостраховку. Совершенно ясно, что никакой проверки производить не предполагалось, да она и не производилась, что самым фактом составления этого исторического мартовского протокола суда III категории уже были переведены во II категорию. Устимович пытался опротестовать участие Занько в разбивке флота на категории. Он пытался принять это целиком на себя. Я против этого не возражаю. Устимович приписывает всю «заслугу» этой «работы» себе — пусть будет так, но пусть он целиком тогда берет на себя и всю ответственность за эту безобразную бюрократическую работу. Она была именно безобразно-бюрократической потому, что прошло лишь 2 месяца, и те же суда, которые были отнесены ко II категории, тем же Регистром, теми же самими Устиновичем и Занько были вновь переведены в III категорию, т. е. тем самым полностью было подтверждено, что первоначальный перевод во II категорию не имел достаточных оснований. Но этот факт свидетельствует о безобразно легкомысленном отношении б. нач. Регистра Устимовича и б. нач. эксплуатации Каспара Занько к одной из основных задач их работы. Преступность действий Устимовича и Занько усугубляется еще тем, что этот обратный перевод судов II категории в III категорию был осуществлен лишь после того, как взорвался и погиб пароход «Советский Азербайджан».

Я обвиняю Устимовича в отсутствии наблюдения за техническим состоянием судов и безопасностью плавания. То, что здесь мы на суде узнали по этому вопросу, целиком подтверждает правильность предъявленного в этом отношении к Устимовичу обвинения. Мы знаем также, что Устимович не организовал и правильного наблюдения за тем, чтобы суда имели право на плавание. Ведь то, что здесь на суде так отчетливо раскрылось с «Советским Азербайджаном», который вышел в море, не имея права плавания и плавал почти месяц или даже больше без права плавания, свидетельствует о том хаосе, о том беспорядке, о том безобразии, которые существовали в этом деле в Управлении Регистра. Когда явился к обвиняемому Белякову для того, чтобы получить разрешение на выход в море, он даже не постарался проверить, а есть ли у «Советского Азербайджана» право плавания? Оказалось, что это право плавания истекло чуть ли не 1 февраля! А Регистр этого не знал, Регистр этого не проверил, и танкеры плавали, как бог на душу положит. Эти факты прошли перед нашими глазами. Они свидетельствуют о том, что в этом отношении работа не стояла на должной высоте. За это дело отвечает Устимович, фигура которого для нас совершенно ясна. Ведь это тот самый Устимович, который как я уже здесь в начале процесса говорил, на мой первый вопрос, есть ли у него братья, не моргнув

глазом, ответил: «Братьев нет», и вслед за тем, на мой вопрос, а есть ли у него брат Василий, ответил — «Да, есть брат, но это знаете ли не брат, это так, это от первого брака моего отца»... Оказывается, что для Устимовича сын его отца не является его братом. Ложь Устимовича тут же была вскрыта. Оказалось, что у Устимовича есть еще два брата и что все эти братья — бывшие царские офицеры, как и сам Устимович, а один из братьев — не только бывший офицер царской армии, но еще и бывший пристав, а Устимович об этом «забыл». Он очень упорно доказывал, что ничего не скрывал, ссылаясь на то, что если он, этот брат своих братьев, и не говорил об этом своей парторганизации (а ведь Устимович пролез в партию), то только потому, что его об этом не спрашивали. Устимович был нами полностью изобличен. Это тот самый Устимович, который забыл совершенно о том, что жил был на свете такой лейтенант Кедров, забыл, что была в г. Або гостиница «Штабдарт» и, что всего интереснее, забыл, что у этого лейтенанта Кедрова в гостинице «Штабдарт» пропала некая шкатулка, в которой находилась некая сумма денег, и что подозрение в пропаже этой шкатулки, а по существу в краже денег, пало на б. лейтенанта Устимовича. Оказалось, что б. лейтенант Устимович обвинялся в краже шкатулки с деньгами у своего товарища по службе, тоже офицера царского флота, но Устимович этого не помнит. Больше того, оказалось, как мы и выяснили это со слов самого Устимовича, что это был не единственный случай. Оказалось, что был и второй случай, когда д-р Беспальчиков обвинял Устимовича в краже денег, причем оказалось, что кража денег по признанию самого Устимовича, действительно имела место. Однако Устимович предъявленное ему его товарищами по службе обвинение объяснил «несчастливым стечением обстоятельств». Мы заинтересовались, в чем именно заключалось это «несчастное стечение обстоятельств». Оказалось, что в номере гостиницы, где жил Устимович, был найден тот самый носовой платок, в котором были завернуты деньги, украденные у их владельца. Действительно, гр. Устимович, это «несчастное стечение обстоятельств» для вас могло окончиться более счастливо, если бы этого чужого платка не обнаружили в вашем номере. Но увы, он был обнаружен, и вас, обвиняемый Устимович, привлекли к товарищескому суду, и матросский суд 15 декабря 1917 года постановил направить вас в бессрочные каторжные работы, как это было сказано в постановлении матросского круга. Вот что представляет собой этот б. начальник Регистра, пробравшийся в партию, обманывавший партию и продолжавший пакостить трудящимся нашей страны. На Устимовиче, как и на Занько, лежит ответственность за то, что в Каспийском море плавали нефтеналивные суда с полным игнорированием правил пожарной безопасности. Это они несут ответственность за то, что на Каспийском море имеются такие нефтеналивные суда, в каютах которых матросы задымаются от нефтегазов, угрожающих взрывом каждую минуту. Этого они не хотят признать. Но нам их признаний и не нужно. И Регистром, и службой эксплуатации, и богоспасаемой пожарной охраной, представляемой Гибшманом и его патроном Штейнгольцем, наши моряки

на Каспийском море поставлены в недопустимые условия плавания и работы, в положение совершенно недопустимого и ненужного риска. Они — эти Устимовичи, Занько, Штейнгольпы и Гибшманы — несут ответственность в первую очередь за безобразную, преступную организацию служб эксплуатации и Регистра, и пожарной охраны на Каспийском море. Вот почему в отношении этих лиц я поддерживаю обвинение полностью.

Мы спросили Устимовича, отвечает ли он за огнеопасность судов, за проникновение газов? Он ответил уклончиво. Он ответил: «если дефекты обнаружены». Мы спросили: «А обязаны ли вы эти дефекты обнаружить?» Он ответил: «Обязан, если я эти суда осматриваю». Спросили: «А обязаны ли вы осматривать эти суда?» Ответил: «Обязан, если я на этих судах бываю». Спросили: «А обязаны ли вы бывать на этих судах?» Ответил: «А бывать на судах я не могу за недостатком времени...»

Вот какими ответами Устимович думал выйти сухим из воды, как думал выйти сухим из истории со «Штандартом», шкатулкой и кражей денег у своих товарищей. Мы ставили экспертам вопрос относительно того, в каком состоянии был пароход «Советский Азербайджан» до момента взрыва и выполнил ли Регистр по отношению к этому пароходу свои обязанности.

Экспертиза ответила, что с конструктивной стороны судно имело следующие недостатки:

1. Наличие негерметической горловины в поперечном коридоре спардека, что приводило к насыщению спардечных нефтепродуктами.

2. Отсутствие вентиляции в междупалубном пространстве в районе 2 и 3 трюмов, что особенно важно для района 5 трюма, находящегося целиком под спардеком; недостаточность вентиляции в носовых и кормовых подпалубных помещениях.

3. Поперечная переборка носового коффердама (32 шпангоут) не доведена до главной палубы.

В отношении технического состояния судна экспертиза отметила:

1) газопроницаемость главной палубы (деревянной), что отмечено в дефектной ведомости на 1934—1935 гг.;

2) наличие водотечиности в машинной переборке кормового коффердама в районе бортового стрингера;

3) в актах осмотра Регистром судна по части корпуса, после капитального ремонта (1931 г.), нигде не отмечен факт прессовки второй палубы, что обязательно согласно требованиям правил Регистра для наливных судов.

Исходя из вышеизложенного, экспертиза признала, что это судно могло быть использовано под перевозку грузов II разряда лишь после устранения указанных недостатков и дефектов.

В отношении размещения электрооборудования экспертиза установила, что электрооборудование судна имело следующий основной недостаток: установка униформера, радиостанции и главного распределительного щита, а также орудового насоса была произведена в одном и том же помещении, не разделенном поперечной переборкой, что противоречит правилам Регистра. Помимо этого в указанном помещении не было установлено искусственной вентиляции, каковая также должна была быть предусмотрена согласно правилам Регистра.

Указанные выше недостатки, по утверждению экспертизы, также не разрешали использовать судно под перевозку грузов II разряда до устранения этих недостатков.

В силу изложенного экспертиза пришла к общему заключению, что основным техническим недостатком данного судна следует считать слабую вентиляцию междупалубного пространства и наличие водопроницаемого люка в поперечном коридоре под спардеком.

Таково заключение авторитетной экспертизы.

Это заключение говорит с достаточной убедительностью о том, что служба Регистра своих обязанностей не выполнила, что эта служба была поставлена формально, что инспектора под руководством Устимовича и ближайшего его помощника Белякова своих обязанностей не выполняли. Они должны были наблюдать за техническим состоянием нефтеналивных судов, но не наблюдали. Лучшим доказательством их преступного, бюрократического, канцелярско-формального отношения к важнейшим обязанностям служит такой факт, как акт Багненко, не заметившего на «Советском Азербайджане» никаких дефектов, несмотря на то, что этих недостатков было немало. Что же вы скажете о таких инспекторах Регистра, которые посещают суда, которые осматривают их и не видят никаких дефектов, а спустя каких-нибудь 20 дней после этого, это самое судно гибнет вследствие воюющих дефектов и технических неполадок, которые имели на нем место и которые были установлены экспертизой именно на этом самом корабле? И смеет ли после этого Багненко выходить сюда, делать наивное лицо и отводить предъявленное ему обвинение? Нельзя без возмущения не констатировать, что в Регистре Каспийского флота засела кучка бюрократов и лодырей во главе с Устимовичем, б. царским лейтенантом, общественным мнением заклейменным за воровство, систематически злоупотреблявшим своим положением, бездействовавшим, в результате чего явилась гибель «Советского Азербайджана» и гибель находившихся на этом корабле людей.

Экспертизе был поставлен прямой и четкий вопрос о состоянии «Советского Азербайджана». И вот авторитетная экспертиза в лице гг. Корочкина, Друкера и Фрика 10 июля 1935 г. дала на этот вопрос исчерпывающий и четкий ответ.

«На пароходе «Советский Азербайджан», — сказала экспертиза, — имелись в наличии условия для проникновения и накопления паров нефти из трюмов в междупалубное пространство и из междупалубного пространства в помещения под спардеком». Экспертиза пришла к заключению, что перевозка нефтедагской нефти на пароходе «Советский Азербайджан» являлась абсолютно недопустимой и что этот пароход абсолютно не имел права перевозить эти грузы. А между тем он их перевозил на глазах портового начальства, на глазах служб эксплуатации, на глазах Регистра Каспийского флота. «Советский Азербайджан» грузится очень опасным грузом, при крупных недостатках конструктивного и эксплуатационно-технического характера, а команда даже не инструктируется об опасности этого груза. Команда не дисциплинируется соответствующим образом: по показаниям свидетелей и по другим данным, которые мы имели в своем распоря-

жени, на пароходе «Советский Азербайджан» всюду курили и в каютах, и в салоне, и на палубе. На пароходе всюду были мазутные пятна, однако капитана, это вовсе не интересовало, хотя это представляло прямую угрозу безопасности танкера. Кто отвечает за эту преступную небрежность капитана, доведшего судно до гибели? Кроме самого капитана, за это отвечает Регистр, за это отвечает служба эксплуатации, за это отвечает командир Краснодарского порта Жуков, который здесь действительно поразил нас своей вопиющей безграмотностью и вопиюще чиновничьим, бюрократическим отношением к своим обязанностям.

Я говорил о службе Регистра, я говорил об ответственности Устимовича. Я не могу несколько слов не сказать об ответственности его ближайших помощников обвиняемых Белякова и Багненко. Я считаю, что эпизод с актом 20 февраля надлежит вычеркнуть из обвинительного заключения. Но это я не склонен рассматривать как основание для смягчения ответственности Белякова. Дело вовсе не в том, что, сверившись с планом, Беляков перенес срок с 1 апреля на 1 июля, исправив ошибку Векиловой. Дело в той системе работы, одним из организаторов которой был Беляков, в качестве старшего инспектора Регистра и заместителя Устимовича.

В сущности говоря, все то, что мы здесь обнаружили с точки зрения беспаспортизации, если можно так выразиться, «Советского Азербайджана» целиком относится к вине не только Устимовича, но и Белякова и Багненко. Беляков выдавал разрешение на выход в море, не проверив права плавания этого парохода. Он вообще не задумывался, в каком состоянии этот пароход, которому он дает права плавания. В этом отношении он несет ответственность за то, что «Советский Азербайджан» ушел в плавание с такими недостатками, которые и послужили причиной его гибели.

Я считаю доказанным, что если бы служба Регистра, за которую отвечают Устимович, Беляков и Багненко, была на высоте тех требований, которые закон предъявляет к этим должностным лицам, то едва ли мог иметь место такой случай, какой мы имели с «Советским Азербайджаном», когда он в непригодном техническом состоянии оказался загруженным очень опасной, легко взрывающейся нефтью. На этом танкере не было проведено предварительного соответствующего инструктирования команды; здесь не было развернуто соответствующих мероприятий пожарного и вообще профилактического характера, и, таким образом, этот танкер был поставлен в такое положение, когда недисциплинированность отдельных людей из его команды подвергала этот корабль крупнейшей, катастрофической опасности. Как мы знаем, эта катастрофа и произошла, приведя танкер к взрыву и гибели с людьми и грузом.

Вот почему я полностью поддерживаю обвинение против Устимовича, против Белякова и против Багненко.

Для того, чтобы покончить с этой частью своей обвинительной речи, я должен остановиться на роли начальника Краснодарского порта Жукова и его заместителя, капитана этого порта, Величко. И Жуков и Величко обвиняются в нарушении правил технической безопасности

и правил плавания, выразившемся в том, что грузы I разряда они допускали перевозить на судах несоответствующей категории и что, в частности, допустили погрузку нефтедагской нефти на пароход «Советский Азербайджан», который не имел права перевозить груз этой категории. Преступные действия администрации Краснодарского порта также явились одной из причин гибели этого танкера.

Мы видели, что собой представляет Жуков, как строилась его работа. У Жукова не было инструктажа и проверки работы ему подчиненных людей. В сущности говоря, едва ли можно было назвать Жукова командиром порта, потому что, я это смею утверждать, Жуков портом не командовал. Основной его обязанностью было контролировать работу подчиненных ему агентов, у которых в свою очередь основной обязанностью была работа по контролю за погрузкой нефтедагской нефти. Ясное дело, что, если государство строит систему различных учреждений, обслуживающих нефтеналивные суда, то это делается для того, чтобы обеспечить максимальный успех этой работе. В этом отношении Жуков не выполнил своего долга. Он уже сам признал себя виновным в предъявленном ему обвинении. Да и как ему не признать себя виновным, когда, оказывается, он даже не знал, что это такое «вспышка»! Он не инструктировал соответственно подчиненный ему личный состав, он не знал разрядов судов, он не знал категорий грузов. Над этим вообще он «не думал», как он здесь выразился. Иначе говоря, он бездействовал, как выражаюсь я. Несмотря на телеграмму службы эксплуатации, он не предупредил капитанов об особой опасности нефтедагской нефти. Он не только не инструктировал их в этом направлении, но даже просто не предупреждал об этом, т. е. опять-таки преступно малатно отнесся к своим обязанностям, создав все условия для того, чтобы при том самотеке, который царил в Каспаре и до сих пор еще кое-где продолжает царить, нефтяные суда были буквально отданы «на волю волн» — на волю случая.

Жуков виновен в преступном бездействии, в том, что нефтеналивные суда оставил без всякого контроля, в том, что в Краснодарском порту в деле погрузки нефти господствовал хаос и полный беспорядок.

В этом отношении вина Жукова, как и капитана порта Величко, доказана полностью.

В самом деле, как относились эти люди к своим обязанностям, обязанностям, достаточно серьезным и ответственным, чтобы следовало серьезно наказать тех, кто их нарушает?

Известно, что вся нефтедагская нефть поступала на пароходы из одного места — из Краснодарского порта, причем другой нефти, кроме нефтедагской, в Краснодарске не было.

Это обязывало начальника порта, как представителя Каспара, иметь исчерпывающее, точное представление о качестве этой нефти, тем более, что эксплуатация дважды запрашивала об этом обвиняемого Жукова — начальника Краснодарского порта.

Внимание Жукова к этой нефти было тем более необходимым, что температура вспышки, даже по Бренкену, все время быстро падала, дойдя к началу мая до 20° Ц, о чем, кстати сказать, Жуков не потрудился во время сигнализировать Каспару.

Однако обвиняемый Жуков не только не сигнализировал об этом службе, эксплуатации, но вообще этим вопросом не интересовался. Жуков прямо заявил: «... Этим вопросом я не интересовался, так как был перегружен другой работой».

К слову сказать, нефть в общем объеме перевозок порта занимала, по словам того же Жукова, не менее 40%.

Жуков получил от Каспара 7 апреля 1935 г. телеграмму следующего содержания: «Предупреждайте суда при погрузке принятия мер предосторожности применительно к грузам II категории».

Эта телеграмма по существу, конечно, не соответствовала истинным размерам опасности, так как эта нефть относилась, как это указывалось выше, к грузам не II разряда, а I разряда, но все же эта телеграмма должна была мобилизовать внимание Жукова на перевозку этой нефти.

Жуков же, получив телеграмму, ничего не предпринял по ее исполнению и положил ее под сукно. Он здесь признал это, сказав: «... Я считаю своим улушением то, что я не издал надлежащего приказа по порту, чтобы капитанов предупреждали обо всех предосторожностях, также я должен был сам заняться этим вопросом и обеспечить это мероприятие. Я не запрашивал о категориях судов, считая, что и эксплуатация не знает этих категорий».

Обратимся теперь к обвиняемому Величко, который был капитаном Красноводского порта. На его обязанности лежало осуществление портового надзора, в частности, проверка соответствия категорий судов разрядам груза.

От обвиняемого Величко непосредственно зависело не выпускать из порта судно, которое по своему техническому оборудованию не подходило под перевозку нефтедагской нефти, в частности, от него зависело запрещение «Советскому Азербайджану» перевозить эту нефть. Но роль этого капитана в Красноводском порту и преступно халатное его отношение к своему делу достаточно ясно охарактеризованы им самим в его показаниях. Обвиняемый Величко показал, что он знал, что «там вообще наливают нефть». Он говорил: «имеются у меня правила перевозки огнеопасных грузов, там есть сведения о нефти, а какие требования предъявляются в отношении судна — не помню. Я спрашивал диспетчеров о нефтедагской нефти. Узнал, что имеет вспышку даже 25°. Что значит эта температура, теоретически не знаю, только из практики знаю, что груз очень опасный. Никаких мер не принял, хотя и имел право не допускать выхода из порта судна, непригодного для этого груза. Вина моя, понятно, есть, нужно было больше внимания обратить на это дело. Воздерживался проявить свои права, основываясь на Баку, потому что распоряжения шли оттуда».

Вот как работали Жуков и Величко, эти, ничего не делающие, ничего не видящие, не понимающие, не знающие и ничего знать не желающие чиновники.

В свою защиту и Жуков и Величко выдвигали такие аргументы, как «не знали», «не думали», «не понимали»... Плохая защита. Плохие аргументы.

Мы требуем от начальников, чтобы они ду-

мали, понимали и знали то дело, на которое они поставлены.

И за незнание и недуманье мы тоже взыскиваем и будем взыскивать.

Мы выдвигаем нередко на командные должности людей, хотя и не дипломированных и даже не имеющих формального образования, но отличающихся организаторскими и административными способностями.

Но, доверив таким товарищам управление той или иной частью государственного аппарата, мы ожидаем от них ответственного и добросовестного отношения к возложенным на них обязанностям, требуем, чтобы они быстро и энергично восполнили свои пробелы в образовании, в овладении техникой своего дела, чтобы они подняли уровень своей общей и технической подготовки на дальнейшую и соответствующую их должностному положению ступень развития.

Вот обвиняемый Настасьев, — мы его подняли от матроса до второго помощника капитана. Сами Жуков и Величко тоже вышли на командирские должности снизу. Это прекрасно. Это полностью соответствует принципам нашего советского строительства.

Но, выдвигая товарищей на новые и более высокие должности, мы обязаны помогать им учиться, совершенствоваться, квалифицироваться, чтобы соответствовать этому высокому своему званию, чтобы отвечать этой высокой своей должности. Но и сами работники должны учиться, должны всеми силами бороться за свою квалификацию, а не спать, не лежать на боку, ссылаясь на свое незнание и свою неподготовленность.

Мы никому не можем прощать невежество, а тем более когда это невежество возводится чуть ли не в какую-то новую добродетель.

«Мы, мол, люди маленькие, темные, неученые». Это не наша «философия». В советском государстве нет маленьких людей. Здесь каждый человек — человек, каждый работник имеет свое значение и свою ценность как часть всего государственного аппарата или как участник всего социалистического строительства. У нас нет маленьких людей и не должно быть и не может быть неграмотных, невежественных в своем деле людей, особенно занимающих командирские и капитанские должности.

И Жуков и Величко должны были знать, что такое «вспышка», что такое аппарат Бренкена или Абель-Пенского, потому что без этого нельзя знать качество подлежащей перевозке нефтедагской нефти. Они должны были знать категории судов; должны были знать сами и научить других — своих агентов, своих сотрудников тому, что от них требуют правила перевозки, являющиеся для них законом. Они ничего этого не знали, службы своей не исполняли, халатно, преступно-халатно относились к своим обязанностям, и теперь за это посажены на скамью подсудимых. Со скамьи подсудимых их необходимо посадить под замок, или, по крайней мере, наказать их исправительно-трудовыми работами, запретив занимать ответственные должности на водном транспорте.

Перехожу к Штейнгельцу и Гибшману, сыгравшим в трагической гибели «Советского Азербайджана» не последнюю роль. О Штейнгельце мы говорили очень много в процессе судебного следствия. Поэтому я на нем оста-

навиваться долго не буду. Эта личность в лучшем для него случае, надо сказать, подозрительная, требующая еще большой лабораторной проверки. Я думаю, что этот срок наказания, который ему суд определит своим приговором, будет достаточным для дополнительного всестороннего изучения этого человека. Но во всяком случае я уже теперь могу с полным сознанием своей ответственности сказать, что это лицо принадлежит к категории тех социально-опасных типов, изоляция которых необходима, и чем скорее, тем лучше.

В двух словах, однако, позвольте охарактеризовать преступление Штейнгольца, занимавшего высокий пост начальника вооруженной охраны Каспийского водного бассейна.

Нужно считать установленным, что Штейнголец, узнавший о взрыве парохода «Советский Азербайджан» ночью 29 мая, в течение двух суток бездействовал, не принимая никаких, решительно никаких, мер к организации помощи горящему и гибнущему судну.

29 мая обвиняемому Штейнгольцу по телефону на квартиру было сообщено о катастрофе. Штейнголец спросил у сообщившего этого сотрудника: «что делать?» и, получив ответ, что нужно ждать дополнительных сведений, на этом успокоился.

Мы здесь установили, что известие это Штейнголец получил, придя из театра. Очевидно, Штейнголец был не в плохом настроении. По крайней мере он спокойно лег спать, спал до 10—11 ч. утра следующего дня, потом пошел в Управление, о чем-то там говорил с Гибшманом, потом вернулся домой, и все,—а «Советский Азербайджан» в это время продолжал в открытом море гореть, тщетно ожидая помощи, о которой и Штейнголец и Гибшман меньше всего думали в эти трагические дни!..

Что говорят в свое оправдание эти «пожарные Аяксы»? Они говорят, что были убеждены в полной гибели «Советского Азербайджана», думая, что «Советский Азербайджан» потонул и что, следовательно, всякие меры по его спасению беспредельны.

Но откуда они взяли, что «Советский Азербайджан» потонул, когда в действительности он держался на поверхности, объятый пламенем, целых четверо суток? Они говорят, что так они поняли телеграмму, извещающую о катастрофе. Однако мы установили, что телеграмму эту они сами не читали и даже ее не видели. Между тем—и это особенно важно отметить,— в телеграмме ясно говорилось, что пароход «Советский Азербайджан» продолжает гореть.

Это в конце концов вынуждены были признать и Штейнголец и Гибшман.

«Лично я радиogramмы не читал, — показал обвиняемый Штейнголец, — нам их не давали, а читал ли их Гибшман, мне неизвестно. Я полагался на начальника пожарно-технической части, так как это дело подведомственно ему. У меня оснований не доверять ему не было»...

Впрочем, в тех же показаниях Штейнголец говорил:

«... В течение 30 и 31 мая Гибшман жаловался на болезненное состояние, хандрил, просил отпустить его в Астрахань к жене, и я, исходя из этого, боялся ему доверить непосредственное руководство тушением пожа-

ра...»

Что же касается начальника пожарно-технической части Гибшмана, то его участие в деле спасения «Советского Азербайджана» выразилось в том, что, узнав 29 мая о катастрофе, он, вместо того, чтобы заняться своими прямыми обязанностями, утром 1 июня уехал в Астрахань.

Гибшман точно так же, как и Штейнголец, до 31 мая не знал и не пытался узнать, в каком состоянии находится горящее судно. Он показывает: «... я не знал, что судно горит на плаву, мер к выяснению положения судна я не принял». Приведенных данных достаточно для признания вины Гибшмана.

Нелишне здесь же дать и общую характеристику работы Гибшмана по организации противопожарных мероприятий в связи с перевозкой нефтедагской нефти.

Послушаем, что об этом говорит сам обвиняемый Гибшман: «... не зная об особенностях нефтедагской нефти, — говорит Гибшман, — я специальных указаний Краснодарску не давал. Об особенно неблагоприятных в пожарном отношении условиях налива на Уфру мне стало известно только в последних числах апреля, когда я побывал в Краснодарске. На Уфру я не ездил, так как не мог достать пропуска, в дивизион за пропуском не обращался, а только спросил командира отряда и он уверил, что нельзя достать»...

Вот как, с позволения сказать, «работали» эти господа из ВОХР!

Я не думаю, чтобы Гибшман был менее социально-опасным, чем Штейнголец, хотя с внешней стороны Гибшман произвел как будто бы несколько лучшее впечатление. По его объяснениям, в совершенном им преступлении сыграло роковую роль его «рыцарское» отношение к женщине. В действительности Гибшман — просто чиновник, отравленный ядом бюрократизма до мозга костей, и отъявленный лодырь. Гибшман — не просто Гибшман, а начальник пожарной охраны, — в минуту катастрофы танкера, пагубающего в огне, позорно бежит в Астрахань, ища женских утех и семейной радости... Уже одно это обстоятельство достаточно ярко характеризует этого человека, забывшего свой долг, изменившего своему долгу...

Но, товарищи судьи, я хочу обратить ваше внимание еще на одну деталь. Гибшман принадлежит к категории людей, прекрасно ориентирующихся в любой обстановке. Он хорошо понял глубоко трагическое положение на суде Штейнгольца, который был вчера в положении карася, которого поджаривают на медленном огне. Положение, конечно, не из завидных. Гибшман понял, что следовать методу самозащиты Штейнгольца опасно, что, следуя этому методу, он неизбежно и сам попадет в положение карася. И Гибшман быстро усваивает новую тактику: кое в чем он начинает калиться, стараясь спрятаться за спину Штейнгольца, стараясь разыграть из себя честного человека, но несчастного мужа своей жены, явившейся причиной его позорного поведения. И хотя Гибшман не Штейнголец и в Харбин не ездил и не занимался покушкой и перепродажей харбинских товаров, но по своему моральному облику он от этого Штейнгольца недалеко ушел.

Про Штейнгольца и Гишмана можно прямо сказать: один — «светило», а другой — его спутник... Оба — преступники в этом деле, кругом виноватые перед погибшими людьми и их семьями, перед всей нашей страной... В самом деле, обратимся на миг еще раз к тому, как вели себя 29, 30 и 31 мая Штейнголец и Гишман, — лица, которым вверена пожарная и общая охрана Каспийского водного бассейна и которых в первую очередь должна была касаться задача организации помощи танкеру «Советский Азербайджан».

Что делал Гишман? Ничего. Он говорит, что позвонил по телефону Штейнгольду; Штейнголец это отрицает. Кто-то из них лжет. Это надо оставить на совести обоих, а совесть Гишмана и Штейнгольца — дело темное. Оба они смотрят друг другу в глаза бойко и каждый говорит про другого, что он врет. Может быть они оба врут... Проверять их приходится фактами. А факты говорят о том, что они оба позорно бездействовали, ограничиваясь пустопорожними разговорами. Бездействовал Штейнголец, узнавший об этом пожаре от Дудинского или Гишмана. Бездействовал и Гишман. Ответственные лица, начальник охраны Каспийского бассейна и начальник всей пожарной охраны Каспийского флота, не стараются установить во всех подробностях, что произошло с пароходом «Советский Азербайджан», установить действительное его положение. Поставленные на столь ответственные посты, эти люди в эти трагические дни и ночи страшного бедствия, испытываемого танкером, думают каждый о своих личных, мелких, мещанских интересах. Гишман прямо сказал, что пришел 30 мая к Штейнгольцу поговорить о поездке в Астрахань к жене, что это было главной целью его прихода, а о пароходе «Советский Азербайджан» он затронул вопрос только полупути, между прочим. Гишман так вчера и сказал: «по совести говоря, я думал больше всего об устройстве своего отпуска...» Ну, а как он устраивал отпуск, вы вчера видели. Непосредственное его начальство в отпуске ему отказывает. Тогда он прибегает к разным другим путям, обращается к МорУГБ НКВД. Почему-то обращается к Занько. Срывается здесь, срывается там, Штейнголец берет этого бычка на веревочку и тащит на совещание. Воспользовавшись случаем при разноске чая, когда уборщица закрыла его своей спиной, Гишман проскользнул в полуоткрытую дверь и был таков. Вот как вел себя начальник пожарной охраны Каспийского бассейна в трагические дни гибели «Советского Азербайджана». Я прошу вас, товарищи судьи, приговорить его к такому наказанию, которое заставило бы его продолжительно поработать на каком-нибудь строительстве, которое дало бы ему возможность научиться лучшешему отношению к своему долгу. Гишман — человек неглупый, толковый, но его надо воспитать; для такого человека, как и для Штейнгольца, Устиновича, Багненко и Белякова, лучшее средство воспитания — это реальное лишение свободы, связанное с трудом, в крепких, дисциплинирующих условиях наших исправительно-трудовых лагерей.

***

Позвольте теперь перейти от береговых служб Каспара к тому, что происходило в эти

дни на море. Восстановим в своей памяти картину событий на пароходе «Советский Азербайджан» и на пароходе «Совет».

Как только произошел на «Советском Азербайджане» взрыв, капитан «Совета» Кривонос выбежал на мостик, приказав рубить буксир, стал нервно дергать ручки телефона и настойчиво, неистово кричать: «Полный ход». И вот несколько человек, вооружившись топорами, бросаются рубить буксир, чтобы скорее уйти от горящего факела, уйти без оглядки: 40 минут длится это постыдное бегство. Но тут в головах и сознании кое-кого из команды начинает возникать мысль о необходимости положить предел этому стыду и позору.

Трудно сказать, кто первый бросил мысль о необходимости потребовать от капитана взврата: не то Бузулуков, не то Михель, но интересно, что Будилин, председатель судкома, оказался в хвосте, тогда когда именно он должен был возглавить это движение лучшей части команды. Комполит Мигущенко, как говорит Михель, «либеральничал с капитаном», а капитан трусливо старался уйти как можно дальше от горящего «Советского Азербайджана», полагая, что на более близком расстоянии чем 8 миль ему оставаться опасно. Факт остается фактом: бегство «Совета», оставление «Советского Азербайджана» без помощи и гибель людей и гибель судна. Кто виноват в этом постыдном, позорном преступлении? В какой мере правильно или преступно действовали капитан Кривонос, его помощник Мигущенко и старший механик «Совета» Чеботарев? Кривонос говорит, что у него был груз, который мог взорваться под влиянием пожара на «Советском Азербайджане». Он говорит, что у него была команда, за которую он также нес ответственность. Он говорит, что он ушел не потому, что струсил и предал своих товарищей, а потому, что он считал это целесообразным с точки зрения интересов корабля и вверенных ему живых людей. Задача судебного следствия заключалась в том, чтобы установить, соответствуют ли эти объяснения действительности, так ли происходило в действительности, как говорят Кривонос и его сподвижники, действительно ли они виноваты в приписываемом им преступлении? Надо сказать, что на все эти вопросы судебное следствие дало исчерпывающий ответ, не оставляющий никакого сомнения в предательском поведении Кривоносова и К⁰, дающих полное основание сказать о них: «Да, виновны и не заслуживают никакого снисхождения...»

Но предварительно я считаю нужным остановиться на «теории» Кривоносова о собственной опасности, «теории», которая пытается предательское поведение по отношению к гибнущему судну оправдать опасностью, якобы грозившей судну, «обязанному принять меры спасения».

Это — насквозь гнилая, лицемерная, трусливая, предательская «теория». Мы решительно отвергаем ее, как абсолютно чуждую принципам советского строя, советского понимания долга.

В известных условиях, в известной обстановке риск неизбежен и обязателен. Когда речь идет о гибели наших братьев, никто не смеет уклоняться от исполнения своего долга, от обязанности прийти находящемуся в опасности на

помощь, хотя бы и подвергая опасности и самого себя...

Дело спасения погибающих — это не коммерческое дело, где уместно примерить, взвесить и оценить условия с точки зрения выгоды окончательных результатов.

Когда речь идет о спасении гибнущих — обязанность каждого спасать. И всякий, кто нарушает эту свою обязанность, кто долгу спасения гибнущих предпочтет спасение самого себя, тот заслуженно должен быть заклеймен и будет заклеймен как трус и предатель.

Его не спасут ни в глазах нашего общества, ни перед лицом нашего советского закона никакие отговорки, никакие ссылки на опасность, якобы угрожавшую ему самому, или «зверенному» его попечению судну.

Капитана, который стал бы на почву такой «теории», мы будем рассматривать как шкурника, как врага нашего общества, врага народа.

Но Кривонос не смеет прикрываться даже такой, абсолютно преступной «теорией», так как в действительности никакая опасность ему не угрожала, так как та опасность, которая заставила его позорно бежать от «Советского Азербайджана», была мнимая, воображаемая, иллюзорная опасность.

Ведь если бы Кривонос отшел от горящего танкера на 20—50, наконец, 100 метров, он был бы вне всякой опасности. Он мог бы спустить шлюпки, выбросить за борт спасательные снаряды и развернуть спасательные работы. Вместо этого он бежит за 8 миль! Вместо этого он возвращается через 2 ч. 45 м., когда на воде борются, изнемогая в последних смертельных схватках с морской стихией, два последних уцелевших матроса с «Советского Азербайджана» — Сериков и Митин.

Митин явился в суд и дал свои свидетельские показания.

Свидетель Митин, один из двух спасшихся с этого несчастного судна, восстановил нам во всех подробностях картину катастрофы. Он рассказал нам, что сначала их спаслось семеро. С трудом спустив шлюпку, двое — он и боцман Сериков — приняли в эту шлюпку бежавших по борту горящего парохода своих товарищей и потом их последовательно потеряли. Сначала волны опрокинули шлюпку и унесли двоих из них; осталось 5, продолжавших отчаянную борьбу за жизнь, с ужасом смотревших на уходящий от них пароход «Совет». Потом новые волны снова опрокинули лодку, и эти несчастные отважные люди потеряли еще двух своих товарищей. Они с громадными усилиями эту лодку перевернули, окончившими руками и зубами впилась в эту лодку и, борясь за каждую секунду своей жизни, с ужасом продолжали видеть, как огни «Совета» уходили все дальше и дальше. Тут волны перевернули их в третий раз. Они снова выпрямили лодку, но в лодке осталось уже двое. Боцман Сериков в отчаянии закричал: «Что же это? «Совет» уходит! Мы погбли!»

Судебное следствие установило здесь вопиющую, возмущающую, раздражающую душу подробность катастрофы. Следствие установило, что в то время, когда на «Совете» рухнули буксир, когда там 30 чел. здоровых, сильных и опытных моряков старались как можно дальше уйти от «Советского Азербайджана», помполит Мигущенко заметил бегав-

шего по борту горящего парохода человека. Он сказал об этом Кривоносову. Но это ни Мигущенко, ни Кривоносова не остановило. Они продолжали бежать. Они это отрицают, но их уличает Бузулук. Под влиянием этой неоспоримой улики Кривонос вынужден был признать, что Мигущенко ему действительно говорил, что видел на борту «Советского Азербайджана» пробиравшегося сквозь огонь человека. Этот факт надо считать установленным.

Надо считать установленным не только то, что «Совет» постыдно бросил «Советский Азербайджан», но и то, что на «Советском Азербайджане» люди гибли в огне на глазах Мигущенко и Кривоносова.

О том, в каком состоянии было командование, которое панически старалось спасти только свою жизнь, твердя о вторичном взрыве и всячески, возможно быстрее, с предельной быстротой ударить от места гибели «Советского Азербайджана», показывает целый ряд свидетелей, непосредственных очевидцев этой ужасной ночной катастрофы.

Берковский показал: «Сразу же после отдачи буксира мы — я, Михель, Елкин и Бузулук стали кричать капитану, что люди гибнут, давайте спустим шлюпки и начнем спасать». Это не отрицал и Кривонос. Но Кривонос остановил этот порыв молодых моряков. Он сказал: «Не торопитесь, не вмешайтесь не в свое дело, удалитесь с мостика. Мы сами знаем, что нам делать». Берковский показывает, что он обрушился нецензурными словами на капитана за то, что он не разрешает спускать шлюпку для спасения людей. Но Кривонос сказал: «Меньше выражайтесь, не вмешайтесь, не расстраивайтесь, дело не ваше». Это значило — не ваше дело спасать гибнущих людей. Так говорил Кривонос, не желая спасать людей, потому что он трус и предатель. Он сам признал, что был в «сервном состоянии». Телеграф показывал полный ход, а он кричал: «Полный ход». Пароход шел полным ходом, а он кричал: «Прибавьте еще», и ушел на 8 миль, от места катастрофы...

Помощник капитана Михель говорит: «Винющность капитана парохода «Совет» заключается еще в том, что он своим настроением создал большую панику на судне». Правда, и Михель отчасти повинен в этой панике. Как первый помощник капитана, Михель оказался не на высоте своего положения. Он не сделал то, что он должен был сделать в этом случае, о чем я буду говорить дальше. В первые минуты катастрофы он явился в известной степени пассивным созерцателем того, что происходило у него на глазах, и в этом его вина. Но сейчас мне важно отметить то состояние, в котором находился капитан Кривонос, который, несмотря на свою панику, несмотря на свой животный страх, несмотря на свою решимость оставить «Советский Азербайджан» на воле бушующей стихии, лишь бы как можно скорее уйти отсюда, отлично понимал, что он делает, ибо он хладнокровно отводил от себя всякие указания и требования изменить свое поведение, вернуться к «Советскому Азербайджану» и оказать хотя бы самую элементарную человеческую помощь гибнущим товарищам.

Обвиняемый Тренин показал: «Сразу после этого в машину вбежал механик и стал у поста управления. После этого по телеграфу по-

следовало распоряжение дать полный ход. Механик приказал прибавить горение в форсунках и усиленно наблюдать за машиной и котлами. После этого последовало распоряжение с мостика: дать полный ход, и после этого еще несколько раз все требовали полного хода, так что пришлось сообщительный клапан от котлов на главную магистраль открыть на полный ход. Помимо звонков, требовавших полного хода, приходил помощник капитана и говорил, чтобы дали самый полный ход, и когда уже у нас клапана были открыты на полную, с мостика еще звонили, требуя «полного хода».

Вот яркая характеристика предательского, панического поведения и Кривоносова и Чеботарева.

Вот, что говорит об этом же обвиняемый Мхитарян: «Как только механик вышел из машины, тут же по телеграфу последовало распоряжение дать полный ход, на что мною было отвечено «даю полный ход». После того к нам пришел сам механик и дал распоряжение открыть стапорный клапан, что мною было выполнено...»

Вот дополнительная характеристика механика Чеботарева.

Подведем первые итоги. На «Советском Азербайджане» взрыв и пожар. Что делает командование «Совета»? Рубит буксир, дает полный ход, бросает «Советский Азербайджан» на произвол судьбы и бежит, бежит, бежит...

«Полный ход» — требует капитан, «полный ход» — требует Мигушенко, «полный ход» — требует Чеботарев. Они заботятся о том, чтобы как можно скорее, полным ходом, быстрее-шим образом уйти от места катастрофы. Можно было бы говорить о снисхождении к этим людям, если бы действительно им угрожала какая-либо опасность, но, ознакомившись на суде со всеми обстоятельствами дела, нужно сказать, что опасности фактически у них никакой не было. Но если бы и угрожала их судну какая-либо опасность, они могли бы поступить иначе. Они могли бы, по крайней мере, спустить свои шлюпки. Но они ушли вместе с шлюпками, ушли вместе с людьми, способными оказать помощь, ушли на 8 миль, ушли с предельной быстротой, а вернулись назад, пройдя это же расстояние в 2 ч. 45 м., т. е. потерявши 3 с лишним часа с момента катастрофы.

Ведь «Совет» спустил шлюпку только после того, как увидел двух тонувших людей, махавших в изнеможении какой-то тряпкой, обесниженных от трехчасовой борьбы с волнами, почти полугруппой!

Матрос Кондратьев показал на предварительном следствии, что все его требования были направлены на то, чтобы Кривоносов дал возможность спустить шлюпки и пойти спасать людей. Но когда они вошли на мостик, капитан приказал им сойти с мостика и не мешать ему, так как он сам знает, что делать. И мы, обвиняемый Кривоносов, знаем, что с вами делать. Я требую расстрела этого предателя (голоса: «Правильно». Аплодисменты).

Вы слышали здесь показания свидетеля Митина. Я не сомневаюсь, что вы так же, как и я и все присутствующие в этом зале, испытывали чувство гордости, слушая простые слова этого подлинного героя, организовавшего в невероятных условиях ночного пожара спасение

своих товарищей и в течение нескольких часов бесстрашно борющегося с морской стихией за свою жизнь и за жизнь своих близких.

Таких Митиных в нашей великой стране немало. Их тысячи, скромных, безвестных, но сильных своей исключительной отвагой, самоотверженностью и бесстрашием. Они беззаветно исполняют свой долг, как бы тяжелы ни были обрушившиеся на них опасности или несчастья.

Это Митин вместе с боцманом Сериковым, вырвавшись из пламени и дыма горящего танкера, спустили лодку и подобрали 7 чел., оставшихся после взрыва живыми из числа команды. Дважды и трижды они с честью выходили из ужасного положения, думая не столько о себе, сколько о своих товарищах по несчастью.

Это он, Митин, по пояс в воде берет к себе на плечо 12-летнего юнга, плачущего и дрожащего от холода и страха. Этот юнга держится омертвелыми рученками за майку Митина, отбивается от волн, захлебывается.

Вы помните, как Митин говорил об этом эпизоде: «Юнга держался за мое плечо и все время фыркал на меня водой, а я все думал — значит жив братишка, значит держится, и вдруг он перестал фыркать, я оглянулся и нет юнга...» А где в это время были вы, трусы и предатели? Вы постыдно бежали на своем корабле, как можно дальше стараясь уйти от места катастрофы!

Командного состава на «Азербайджане», расклевывает Митин, уже не было, и мы действовали каждый по-своему.

Пом. капитана Галкин, раненый, висел на какой-то веревке, кочегар надел на себя круг, также взял спасательный прибор и 3-й пом. капитана, тоже раненый. С кормы раздался крик: «готовить шлюпку». Кое-как спустили правую шлюпку, но она упала на воду и все плавательные принадлежности из нее выпали вместе с веслами и уключинами. В шлюпке оставались я и боцман Сериков...

«Совет» в это время быстро уходил. Наш радист кричал по направлению «Совета»: «... спасай, чего уходишь!», но «Совет» уходил, и под влиянием этого зрелища надежды на спасение у всехпали.

Вот, что происходило на море вокруг горящего «Советского Азербайджана» в эти страшные ночные часы, когда Кривоносов, Мигушенко и Чеботарев спешили увести пароход «Совет», отказываясь от спасения погибающих.

Я не буду повторять всего, что произошло на море после того, как шлюпкой Митина было подобрано 7 чел. Вы знаете, что из этих 7 осталось в живых только 2. Вы знаете, что погибшие 5 чел. могли быть спасены, если бы «Совет» не ушел и если бы он выполнил свой долг по отношению к погибающим.

Я лишь напомню вам, что, удалившись на 8 миль от места катастрофы и взяв затем обратный курс, Кривоносов сделал все от него зависящее, чтобы возможно больше замедлить ход парохода.

Я напомню вам о том, что на обратный путь Кривоносов затратил 2 ч. 45 м., в то время, как первоначально он прошел это расстояние в 40 мин.

Я вас буду только просить сопоставить эти две цифры: от «Советского Азербайджана»

пройден путь в 40 мин., а по направлению к «Советскому Азербайджану» — на помощь — этот же путь пройден в 2 ч. 45 мин.

С места катастрофы — полный ход, обратно на место катастрофы — тихий ход.

Это одно уже достаточно характеризует всю глубину предательства и мерзости совершенного Кривоносовым и его соучастниками преступления.

Я хочу также напомнить о том, что, возвращаясь к «Советскому Азербайджану», Кривоносов, по показаниям Мигущенко и других, дважды делал попытки вернуться опять назад. Он объяснил это мерами предосторожности. Мы знаем уже действительные мотивы такого поведения Кривоносова. Кривоносов оттягивал момент своего приближения к «Советскому Азербайджану», ожидая второго взрыва. Он делал все, что было в его силах, чтобы вдали от «Советского Азербайджана» переждать этот ожидаемый второй взрыв, чтобы вернуться к месту катастрофы тогда, когда все уже будет кончено, когда на поверхности не будет ни людей, ни парохода, и он дождался этого. Он сделал все, чтобы как можно больше погибло людей, о которых он меньше всего беспокоился, и если двое из погибавших оказались спасенными, то это вопреки тем мерам, которые принимал Кривоносов, вопреки и несматривая на его позорное поведение.

Я не могу в этой связи не сказать и о преступных действиях Мигущенко. Мигущенко — помполит капитана на этом корабле. Как ведет себя Мигущенко в минуты катастрофы? Единомышленные показания команды говорят о том, что Мигущенко вел себя, как второй Кривоносов. Может быть чуть чуть совестливее, если можно в отношении этих людей говорить о совести. Мигущенко помогал Кривоносову бежать от «Советского Азербайджана». Мигущенко сам своевременно не понял всего позора этих действий. Если он и говорил капитану о том, что нужно повернуть назад, то только потому, что на него влияли низы, ибо в это время и Берковский, и Бузулуков, которые контактировались с Михелем, и Елкин, и Рыбин, и Мхитарян начали громко требовать немедленно организовать помощь. И только под влиянием этих требований Мигущенко посоветовал капитану повернуть назад, на помощь. Но вернувшись, он не сделал ничего, что должен был сделать, чтобы обеспечить реальное приближение «Совета» к «Советскому Азербайджану» и возможную помощь и людям и самому «Советскому Азербайджану» в борьбе с немем и в деле спасения танкера от надвигавшейся на него опасности гибели.

Для нас каждый человек представляет величайшую ценность. 27 погибших людей — это в 27 раз увеличенная ценность одной человеческой жизни. Но для нас дорог и пароход, для нас дорог и «Советский Азербайджан» как одна из единиц Каспийского флота. Мы вправе требовать, чтобы не только спасали людей, что составляет первую, важнейшую и священнейшую обязанность каждого моряка, но чтобы были приняты меры и для спасения парохода. И в этом деле роль помполита представляется громадной, ибо он должен был организовать судовую общественность, он должен был поднять дело спасения корабля и людей на необходимую политическую высоту, поднимая на эту высоту и достоинство каждого

морьяка как человека и советского гражданина. Ведь моряки наши — это советские моряки, это граждане величайшего из государств мира, это граждане единственного в мире строящегося социалистического общества. Мы поэтому вправе требовать от каждого из них, в особенности же и в первую очередь от политического руководства на судне, чтобы каждый дело спасения гибнущих людей и гибнущего корабля принимал как свой священный долг, как дело громадной общественной важности, как общественное служение, как подвиг, не позволяющий останавливаться перед всякими отдельными формальными условиями, связанными с полномочиями предающего корабль и команду командира. Мигущенко пытался изображать дело так, что будто бы оказать противодействие Кривоносову означало чуть ли не поднять настоящий бунт. Мигущенко в свое оправдание сослался на единоначалие капитана и невозможность вмешательством в его распоряжения подрывать дисциплину на судне. Не нужно тратить много слов, чтобы разоблачить все лицемерие и всю несостоятельность таких рассуждений. «Что я мог сделать, если капитан не соглашался организовать спасение?» спрашивал Мигущенко, прикидываясь наивным человеком. Что вы могли и должны были сделать, гр. Мигущенко? Я, не колеблясь, отвечаю, отвечаю со всей решительностью и категоричностью: «Вы должны были властью помполита снять капитана с поста, вы должны были залереть его в каюту, как чумного, как прокаженного, как врага корабля, как врага советского народа» (голоса из публики: «Правильно, совершенно верно»). Мигущенко этого не сделал, он прикрылся формальной отговоркой, он пытался нас запугать призраком бунта: «Я, говорил он, помполит, я обязан поддерживать дисциплину на судне и не поднимать бунта против капитана». Но ведь ни о каком бунте речи не было и быть не могло. Речь шла не о бунте, а о том, чтобы сковырнуть гнилой прыщ, вскочивший на теле советского флота. Что должен был сделать помполит в той обстановке? Он должен был потребовать у капитана исполнить свой долг, действовать по всем правилам морской нравственности, морской службы, морского советского долга; он должен был заставить капитана подчиниться этому требованию или устранить капитана. Не может быть никакого сомнения, что Кривоносов немедленно бы уступил. Если бы Мигущенко, опираясь на единомышленный протест лучшей части команды против действий капитана, занял в этом вопросе более решительную позицию, подлинно большевистскую позицию, Кривоносов был бы смят этим нагаском честных и решительных людей. Мигущенко же действовал совсем наоборот — вземому долгу. Он, как выразился Михель, либеральничал с Кривоносовым, потакал ему, действовал с ним злобно, вместе с ним предал «Советский Азербайджан», предал своих товарищей.

Чеботарев — старший механик, кандидат партии, один из «углов» этого «треугольника». Этот человек пытался изобразить дело так, что во время катастрофы он был в машинном отделении, что он ничего не видел, ничего не знал, и поэтому ни за что отвечать не может. По расписанию, на случай тревоги он, дескать, обязан был находиться в машинном отделении

и смотреть за котлами, а что люди погибали— это его не касается.

Во-первых, позвольте напомнить, что, по показанию свидетеля Елкина, Чеботарев во время взрыва застал в каюте в довольно растерянном виде. Елкин прибежал его будить и застал его сидящим на койке, крепко сцепившимся в эту койку, в трусах и носках. Герой нашего времени! Он, очевидно, уже не спал, но, очевидно, и не выходил из каюты, так как у него, очевидно, как говорил Кривоносов на своем жаргоне, было нервное состояние. Наконец, Чеботарев все же вышел из каюты. Что он делал в это время, трудно установить. Но, по словам Михеля, Чеботарев «стал метаться по палубе в одних трусах и охать: ох, ох, ох». Весь, что называется, в мыле. Чеботарев говорит: «это ложь, я был в машине», но против этого возражает Михель. Против этого возражает и Будилин, утверждая, что Чеботарев не все время был внизу, что он выходил из машинного отделения. Чеботарев старый моряк, старший механик, он мог и должен был принять активное и энергичное участие в организации спасения «Советского Азербайджана», если бы он был на высоте своего положения. Он мог бы организовать это спасение, он мог бы воздействовать на Кривоносова, если бы он этого хотел, но он этого не хотел. Он так же, как и Кривоносов, хотел, как можно скорее удрать отсюда, опасаясь, «как бы чего не вышло»... Доказательством этого может служить тот факт, что, когда, вернувшись через 2¼ часа к месту катастрофы, прекратив поиски погибших людей около «Советского Азербайджана», они стали обсуждать вопрос, могут ли они взять «Советский Азербайджан» на буксир, Чеботарев заведомо ложно показал, что у него нехватает топлива, что топлива имеется только на два дня, тогда как топлива было больше чем на два дня и, как показал здесь Мигущенко, топлива было значительно больше, чем на два дня.

Я обвиняю Чеботарева, как и Кривоносова и Мигущенко, в полном преступном бездействии в деле спасения парохода «Советский Азербайджан». Они должны были принять все меры к тому, чтобы по-возможности, скорее потушить пожар. Экспертиза доказала, что во всяком случае они имели возможность уменьшить огонь, могли локализовать этот огонь, могли взять это судно на 300-метровый буксир и оттянуть его навстречу тем пароходам, которые могли бы быть выброшены им на помощь. Но они ничего в этом направлении не сделали, они убежали. Затем они с преступной медлительностью возвратились на место катастрофы, они не организовали тушения «Советского Азербайджана», хотя обязаны были это сделать, независимо от того, какой был бы результат. Они не организовали буксировки «Советского Азербайджана», хотя обязаны были и это сделать. Они постыдно продолжали свое бегство, а придя на Астраханский рейд, составили лживый акт, скрыв, что дважды позорно бежали от «Советского Азербайджана». Вот как действовали эти герои предательства, этот, с позволения сказать, треугольник!.. Я не буду утверждать, что вина Мигущенко и Чеботарева равносильна и равноценна вине Кривоносова. Я не требую от вас по отношению к Мигущенко и Чеботареву высшей меры наказания, но надеюсь, что вы не приговорите

их меньше чем к 8—10 годам лишения свободы каждого (а плодистменты).

В данном вопросе для нас первостепенную роль играет система действий этих людей, их целеустремленность, их психика и их политическая направленность.

Обсудив этот вопрос со всех сторон, нужно сказать, что эти люди совершили гнуснейшее предательство, совершили вопиющее преступление против Советского государства, против интересов трудящихся.

Позорное поведение командования парохода «Совет» становится особенно очевидным, когда вспомнишь и сравнишь героический подвиг парохода «Советская нефть», спасшего 412 чел с горевшего французского океанского парохода «Жорж Филиппар»... Я не могу не напомнить об этом выдающемся героизме наших моряков, особенно в виду той удивительной аналогии, какая имеет место в обоих этих случаях.

В самом деле, в 1932 г. тоже в мае и тоже ночью в Индийском океане, в районе мыса Гвардафуй на большом французском пароходе «Жорж Филиппар» в 22 тыс. тонн водоизмещения произошел пожар. Пожар распространился по пароходу с молниеносной быстротой. Наш танкер «Советская нефть», груженный бензином, получил извещение о пожаре с маяка Гвардафуй и тотчас же ответил: «Иду на помощь»...

И вот, что рассказывает о дальнейшем капитан «Советской нефти» т. Алексеев, говоря об организации спасения пассажиров этого горящего корабля.

«Подняв на ноги весь свой экипаж, закрыли люки танков, мы приготовили к действию пожарные средства, открыли прожектор и весь свет, вынесли за борт гребные суда и моторный катер, вынесли на палубу все нагрудники, спустили все забортные трапы, выпустили бундуки и продолжали полным ходом итти на сближение с бедствующим судном»...

В 4 часа утра было еще темно, расстояние до горевшего судна «Жорж Филиппар» оставалось 300 сажень, на море плавали священные спасательные буйки. «Жорж Филиппар» весь был облит пламенем.

«Остановились, — продолжает Алексеев, — с его наветренной стороны. Здесь мы услышали у себя с левого борта в стороне на воде захлебывающиеся женские вопли.

В мгновение весь экипаж, будучи в крайнем приподнятом настроении, спустил по команде приготовленные заранее спасательные шлюпки, которые под умелым управлением помощника капитана понеслись к бедствующему судну, а также на жуткие крики людей, находящихся на море».

Так действовали настоящие герои, отважные моряки с «Советской нефти».

Подумайте только о количестве спасенных, подумайте только об обстановке, в которой действовала команда «Советской нефти», и вы только тогда сумеете правильно оценить подвиг наших моряков!.. Несмотря на страшную опасность для судна, груженого бензином и могущего взорваться от любой искры, «Советская нефть» немедленно ответила: «Иду на помощь». Вынесла за борт шлюпки, приготовила все спасательные средства, подняла на ноги всю команду; здесь не было ни одного спящего человека, тем более из числа командо-

вания, как это было на «Совете», где помощник капитана Токаренко спал непробудным сном!.. Это маленькое советское судно, под командой капитана Алексева, с 40 чел. команды, отважно бросилось навстречу горевшему гиганту, и, приблизившись на минимальное расстояние, организовало спасение тонущих людей, и за какие-нибудь 2—3 часа самоотверженной героической работы, первым из всех подошедших на помощь к «Жоржу Филиппару» судов, «Советская нефть» спасла 437 чел. Вот как действуют герои!

Слава героической команде «Советской нефти»! Позор шкурникам и предателям, не сумевшим спасти 27 чел. с парохода «Советский Азербайджан», имея у себя на борту 30 чел. команды!..

Среди героических моряков «Советской нефти» не было ни одного, который бы не принял самого горячего, самого активного участия в спасении погибавших. Даже повар был на руле одного из спасательных ботов, не желая отставать от своих замечательных товарищей!..

Интересно отметить, что наши моряки работали не только на своих шлюпках, но и на шлюпках «Филиппара». Капитан Алексеев рассказывал, что горевший «Филиппар» дрейфовал правыми галсами, никем не управляемый.

«Наш экипаж, — говорил Алексеев, — как один человек, забыв о своей опасности и усталости, с нервным напряжением лихорадочно торопился успеть спасти от огня всех людей».

Вот как вела себя команда «Советской нефти», давая образцы подлинного героизма, подлинной советской дисциплины, отваги, бесстрашия, высокого сознания своего долга, организованности, настоящей большевистской работы!..

А вы? Трухляки, слизняки, вы что сделали. И неужели вам не стыдно? Неужели вы не ощущаете жгучего стыда за свое преступление?!

А потом моряков «Советской нефти» наградили. Французское правительство прислало нашим героям золотые и серебряные медали. Наградили героев и Наркомвод. Важно отметить: наградили всю команду «Советской нефти», как мы посадили на скамью подсудимых всю команду «Совета». Наградили и каждого в отдельности из тех, кто был достоин награды.

А награду там заслужили все, как здесь — все заслужили порицание, позор и наказание!..

Вот, товарищи судьи, суть краткой исторической справки, говорящей не только о великих подвигах наших героев, но говорящей и о великой мерзости, трусости, предательстве вот этих людей, к которым я вас прошу отнести со всей нашей пролетарской беспощадностью.

Есть еще одна группа обвиняемых с парохода «Совет», к которым я причисляю и капитана парохода «Джапаридзе» Синенкова. С него я и начну.

Синенков — фигура весьма родственная Устимовичу. Не знаю, кому из них это приятно, кому неприятно, но факты таковы.

Кто такой Синенков? Синенков служил в Керчи у нас, большевиков. Когда пришли немцы, а большевики отступили, Синенков, этот бывший офицер царской армии, остался служить немцам. Затем он был мобилизован и в Махач-Кала на службе у Деникина. Когда

из Махач-Кала мы Деникина прогнали, то вместе с Деникиным в Баку к мусаватистам прибыл и Синенков. Добро пожаловать!

Я ставлю такой вопрос: что же это — случайность или это явление органического порядка? Когда большевики уходят из Керчи, а немцы приходят, Синенков остается, а когда белые уходят из Махач-Кала, а большевики приходят, он не остается, а уходит с белыми. Случайность это или система?

Потом оказалось, что он жил у своего тестя кулака, торговца, который продавал, покупал, торговал — что сродни уже Штейнгольцу. Вот этот Синенков оказался капитаном парохода «Джапаридзе» и этому человеку пришлось идти по телеграмме из Баку на спасение «Советского Азербайджана». Интересно, как он отнесся к этой задаче? Зная о слабом вооружении парохода «Джапаридзе» противопожарными средствами, Синенков ничего не сделал, чтобы оказаться максимально подготовленным к выполнению своей задачи. Уходя с Астраханского рейда, где имеется дебаркадер, достаточно оснащенный техническими средствами, Синенков не постарался взять там брандсбой, пеногенератор, лишние порошки, кошмы, наконец шланги, которые по его объяснениям, хотя и были у него, но были дырявыми. Несмотря на то, что на рейде был пароход «Жаганович», у которого также можно было позаимствовать кое-что из пожарного оборудования, несмотря на то, что в это время пришел «Совет», у которого тоже можно было кое-что взять, он не только ничего не взял у них, но и свое пожарное оборудование не привел в должный порядок, и отправился к горящему «Советскому Азербайджану», считая, что у него задача тушить пожар нет. Он знает, что пароход горит, что его посылают на помощь горящему судну, но заявляет, что тушить пожар ему не поручали, что таких директив он не получал. И вот он, наконец, через 36 часов прибывает на место катастрофы. Тут темная история с дрейфом и с записью в журнале. Синенков телеграфировал, что лег в дрейф, а записал в журнал, что шел 5 миль (Кто его разберет, что он писал и когда писал! Своя рука владыка!)

Как бы то ни было, «Джапаридзе» нашел «Советский Азербайджан» в двух часах пути от мелкого места, от о. Жилого, куда будучи приведен, «Советский Азербайджан» был бы спасен. Что же делает Синенков для спасения «Советского Азербайджана»? Он отправляет на гибнущий танкер лодку с неопытным Черновым, который не догадался закрыть головину цистерны, полной кипящего мазута, и зря потерял два часа времени!.. Чернов в конце концов открывает на «Советском Азербайджане» люки, Синенков берет «Советский Азербайджан» на буксир и доводит дело до второго взрыва и до окончательной гибели корабля. Вот вам и спасательная работа! Шли спасать, а сами потопили пароход! Именно потопили, потому что второй взрыв произошел несомненно от «спасательных» мероприятий Синенкова.

Эти «спасательные» работы были организованы крайне безответственно и безобразно. Как уже сказал, на «Советский Азербайджан» был послан помощник капитана Чернов, недостаточно подготовленный к выполнению возложенного на него поручения. Экспертиза в точ-

ности установила, что при правильной организации работ по спасению «Советского Азербайджана» второй взрыв был бы предотвращен, и танкер мог бы быть спасен. Достаточно было капитану Синенкову самому непосредственно взяться за дело, чтобы ориентироваться в обстановке и принять необходимые меры к локализации огня. Достаточно было накрыть горловину цистерны кошмой, чтобы положение парохода было значительно улучшено.

Но Синенков от непосредственного руководства этими операциями уклонился, а мало подготовленный к этому Чернов допустил ряд грубых ошибок. Я считаю, что Синенков не выполнил задачи, которая была на него возложена. Он был послан тушить пожар и спасти корабль. Он не тушил и не спасал. Своими преступными действиями, которые, прямо скажу, я не считаю случайными, своим преступным бездействием по отношению к «Советскому Азербайджану», к советскому имуществу, Синенков способствовал гибели танкера. Психология Синенкова в этом аналогична психологии Кривоносова. Оба они наплевательски относятся к государственному имуществу: пусть, мол, советское добро гибнет. Об этом беспокоиться нечего. Они беспокоятся лишь о себе — отсюда их трусость и трусливая заботливость о собственной безопасности.

Ведь не случайно, что переход «Алеша Джапаридзе» не рискнул подойти к «Советскому Азербайджану» так близко, как этого требовали интересы дела, интересы спасения горевшего танкера, как, наконец, подошел «Лафарг»...

В самом деле, почему Синенков не приблизился к «Советскому Азербайджану», хотя бы на длину своих шлангов, как это сделал «Лафарг»? Потому, что Синенков не хотел «рисковать», не хотел спасать. Никакие доводы не смогли поколебать уверенность в том, что если бы Синенков захотел спасать, он мог бы спасти корабль. Синенков не хотел спасать и не спасал: 48 часов он топтался почти на одном месте, пока добрался до места гибели и пока подошел на расстояние 1½ миль к «Азербайджану». Собственное признание Синенкова устанавливает, что в трех часах хода от места гибели «Советского Азербайджана» было мелкое место, около острова Жилого, и поэтому, если бы он сэкономил эти 3 часа, пароход был бы спасен. Три часа из 48 часов—это экономия лишь 6% времени. Если бы Синенков хотел спасать добросовестно и честно, как требует советская власть от советского моряка, он должен был найти, выкроить из 48 часов 6% экономии, и танкер был бы спасен. Он этого не сделал. Не сделал не случайно. Я его в этом обвиняю и прошу соответственно этому определить ему строгое реальное наказание.

Перехожу к следующей группе обвиняемых, которые должны нести ответственность за гибель «Советского Азербайджана», как люди, принадлежавшие к командному составу парохода «Совет». Это — первый помощник капитана Михайль, второй помощник капитана Настасьев, третий помощник капитана Токаренко и боцман Купцов. К этой же группе я отношу председателя судового комитета Будилина, и, наконец, рулевого Соколова, ввиду индивидуальных особенностей совершенного им преступления.

В чем заключается вина каждого из этих людей? Вина каждого из них различна, но в отношении всех их доказана полнотью.

В течение всей этой страшной почной катастрофы второй помощник капитана Настасьев оставался совершенно безучастным к совершившейся на его глазах драме. Будучи вторым помощником капитана, он должен был бы вести себя иначе, чем вел, он должен был бы вместе с Михелем и Токаренко прекратить безобразное бегство «Совета», положить предел позорному преступлению Кривоносова. Между тем он палец о палец не ударил в этом направлении, и за это он должен отвечать.

Третий помощник капитана Токаренко во время взрыва, как это установлено следствием, стал в своей каюте, будучи свободен от дежурства. Защита пыталась здесь во время судебного следствия ставить вопрос о Токаренко таким образом, будто его обвиняют в том, что он спал. Я могу успокоить защитника обвиняемого Токаренко, не без лукавства спрашивавшего, что это за состав преступления — сон, что Токаренко не обвиняется в том, что он спал; Токаренко обвиняется в бездействии после того, как он проснулся, вышел на палубу и стал очевидцем всего происшедшего. Этот третий помощник капитана вел себя не лучше самого капитана, во всяком случае, не лучше Настасьева, трусливо ожидавшего естественной развязки разыгравшейся в его присутствии трагедии, тогда как по долгу моряка и командира он должен был бы принять вытекающие из его обязанностей и положения меры к организации спасения гибнущего парохода.

Купцов. Это старый типичный боцман. Вы видели этого боцмана. Этот человек себе на уме, действующий так, чтобы не обсчитаться, человек, который умеет лавировать между рифами и подводными камнями, лавировать так, чтобы и команда не была в обиде и чтобы начальство было довольно. Купцов понимает всю мерзость своего пассивного отношения к катастрофе. Он понимает подлость действий своего капитана. Он, вероятно, понимает и то, что за свое бездействие в конце концов и ему придется отвечать. И вот он начинает лавировать. Он не идет к капитану, он не требует от него вернуться назад, а он обращается к молодому матросу Бузулукуву и посылает его к капитану: иди, мол, иди, скажи. Посылает мальчишку, чтобы воздействовать на вот этого Кривоносова!

Вы помните, что в самом начале пожара на «Советском Азербайджане» была отдана команда: «Готовить шлюпки», и вот Купцов стоит у шлюпки, именно стоит. Боцман, который обязан руководить работой матросов, стоит, как вкопанный, у шлюпки, ссылаясь на то, что это так требуется «по расписанию» на случай тревоги. Купцов неподвижно стоит у шлюпки, хотя отлично понимает, что нужно что-то сделать, а не только стоять и выжидать дальнейшего. Купцову все равно, что делается за бортом судна, — он выполняет «расписание».

За бездействие в минуту тяжелой опасности, за неоказание помощи погибающим, боцман Купцов должен нести уголовную ответственность. Его надо поучить и так поучить.

чтобы это было уроком всем боцманам подобного склада.

Соколов. О нем можно сказать два слова: это рулевой, бросивший в минуту взрыва руль и поставивший свой собственный пароход под угрозу. Его ответственность определяется этими пределами.

Сложное дело обстоит с первым помощником капитана Михелем и председателем судового комитета Будилиным. И Михель и Будилин, конечно, виноваты, причем Будилин виноват больше Михеля. В Михеле проснулась совесть: эи, хотя и с запозданием, стал требовать от капитана вернуться назад, чтобы оказать «Советскому Азербайджану» помощь, это ему отчасти удалось при поддержке Бузулукова, Берковского и других. Это смягчает вину Михеля, особенно если принять во внимание его молодость: ему всего 23 года, он неопытен в морском деле. Нужно, в сущности говоря, удивляться тому, как могли этого молодого командиром назначить на такую ответственную должность, как должность первого помощника капитана!..

Если я в отношении Михеля поддерживаю обвинение, то главным образом учитывая именно это его должностное положение первого помощника капитана парохода. Ведь всего 40 мин., в продолжение которых пароход «Совет» при попустительстве Михеля удалялся с места катастрофы, были решающими для жизни людей, находившихся на борту охваченного пламенем «Советского Азербайджана», и в этом попустительстве Михель виноват. Но он один из первых понял преступность действий Кривоносова и своего первоначального бездействия. Он энергично стал требовать возврата к месту катастрофы. Стараясь исправить свою первоначальную ошибку, он с опасностью для собственной жизни бросился по прибытии на место катастрофы спасать утопавших, и это нельзя не учесть при разрешении вопроса о его виновности.

Я не могу поэтому поддерживать обвинения против Михеля в полном объеме. Я вынужден просить о снисхождении к нему.

Будилин. Председатель судового комитета, руководитель профессиональной организации на судне, представитель профсоюза, организатор профессиональной обществности.

Какую позицию занял он в этом деле? Проявил ли он инициативу в деле организации помощи, пытался ли он воздействовать на капитана, организовать вокруг себя здоровые элементы парохода? К сожалению, на все эти вопросы мы должны ответить отрицательно.

Он сам оказался в стороне от охватившего группу молодых моряков стремления сломить упорство Кривоносова и заставить своего преступного командира вернуться к горевшему судну. Его вина усугубляется именно тем, что он—председатель судового комитета. Его вина усугубляется и тем, что он—член партии. Будилин—не просто рядовой член команды—это представитель нашей партийной и советской обществности, и это накладывает на него серьезную ответственность. Будилину доверило государство, партия, профессиональная организация воспитание и руководство людьми. Он должен был быть образцом поведения советского моряка. Этот долг он грубо нарушил.

Вот почему он должен серьезно отвечать за нарушение этой своей высокой обязанности.

Есть еще три обвиняемых—Тренин, Афонин и Шабалин—это рядовые члены команды, которые должны отвечать в пределах предъявленного им обвинительного заключения за возмутительное равнодушие, за свое пассивное отношение к событию, за бездушное бездельствие.

Особо нужно сказать о группе молодых матросов—Бузулукове, Будилине, Берковском, Елкине, Мхитаряне, Фишмане. Они виноваты перед своими товарищами, перед нашей страной, перед советской властью в том, что, поддавшись общему паническому настроению на судне, поддавшись преступному влиянию командования парохода «Совет», слишком поздно опомнились, а опомнившись, недостаточно твердо и решительно потребовали от капитана выполнения своего морского долга.

Но это все молодежь, не получившая, к сожалению, должного воспитания.

Посмотрите на Бузулукова. Это не плохой матрос. Он предложил капитану взять с него расписку в том, что в случае гибели никто никаких не должен иметь претензий, лишь бы ему было позволено броситься в воду спасать гибнущих товарищей. Но и этот Бузулуков был сбит с правильного пути, был уже в значительной мере испорчен старыми, унаследованными частью моряков от капиталистического флота, дурными традициями; я подчеркиваю: испорчен дурными традициями дурной части старых моряков, привыкших рассуждать так, что моя хата с краю, отвечай за себя, а до другого тебе нет никакого дела, думай в первую очередь о собственной шкуре, а остальное как-нибудь обойдется. Даже в старом флоте подобные взгляды и настроения всегда вызвали жестокое осуждение и презрение со стороны матросской массы. В советском флоте эти рассуждения и настроения еще более нетерпимы, еще более позорны.

Носителем таких настроений является, например, боцман Купцов или вот эти Тренин, Афонин и Шабалин.

Не таковы Будилин, Бузулуков, Берковский, Елкин и несколько других, уже мною перечисленных обвиняемых. Хотя и с опозданием, но они поняли свою ошибку. Они потребовали от Кривоносова возвратиться к месту катастрофы, они явились, в сущности говоря, единственными, которые пытались загладить совершенное в самом начале преступления, положить предел преступному поведению командования «Совета».

Эти обстоятельства обязывают меня как государственного обвинителя отделить эту группу от других обвиняемых. Эти обстоятельства обязывают меня, строго осуждая их растерянность и нерешительность в первую минуту катастрофы, правильно оценить их последующее поведение, позволяющее просить о снисхождении к ним, даже об их оправдании.

Таковы итоги этого процесса. Государственное обвинение в моем лице и в лице главного водного прокурора т. Янского, на протяжении всех этих пяти дней судебного процесса прилагало все усилия к тому, чтобы наиболее объективно и исчерпывающим образом определить роль каждого из привлеченных к ответственности по этому делу и наметить те пути, которыми суд должен будет в своем приговоре прийти к окончательному решению судьбы людей, сидящих на скамье подсудимых.

Государственное обвинение тщательно, вместе с вами, товарищи судьи, исследуя все обстоятельства дела, стремилось вникнуть в каждую подробность, в каждую деталь, стремилось понять и правильно оценить каждый шаг и каждое движение любого из обвиняемых, преданных настоящему суду:

Государственное обвинение руководствовало в этой своей сложной работе, проделанной вместе с судом, не только задачами установления вины и ответственности каждого из обвиняемых, строго дифференцируя и взвесив все обстоятельства индивидуальных поступков и действий обвиняемых, но одновременно ставило перед собою и ряд общих задач, решение которых должно помочь Каспийскому флоту освободиться от все еще имеющих место и в его работе недостатков.

Государственное обвинение представило на ваше усмотрение, товарищи судьи, свои соображения и по поводу мер наказания в отношении каждого обвиняемого.

Наша основная задача заключается не только в разгроме нашего классового врага и в подавлении его преступных происков. Наша задача и в воспитании новой дисциплины, в воспитании новых кадров, в воспитании новых людей такими, чтобы каждый из них отвечал тем требованиям, какие предъявил в своем историческом приветственном слове к туркменским колхозникам, приехавшим за 4 тыс. км из далекой Туркмении с колхозным приветом в нашу советскую столицу, наш вождь и учитель, вождь и учитель трудящихся всего мира т. Сталин.

Поздравляя туркменских всадников с успеш-

ным проведением беспримерного в истории кавалерии пробега, т. Сталин сказал: «Только ясность цели, настойчивость в деле достижения цели и твердость характера, ломающая все и всякие препятствия, могли обеспечить такую славную победу...». Он сказал: «Партия коммунистов может поздравить себя, так как именно эти качества культивирует она среди трудящихся всех народностей нашей необъятной родины».

Эти замечательные слова имеют прямое отношение к поднятому нашим процессом вопросу о дисциплине в рядах каспийских моряков.

На уроках этого процесса мы имеем возможность глубже понять и лучше оценить величие исполнения каждым трудящимся своего долга. В этом заключается важнейшая сторона настоящего дела и настоящего судебного процесса.

Смысл и основное назначение этого процесса заключается в стремлении поднять на более высокую политическую высоту понимание каждым работником нашего водного транспорта той громадной ответственности, которая лежит на нем в области разрешения громадных задач, стоящих перед нашим транспортом.

Смысл и основное назначение этого процесса — помочь укреплению на водном транспорте пролетарской дисциплины, являющейся одним из обязательных и могучих средств строительства нового социалистического общества.

Ваш приговор должен будет помочь разрешению этой задачи на общее благо, славу и процветание нашей великой родины.

Л. Мирзоян

Об очередных задачах работников судебно-прокурорских органов¹

Политические задачи, поставленные партией, задачи пролетарской диктатуры на данном этапе требуют решительного подтягивания работы судебных органов, чтобы огромное отставание, которое здесь имеется, было бы как можно быстрее ликвидировано. Я не ошибусь, если скажу, что состояние судебно-прокурорских органов и их работа является у нас самым отсталым участком. На этом участке имеются еще такие вопиющие недостатки и даже безобразия, от которых, как говорят, волосы становятся дыбом.

Решения ЦК партии и СНК Союза, принятые за последнее время, вносят существенные изменения во всю практику нашей судебно-прокурорской работы. Эти решения еще выше поднимают роль и значение судебно-прокурорских органов, ставят перед ними исключительной важности задачи.

Надо, чтобы серьезность этих задач и необходимость коренного улучшения работы судебно-прокурорских органов была понята

всеми вами, была понята всеми нашими работниками от начала до конца, и надо, чтобы каждый большевик и беспартийный работник юстиции был действительно вооружен пониманием настоятельной необходимости этой серьезной перестройки работы, этого необходимого и коренного улучшения работы всех органов юстиции в крае сверху донизу.

Необходимость решительного подъема всей работы вытекает и из тех сотен фактов, о которых вы здесь рассказывали за эти три с лишним дня.

Работа наших прокурорских и судебных органов очень многогранна и касается всех сторон жизни и строительства. Идет ли речь о строительстве культуры, о сельском хозяйстве и о животноводстве, идет ли речь о промышленности, идет ли речь о перестройке, о ликвидации старых пережитков в области быта, идет ли речь о каких-либо новых мероприятиях в области освоения техники, освоения новых машин и т. д., — везде и всюду нужен острый глаз наших судебно-прокурорских органов. Глаз судебно-прокурорских органов должен быть направлен во все углы нашей великой стройки, чтобы разоблачить попытки империалистической агентуры и враждебных

¹ Сокращенная стенограмма речи секретаря обкома Казакской АССР т. Мирзояна на совещании работников юстиции Казакской АССР.

нашему дальнейшему продвижению вперед. рил т. Сталин на объединенном пленуме ЦК наших мероприятиям. Вы помните, что гово-ных классов пытаются оказать сопротивление и ЦКК в докладе об итогах первой пятилетки.

Нельзя забывать, что остатки разгромлен-элементов помешать нашему строительству и Он тогда подчеркивал:

«Надо иметь в виду, что рост мощи совет-ского государства будет усиливать сопротив-ление последних остатков умирающих клас-сов. Именно потому, что они умирают и до-живают последние дни, они будут переходить от одних форм наскоков к другим, более резким формам наскоков».

Мощный подъем Союза, в том числе и на-шей республики (Казакстан тоже на большом хозяйственном и культурном подъеме) вызы-вает сопротивление и наскоки байских, ку-лацких и националистических элементов, кото-рые, проникая в наш аппарат, всячески вре-дят и гадят нам, прибегая к самым подлым методам борьбы.

Из различных областей нашего строитель-ства можно привести тысячи фактов, когда байско-кулацкие элементы, проникая в наши учреждения, в том числе даже и в суд и прокуратуру, не только воруют и разбазари-вают государственную и колхозную собствен-ность, но пытаются использовать отсталые элементы наших аулов и городов против ме-роприятий советской власти. Борьба с этими элементами — первостепенная задача судебно-прокурорских органов.

Работники юстиции должны организовать свой аппарат, свою повседневную работу та-ким образом, чтобы разоблачать врага на каждом шагу, выводить его, как говорят, на свет божий, показывать его народным массам и на этих конкретных фактах поднимать ярость масс против врагов, вооружать их на защиту колхозного строя и пролетарской диктатуры. Судебно-прокурорские органы — это важнейший инструмент в руках партии и диктатуры пролетариата для борьбы против классового врага, важнейший инструмент, ко-торым партия бьет, громит эти враждебные элементы. Ваш аппарат призван сыграть ог-ромную роль в деле применения всей силы советских законов против врагов, против агентуры враждебных классов.

Хороший судебный и прокурорский аппарат должен уметь концентрировать всю силу про-тив врага и проводить это таким образом, чтобы на каждом судебном процессе, на каж-дом отдельном факте показать, разоблачать перед массами всю контрреволюционную сущ-ность их работы, показать антисоветское нут-ро байско-кулацких и прочих элементов. Нет у нас другого такого аппарата, нет у нас та-кой другой организации, которая бы занимала такое чрезвычайно ответственное и важное место в борьбе против врагов. И здесь ни на одну минуту нельзя забывать, что каждый промах и слабость аппарата юстиции и про-куратуры враг использует в своих целях. Кре-пость органов юстиции, их боеспособное со-стояние, наличие большой революционной бди-тельности у них суживают возможности для вредительской работы врага, означают, что враг будет на каждом шагу разоблачатся, означают, что разоблаченный враг понесет должное наказание, должную кару.

Враг знает силу и значение органов проку-ратуры и юстиции, поэтому он пытается про-лезть в эти органы, он пытается посылать туда своих агентов, своих верных людей, которые будут вредить нашему делу и поддерживать и защищать их кулацкое дело. Разве мы не знаем десятков примеров, хотя бы за время последних двух—трех лет, как враг влезал иногда в органы прокуратуры, как он вре-менами овладевал даже отдельными звеньями судебных и прокурорских органов.

Отсюда боевая задача — очистить наш су-дебный и прокурорский аппарат от враждеб-ных элементов, довести до конца начатую ра-боту и добиться того, чтобы в этих важней-ших органах пролетарского государства не осталось ни одного чужака и случайного чело-века. Председатели областных и окружных су-дов, прокуроры должны понять всю серьез-ность и важность этой задачи и отсюда сде-лать практический вывод для своей работы.

Повторяю, необходимо изгнать из судебно-прокурорского аппарата всех замаскировав-шихся там врагов, создать еще более бдитель-ный большевистский аппарат, пользующийся любовью у трудящихся масс и ненавистью у врагов. Эта задача требует также неустанной и решительной борьбы против кое-где име-ющихся фактов взяточничества.

И для того, чтобы укрепить аппарат про-куратуры и суда, надо расчистить его и от этих пролезших в отдельные звенья судебного аппарата злейших наших врагов — взяточни-ков. Советский судья должен быть безуко-ризненно честным, должен быть бескорыстным, должен быть таким, чтобы окружающее насе-ление, колхозы и колхозники видели в нем носителя и защитника интересов колхозников и рабочих, видели в его лице пролетарское государство и партию с их повседневными за-ботами о народных массах.

Таким должен быть судебный работник, та-ким должен быть советский прокурорский ап-парат. А если в советском суде есть элемен-ты, которые берут взятки, как же народ по-смотрит на этот суд, что же скажет народ о таких судебных работниках?

Мы в прошлом году разбирали ряд дел, го-ворящих о наличии взяточников в органах су-да и прокуратуры. Помнят товарищи наверное, гулиэ-атинское дело, когда привлекли помощ-ника районного прокурора за взяточничество.

В прошлом году, кажется в Зайсане, мы раз-бирали аналогичное дело, за взяточничество сняли и отдали под суд нескольких судебных работников. И сейчас еще можно найти от-дельные факты взяточничества в наших су-дебных органах. Было бы неправильно конеч-но, если бы кто-нибудь подумал, что у нас везде и всюду взяточники. Нет, товарищи, в 1935 г. в наших судебно-прокурорских ор-ганах гораздо меньше стало таких позорных фактов, нежели это было, скажем, в 1933 г. Но на этом нельзя успокаиваться. Надо с кор-нем выкорчевывать эти элементы.

Взяточничество — это не простое, случайное бытовое явление. Взяточник ничем не отлича-ется от классового врага.

Взяточник — это посланец классового врага; взяточник фактически работает на байские и враждебные элементы, усиливает позицию врага и, следовательно, сам является злейшим врагом социалистического строя.

Борьбу со взяточничеством надо поднять на большую высоту. Нужно наших людей вооружить, чтобы они в лице этих элементов, берущих взятки, видели работу агентуры классового врага, дискредитирующего наш суд. Вывод такой: **беспощадная борьба против взяточничества в нашем аппарате, решительная борьба с этими элементами до полного изгнания их из нашего судебно-прокурорского аппарата, чтобы советский суд был, товарищи, действительно острым оружием в руках нашей партии и государства против остатков разгромленных классов.**

В нашем судебно-прокурорском аппарате имеются недостатки и другого порядка. Это то, о чем все время говорит партия. Речь идет, товарищи, о том, что в нашем судебно-прокурорском аппарате нередко не хватает революционной бдительности, мало также политической заостренности в работе. Нередко работники наших судебно-прокурорских органов рассматривают отдельные дела, отдельные вопросы не с точки зрения классовой борьбы, не с точки зрения того, чтобы выявить нет ли здесь работы кулацкой агентуры, прикрывшейся партбилетом или другими документами, а подходят иногда к этим процессам формально. В последнее время были случаи, когда к ряду сугубо важных политических дел наши люди подходили и рассматривали их не как большевики.

Если вы имеете дело с явным троцкистским, белогвардейским элементом, то нельзя его поступок расценивать, как какое-то хулиганство, как простое, случайное явление. Этот явный контрреволюционер делает все сознательно для того, чтобы подорвать основы пролетарской диктатуры, чтобы подорвать авторитет нашей партии, чтобы попытаться создать недовольство в массах против партии и познавать, видеть эти факты, надо самим вать как хулиганство. Надо учить людей распознавать, видеть эти факты, надо самим уметь распознавать этих людей и давать их делам соответствующую политическую оценку. Вот возьмите недавний случай с бывшим алматинским прокурором Николаевым. Он, т. Николаев, вел дело явно троцкистских элементов, но у него до того притупилось политическое чутье и революционная бдительность, что квалифицировал он действия этих людей как простое хулиганство.

Задача судебно-прокурорских органов не только заключается в том, чтобы просто засудить на столько-то лет и на этом кончить. Нет, конечно! Задача наша заключается в том, чтобы на каждом процессе воспитывать массы. Каждый факт, каждое дело против людей из враждебного класса, из чуждых нам элементов должно быть рассчитано на то, чтобы сотни и тысячи колхозников и рабочих воспитывались, научились бы распознавать классового врага, видеть агента врага, повышали бы свою бдительность.

Возьмите Балхашское дело Мейера. Балхашский прокурор, хотя он и новый работник, но он сделал не так, как нужно было сделать, он допустил большую политическую ошибку. Нам не столь важно было в конце концов этого Мейера посадить, он нам не так «уже страшен», но нам страшно ротозейство наших людей и их неумение политически правильно квалифицировать такие вылазки. А надо было

на этом деле Мейера показать, что мы имеем дело с явным фашистом, который забывает, что он находится в пролетарской стране. Мы не можем расценивать это дело как хулиганский факт. Вы должны были показать рабочим этого «чистокровного арийца» от начала до конца, показать, как советская страна уважает достоинство своих граждан, своих ударников. В этом суть дела.

Какой вывод из этого? Вывод таков, что у значительного количества работников нет достаточного революционного чутья, революционной бдительности и нет той дозы политической заостренности, без которой нельзя руководить работой, будучи прокурором или будучи председателем суда, судебным работником. Прокурорская работа — это большое дело и если, скажем, у наших прокурорских работников нет понимания этих элементарных вещей, если они потеряли эти необходимые качества большевика, качества прокурора, то естественно, они прошлянут во всех случаях. Задача заключается в том, чтобы наряду с расчисткой наших органов, расчисткой их от втесавшихся туда байско-кулацких, белогвардейских элементов, наряду с расчисткой от элементов взяточничества, наряду с этим поработать основательно, по-большевистски над тем, чтобы поднять революционную бдительность наших прокурорских и судебных работников, поднять в них партийное, большевистское понимание тех дел, которые они ведут, поднять политическую заостренность в работе, научить их каждый вопрос, каждое судебное дело рассматривать сквозь призму классовой борьбы.

Следующий вопрос, на котором я хотел бы остановить ваше внимание, это вопрос о волоките и бюрократизме в наших судебных органах. Тут, товарищи, много говорили о том, как у нас, в судебных органах, залеживаются дела, о том, как они накапливаются месяцами, годами и как эти дела остаются не рассмотренными.

Вот например одно вопиющее «дело» по обвинению Наумбетова и других по закону 7/VIII в падеже и разбазаривании 5600 голов овец. По вине Союзмяса, руководители которого не заготовили кормов по пути перегона, погибло во время перегона около шести тысяч овец.

Дело было возбуждено карагандинской горпрокуратурой и 13/XII 1932 г. направлено Восточноказахстанскому облпрокурору. Последний 2/I 1933 г. дело возвратил карагандинскому горпрокурору на том основании, что обвиняемые содержатся в Караганде. Дело к карагандинскому горпрокурору поступило 15/V 1933 г. (где дело было за это время — неизвестно).

Прокурор Караганды дело 19/V 1933 г. возвратил обратно прокурору Восточноказахстанской области, облпрокуратура дело направила каркаралинскому райпрокурору, последний передал дело 19/VI 1933 г. нарследователю.

За время хождения дела из района в район из 23 обвиняемых 11 человек оказались неизвестно где.

Вот вам яркий образчик той преступной волокиты и того бюрократического отношения, которое царит во многих наших судебных и прокурорских органах. Год с лишним гуляет дело, а дело немаловажное — погубили 5600

овец. Как квалифицировать это дело? Но разве это у нас единственный случай?

Нередко наши товарищи, работающие в судебных органах, говорят, что людей нехватает, загружены и т. п. Неверно это. Здесь найдется самый настоящий, завзятый бюрократизм и самая настоящая волокита в судебно-прокурорских органах. А вы знаете болокитчик и бюрократ — это родные братья тех же кулаков, баев, это люди, которые льют воду на мельницу враждебных элементов. Если бюрократ, волокитчик не является ни баем, ни кулаком, ни белогвардейцем (некоторые даже почетного происхождения), то все равно он играет на-руку врага, ибо всякое затягивание дела, всякая волокита идет на пользу врага и мешая, вредит нашему делу. Надо волоките и бюрократизму объявить самую беспощадную борьбу.

Вы, работники суда и прокуратуры, очевидно помните письмо Ленина Курскому, тогдашнему наркомюсту, где он предлагал организовать судебные процессы над бюрократами и крепко наказывать их.

А у нас этой волокиты и бюрократизма не мало. Огромное накопление дел — это результат нерадивого отношения к работе, результат бюрократического отношения к своим обязанностям, результат того, что в нашем судебно-прокурорском аппарате живут еще на выки и традиции, ничего общего не имеющие с советским строем.

Элементы бюрократизма и волокиты в аппарате приводят к чрезвычайно непопозволительным вещам. Факт, который рассказывали здесь, показывает, что человека взяли под стражу, а дело его разбирали в течение восьми месяцев, и в результате вынесли приговор о заключении на шесть месяцев. А ведь человек сидел восемь месяцев! Известно и такое дело, когда человека заключили под стражу и рассмотрение дела тянули в течение года, а через год вынесли оправдательный приговор. Не ясно ли, что такое издевательство над советским гражданином является величайшим преступлением.

В нашей стране это нетерпимо, непопозвительно! В нашей стране не может быть такого порядка, чтобы зря человек сидел. Мы должны каждое дело разбирать в максимально короткий срок. Если человек провинился — наказать, если нет — не смей его трогать и издеваться над ним. Гражданин Советской республики — не обычный гражданин любой капиталистической страны; это почетный человек и отношение к этому гражданину должно быть особо заботливое. Нет ни одной такой области, нет ни одной такой республики в нашем Союзе, где было бы столько безобразий в области судебного аппарата, сколько у нас, где так издевались бы над гражданином, как у нас в отдельных районах Казакстана. Спрашивается, можно ли терпеть у нас такой порядок? Невозможно. Эту практику надо быстро и решительно ликвидировать, надо покончить с этими безобразиями, пещерными советский суд. Мы должны, обязаны потребовать ответа: на каком основании работники суда и прокуратуры позволяют такие безобразия? Это надо понять нашим работникам, основному кадру работников, собравшихся на данном совещании. Надо понять, что сейчас тот порядок работы, те традиции, та практика

работы, которые существовали, должны быть коренным образом ликвидированы, изменены от начала до конца.

В практике органов юстиции бывают и другие крупные промахи. Я вам рассказывал, как дело о разбазаривании шести тысяч овец ходило по канцеляриям свыше года, а тем временем все виновники исчезли. Но вот вам другое характерное дело: нарсудья Талды-Курганского района т. Полторака осудил рабочих сахзавода Джилкимбаева, Халеева, Турузбаева и Бугаева к различным срокам лишения свободы за то, что они самовольно выкопачи 57 корней сахарной свеклы стоимостью в один рубль (?!). За один рубль четыре рабочих приговорены к 8—5 годам заключения, а за 5 тысяч голов скота, разворованных в степях Акмолинска, ни один человек не понес наказания. Скажите, пожалуйста, где здесь правильное наказание действительных виновников? В силу тех обстоятельств, о которых я говорил, в силу того, что у нас люди иногда недодумывают как следует дело, не работают над этим делом, делают работу наспех, в силу того, что у наших людей нехватает политической заостренности в работе, умения видеть, где враг и где человек, допустивший тот или иной промах случайный, в силу того, что наши люди иногда не умеют отличить врага от простого рядового рабочего, которого нужно воспитать, для которого суд должен быть школой, огонь направляют не на тех, огонь идет не против врага, не против жулика, не против мошенника, который разворовывает, а огонь направляют против рядовых рабочих и колхозников, которые в силу тех или других обстоятельств, иногда даже подстрекаемые кулаком, совершают те или другие преступления или ошибки. Видел я во время весенней посевной аналогичное безобразие в Новороссийском районе. В Новороссийской МТС засудили пять трактористов, хороших работников, засудили благодаря чиновничью и бюрократическому отношению к ним руководителей МТС. Когда они, эти трактористы, потребовали выдачи зарплаты, как говорят забузили, за это их объявили саботажниками, врагами пролетарской диктатуры, приговорили на 3—5 лет каждого. Мы случайно наткнулись на это дело. Потом суд отменил это дело и эти люди сейчас работают как самые лучшие ударники МТС. Иногда таким людям дают 10 лет, а дела байской, кулацкой своры растягивают на полгода, год и дают им возможность улизнуть.

Вот в Меркенском районе в производстве 30 незаконченных следствием дел. Там огромные растраты, и никто, не взят под стражу, дело тянется несколько месяцев и неизвестно, когда закончится. В Кызыл-Орде, Аулие-Ата,

Караганде, в целом ряде районов Восточной области насчитываются буквально в каждом районе десятками, дела, которые не рассмотрены. Дела на настоящих мошенников и воров остаются нерассмотренными, а воровство у нас все еще большое. К нашему стыду у нас по кооперации в 132 г. было растрат на 6 млн. руб., в 1933 г. — на 8 млн. руб., в 1934 г. — на 8 млн. руб. Некоторые товарищи говорят, что учет виноват, что раньше не учитывали, а в последние годы ждем, выявляем и учитываем. Не знаю, в какой степени это правильно, но эти цифры ярко говорят

о том, что у нас много еще фактов воровства и хищения государственного имущества и денег, а дела по растратам и хищениям залеживаются подолгу. Очевидно, товарищи, задача наших судебно-прокурорских органов заключается в том, чтобы такие дела, как воровство в нашей государственной торговле и кооперации, воровство в советских учреждениях, где имеются, несомненно, элементы классово враждебные и где это воровство и разбазаривание являются в основном делом рук этих классово враждебных элементов, — рассматривать быстро, без бюрократических проволочек.

Из всех задач самая неотложная — это задача укрепления органов суда и прокуратуры. Мне кажется, что без особых кампаний надо тщательно каждому из вас просмотреть и проверить каждого человека, работающего в аппарате, и в соответствии с этим наметить меры к подбору новых проверенных людей, для замены негодных. При этом надо беречь и сохранить всех тех, которые проверены, работают честно, самоотверженно, работают как большевики. Одновременно надо проявить максимум заботы о работниках, об их нуждах, оказывая им всяческую помощь, поднимая их сознание до уровня той важнейшей государственной задачи, которая возложена на работников суда и прокуратуры.

Никого партия у нас не наделила такими полномочиями, такой властью, как, скажем, наделила прокуроров и судебных работников.

Надо уметь правильно пользоваться этой властью, надо сделать так, чтобы не злоупотреблять ею, чтобы эту свою власть прокурор направлял на пользу пролетарского государства, на пользу трудящихся масс. Ведь, чем больше наделен властью тот или иной наш работник, тем больше у них должно быть тревог и забот о советском гражданине, о трудящемся нашей страны.

Только такой прокурор и судебный работник хороши, который, имея в своих руках право распоряжаться свободой гражданина, вечно заботится о благополучии этого советского гражданина, заботится о том, чтобы создать лучшие условия, лучшую обстановку для работы наших колхозников, наших рабочих, наших советских работников.

Власть нужно употребить на то, чтобы создать в деревне, в ауле такой порядок, чтобы колхозник был уверен, что зря его не обидят, его скот не тронут, бесплатно не используют его лошадь, что какой-нибудь лжебельсенди не заберет скот, не зарежет и не посмеет издеваться над ним. Надо создать крепкую революционную законность, создать, укрепить величайшее уважение к свободе и личности советского гражданина. Надо создать такой порядок в ауле, чтобы казакский колхозник был бы уверен, что с ним не повторят того, что было в 1930—1931 гг., чтобы он был уверен, что скот, который находится в его распоряжении, никто не посмеет трогать, что он хозяин своей фермы, скота и тех ценностей, которые в его руках, в его хозяйстве, что он является хозяином тех богатств, которые создает его колхоз.

Вся эта гигантская работа требует новых самоотверженных людей. Это значит, что надо выращивать, воспитывать и выдвигать новые кадры. Вы, товарищи, присутствующие здесь,

мало работаете над выращиванием кадров и выдвижением выросших хороших работников. Ваши органы мало работают в смысле изучения своих людей, в смысле создания им необходимых условий для работы и особенно в смысле закрепления кадров, подготовки их, проявления заботы о людях, о работниках, чтобы не было таких безобразий, о которых рассказывала здесь т. Хитрова. Вы можете сказать, что это очень трудно, нет транспорта, нет средств и т. д. Но все же как бы ни было трудно, вы должны избежать таких безобразий. Если трудно, то вы должны ставить эти вопросы перед соответствующими организациями и изыскать пути и возможности для создания нормальных условий работы. Чепуха это, когда все сваливают на трудности. Заработную плату не платят по несколько месяцев из-за бюрократических безобразий, а поэтому и пытаются общими разговорами о трудностях замазать это. Надо каленым железом вытравить это формально-бюрократическое отношение к кадрам и поставить в центре внимания республиканских и областных органов суда и прокуратуры постоянную заботу о людях, о работниках.

Вопрос о бытовых условиях — это большой вопрос. Насколько я понял из выступлений товарищей, одна сторона этого вопроса уже не стоит теперь остро — это вопрос питания. Жалоб на недостаток питания теперь уже не услышишь. Огромный материальный подъем страны, рост советской торговли, подъем благосостояния народных масс нашей страны почти сняли этот вопрос. И можно не сомневаться ни одной минутой, что мы в этом направлении будем шагать вперед семимильными шагами.

Вторая часть вопроса — это жилищные условия ваших работников. Товарищи, этот вопрос мы также разрешаем успешно, хотя, правда, трудностей действительных здесь еще много. Возьмите новые районные центры, здесь конечно без некоторого хотя бы строительства, трудно разместиться. Тем не менее, если будет к этим вопросам больше внимания со стороны областей и их руководителей, со стороны краевых организаций, то и эти вопросы будут и должны быть в ближайший год — два разрешены целиком. Здесь, товарищи, многое зависит от вашей активности, от вашего напора и от вашего умения мобилизовать областные и районные руководящие партийно-советские органы на помощь вашим организациям.

Там, где прокурор и судья твердо ставят эти вопросы, по-большевистски их ставят, — там их быстро разрешают, а там где работники органов прокуратуры и суда шляпы, — там эти вопросы разрешаются труднее.

Что касается нашей помощи, то я могу вас заверить, что краевой комитет партии всячески помогал, руководил и впредь будет оказывать большевистскую помощь.

В заключение необходимо подчеркнуть, как бы ни были актуальны и как бы, товарищи, ни тревожили вас в отдельных местах вопросы транспорта, вопросы материально-бытового порядка и т. д., все-таки не они сегодня определяют и решают вопрос о качестве работы прокурорских и судебных органов. И при нынешних условиях, я считаю, мы могли бы работу судебно-прокурорских органов поднять на большую высоту и добиться высококаче-

ственной, честной и настоящей большевистской работы этих органов.

Мы должны добиться того, чтобы наша организационная практика в области борьбы за революционную законность стояла бы на одном уровне с политическими задачами партии. Материальный подъем страны, особенно сельского хозяйства, укрепление колхозного строя, закон колхозной жизни, составленный по инициативе и ближайшем участии т. Сталина (устав с.-х. артели) свидетельствуют о том, что мы вступили в новую полосу, полосу коренных

улучшений материального положения народных масс.

Товарищи, будет величайшим позором, если вы качество судебно-прокурорской работы оставите на том уровне, который существовал вплоть до последнего времени. Мы должны сделать все, чтобы ликвидировать отставание на этом участке так же, как мы ликвидируем эту отсталость в промышленности, так же, как мы ликвидируем эту отсталость в сельском хозяйстве, так же, как мы ликвидируем эту отсталость в области культуры.

А. Я. Вышинский

Ответ на ответ

Мой доклад, посвященный речи т. Сталина 4 мая и задачам органов юстиции, в котором я указал между прочим на ряд принципиальных ошибок т. Крыленко, вызвал с его стороны сердитый ответ. Судя по тому, что т. Крыленко призвал против меня не то в качестве свидетеля, не то в качестве эксперта даже тень всем известного датского принца Гамлета, в свое время утверждавшего, что «там, где задета честь, нужно драться за скорлупу», в нашем споре с уважаемым моим оппонентом дело идет ни больше, ни меньше, как о самой чести...

Я не согласен в этом вопросе ни с т. Крыленко, ни с принцем Гамлетом, полагая, что за скорлупу едва ли следует драться, даже если задета «честь». В таком случае уж лучше прямо драться за «честь»! Но в данном вопросе идет дело не о «скорлупе», как выражается Гамлет, а о действительно серьезных, принципиальных вопросах нашей судебной политики.

Поэтому я готов драться за правильное решение этих вопросов. Я готов драться даже в том случае, если т. Крыленко сблокируется не только с Гамлетом, но и с любым героем классической литературы.

Я готов драться, как говорит т. Крыленко тем более, что у нас с т. Крыленко имеются действительно по ряду вопросов серьезные разногласия, устранение которых было бы чрезвычайно желательно и полезно для нашего общего дела.

К чему же сводятся наши разногласия в данном споре? Эти разногласия, мне кажется, касаются трех вопросов: 1) вопроса о твердых составах, 2) вопроса о дозировке и дробности наказания и 3) вопроса о двух процессах или об едином процессе.

Разберемся в этих вопросах спокойно, без излишнего задора и горячности.

Но раньше всего остановимся на вопросе, имеющем громадное принципиальное значение, хотя непосредственно и не относящемся к нашему спору. Это вопрос о том, что затронутые в моем докладе принципиальные вопросы нашей уголовной политики, как это утверждает т. Крыленко, не следует связывать с исторической речью т. Сталина 4 мая. Правильно ли это утверждение т. Крыленко, пытающегося доказать, что нет «ни особенной необходимости, ни особенной логики и связывании этих вопросов (т. Крыленко их называет и совершенно правильно «основными вопросами на-

шей уголовной политики») с выступлением т. Сталина о кадрах?»

Мне кажется, достаточно только поставить этот вопрос, чтобы было совершенно очевидно глубокое заблуждение т. Крыленко.

Речь т. Сталина 4 мая является программной речью, определяющей наше отношение к людям, к кадрам; определяющей основное, принципиальное направление всей организации нашей работы, отвечающей на вопрос, как, какими методами нужно воспитывать, выращивать кадры, как нужно бороться с ошибками и недостатками наших людей, представляющих собой самый ценный капитал...

Тов. Сталин в своей замечательной речи 4 мая завершил развитие своих взглядов, развитие великого учения Маркса—Энгельса—Ленина о роли и положении человеческой личности в социалистическом обществе, во всей пролетарской революции.

В своем докладе я стремился это показать, напомнив о ряде других замечательных выступлений нашего вождя по аналогичным вопросам, в частности напомнив о беседе т. Сталина с Уэллсом, бросающей глубокий свет, если можно так выразиться, на корни исторической речи 4 мая.

В своем докладе я говорил: «Мы видим таким образом, что на всем протяжении нашей революции, на различных этапах ее, в различной исторической обстановке и в 1927 г., и в 1931 г., и в 1934 г. т. Сталин неоднократно возвращался к вопросу о кадрах, об отношении к людям, последовательно и глубоко принципиально решая эту проблему, являющуюся одной из самых важных, ответственных проблем нашего времени».

Но можно ли отрицать, что эта важнейшая проблема нашей эпохи не имеет никакого отношения к основным вопросам нашей уголовной политики? Думаю, что отрицать это нельзя, не рискуя впасть в грубую и совершенно недопустимую ошибку.

И после ответа т. Крыленко я не имею никаких оснований отказываться от своего взгляда на этот вопрос, от своих слов о том, что «величайшее значение речи т. Сталина 4 мая вообще и в частности для работников советской юстиции состоит в том, что она круто поворачивает наше внимание к этому вопросу».

Я и сейчас остаюсь при том убеждении, что «когда т. Сталин говорит о необходимости не только ценить машины и рапортовать о том,

сколько у нас имеется на заводах и фабриках машин и станков, но больше всего ценить людей «ценить каждого работника, способного принести пользу нашему общему делу» — т. Сталин бьет в самое больное место всей системы работы органов советской юстиции...»

Это не может, разумеется, не признать, если он серьезно продумает данный вопрос, и сам г. Крыленко, допустивший свое ошибочное утверждение, очевидно, в пылу полемики, в результате простого полемического увлечения.

Перехожу к следующим вопросам, и раньше всего к некоторым вопросам нашего материального уголовного права. Здесь важнейшим вопросом является вопрос о так называемых твердых (точных) составах. В своем ответе г. Крыленко подчеркивает свой отказ от ориентировочных составов, признавая «лозунг ориентировочных составов левверным» (какая осторожность и мягкость квалификации!), а борьбу за точные составы — «борьбой политически необходимой».

Очень хорошо. Правда, т. Крыленко пытается оправдать свою ошибку в этом вопросе особенностями переломного 1930 г., не позволяющего якобы ставить вопроса о точных составах. Но эта попытка совершенно несостоятельна.

1930 г., конечно, многое объясняет в наших позициях и в наших ошибках. Но я смею утверждать, что при всех особенностях 1930 г. ставить вопрос так, как ставил его т. Крыленко, утверждавший, что УК должен представлять собой сумму «приблизительных наметок мероприятий», нельзя было и в 1930 г.

В своем ответе мне т. Крыленко говорит, что в 1930 г. нельзя было надеяться исчерпать все возможные случаи, виды и формы преступных действий и классовой борьбы в точном перечне юридически отшлифованных составов и определений.

«Исчерпать» нельзя было тогда, как нельзя и сейчас. Это совершенно верно. Но вопрос о точных составах — это не вопрос об исчерпывании всех возможных случаев, видов и форм преступных действий и т. д. и тем более «юридически отшлифованных составов и определений».

Вопрос о точных составах вовсе не следует смешивать с вопросом об исчерпывающем перечне преступлений. Такая задача вообще, всегда и при всех условиях (не только в 1930 году) неразрешима. Именно неразрешимость такой задачи и объясняет неизбежность, целесообразность и политическую разумность применения аналогии вместе и на основе точных составов.

Тов. Крыленко смешивает различные вопросы. В своем объяснении он подменил один вопрос (о точном составе преступления) другим вопросом (об исчерпывающем перечне преступлений).

Тов. Крыленко, полемизируя по поводу моего утверждения о недопустимости судебного правотворчества, о недопустимости привлечения к суду за преступления, не обозначенные в законе, сердито восклицает: «Любой либерал подпишется обеими руками под вашим утверждением...»

Тов. Крыленко в доказательство своей правоты ссылается при этом на нашу практику, которая якобы опровергает мой тезис.

Но не ограничиваясь ссылкой на практику и,

очевидно, понимая недостаточную солидность этого аргумента, т. Крыленко пускается в теоретические рассуждения, имеющие своей целью окончательно сокрушить мое утверждение, как по его характеристике «типичную либеральную формулу, являющуюся текстуальным воспроизведением буржуазного принципа...»

Не нужно, впрочем, смущаться подобного рода аргументацией т. Крыленко, во всяком споре всегда старающегося оглушить своего противника, а больше всего — свою аудиторию всякого рода «жупелами» и крепкими словами.

«Любой либерал», «типичная либеральная формула», «либеральный подход к вопросу» — вот обычный для т. Крыленко набор аргументов, при помощи которых он ведет теоретические споры по любому вопросу, на любую тему: будет ли это Уголовный кодекс, будет ли это Уголовно-процессуальный кодекс, будет ли это просто какая-либо материально или процессуально-уголовная новелла.

Однако сам т. Крыленко не прочь «подписаться обеими руками» под типичнейшими либеральными формулами, под некоторыми важнейшими принципами буржуазного уголовного права.

Напомню т. Крыленко его выступление в 1928 г. в Комакадемии по вопросу о реформе уголовного процесса и в частности по вопросу о допустимости использования нашим законодательством тех или иных особенностей буржуазного процесса, хотя бы и носящих типично буржуазно-либеральный характер.

Вот что говорил тогда и совершенно справедливо т. Крыленко:

«Основное, что является самым ценным моментом в тезисах Комакадемии, заключается в том ее тезисе, где говорится, что при построении нашего процесса мы должны взять из буржуазного процесса то, что пролетариату в его борьбе на нынешней фазе нужно. Именно в контртезисах указывалось, что нужно взять и отразить в нашем процессе те элементы культуры, которые даны буржуазной историей и которые нами принимаются, как нечто такое, что мы равным образом ценим и от чего ни в коей мере не отказываемся. Это прежде всего, как правильно говорит т. Стучка, составительный процесс, который в принципиальных своих исходных пунктах есть определенное культурное достижение, созданное молодой революционной буржуазией. Когда я писал тезисы и потом в докладе я говорил: да, мы от этого культурного момента не отказываемся, поскольку техника судоговорения установила, что наилучшим средством для установления материальной истины являются элементы непосредственности, устности, гласности процесса и предоставления обвиняемому прав стороны»¹.

И это совершенно правильно. Но ведь сказать то, что сказал в этом выступлении т. Крыленко, значит подписаться обеими руками под наиболее важными, ответственными принципами буржуазно-либеральной юриспруденции.

Зачем же тогда бросаться такими обвинениями, которые совершенно несостоятельны и могут расцениваться лишь как простой полемический прием?

¹ «Революция права» № 2, 1928 г., стр. 89.

Нападение на меня в этом пункте, в пункте о правотворчестве, имеет, однако, для т. Крыленко гораздо большее значение, чем простая полемика.

Это значение заключается в том, что в данном вопросе обнаруживается старая, все еще не ликвидированная т. Крыленко точка зрения на роль и значение советского закона, на вопрос о непоколебимости и нарушениях советского закона.

В уже цитированном выступлении в 1928 г. т. Крыленко свое отношение к данному вопросу сформулировал очень резко и решительно, защищая «идею», как выразился т. Крыленко, о таком Уголовно-процессуальном кодексе, который был бы «просто инструкцией» (Стучка), «собранием «наказных статей», к которым не было бы отношения как к букве закона.

Развивая эту свою идею, т. Крыленко говорил:

«Но я пойду в своем еретическом разрушении принципов непоколебимости законов еще дальше. Одно время я высказывал мысль, что ничего ужасного не было бы, если бы мы сказали, что в Тульской губ. нужно ввести одну подсудность, а в Рязанской—другую, ибо там условия одни, а тут условия другие...»

Итак, т. Крыленко в 1928 г. был против принципа непоколебимости закона. В 1928 г. он шел против этого принципа походом, хотя и не без некоторой робости, являвшейся, очевидно, результатом сознания «еретичности» этого предпрятия. Получилось занятое зрелище: прокурор Республики в роли «еретика», разрушающего принцип непоколебимости законов!..

Мы хорошо знаем решительность выражений т. Крыленко. Насчет этой решительности надо, очевидно, отнестись и эту странную формулировку. Но не граничит ли эта решительность с таким архибуржуазным качеством, как анархичность, совсем неуместная в Советском государстве?

Впрочем, в настоящее время т. Крыленко под этим своим выступлением 1928 г., конечно, не подпишется не только двумя руками, но и одной рукой.

По крайней мере, в декабрьском своем докладе 1934 г. т. Крыленко уже не настаивает на ориентировочных составах преступления. Больше того. Он прямо говорит, что «в нашу эпоху, когда борьба за укрепившуюся социалистическую правовую атмосферу является одним из основных требований дня, это характерное для проекта 1930 г. и особо подчеркивавшееся нами положение в еще большей степени не может быть принято»¹.

Хорошо все то, что хорошо кончается...

Однако в своем ответе мне т. Крыленко вновь возвращается к этой теме, вновь бросает мне упрек в либерализме в связи с моим оспариванием правильности теории об ориентировочных составах и о судейском правотворчестве. Тов. Крыленко при этом изображает дело так, будто я против аналогии. Это ни на чем не основано. Я против аналогии нигде и никогда не выступал. Но я выступал и выступаю сейчас, говоря о противотворчестве, против того расширительного и неумеренного приме-

нения аналогии, которое нельзя назвать иначе как злоупотреблением аналогией.

Тов. Крыленко не хочет видеть этой разницы. Для него всякое предостережение против злоупотребления аналогией, — а я именно об этом и говорил, возражая против правотворчества кое-каких наших работников, — равносильно признанию принципа: «nullum crimen nulla poena sine lege». Отсюда и крики о либерализме и т. п. смертных грехах его противников...

Я считаю, что именно в нынешнюю эпоху, когда идет «борьба за укрепление правовой атмосферы» (Крыленко), применение аналогии должно быть ограничено, сужено, введено в строгие рамки.

Тов. Крыленко не просто за аналогию, а, очевидно, за широкое применение аналогии.

Я — против широкого применения аналогии, я — за применение аналогии не вопреки точному смыслу закона, а в соответствии с точным смыслом закона.

Вот в чем спор. И тут ссылки на практику, пренебрегающую точным смыслом закона, так же ошибочны, как ошибочна сама эта практика. И не нам с т. Крыленко, как наркомом юстиции РСФСР, защищать эту практику, идущую в разрез с точным смыслом закона, или, проще говоря, с законом.

Ведь закон имеет один смысл, одно содержание — точное.

Кто пренебрегает точным смыслом закона, кто допускает такое толкование закона, которое противоречит его точному смыслу, тот вступает в противоречие со смыслом закона и, следовательно, с законом, нарушает закон.

Как аргументирует свою точку зрения на аналогию т. Крыленко? Аргументирует в корне ошибочно. Аргументирует примерами, совершенно необидительными, потому что как раз приведенные им примеры не представляют никакой трудности и легко решаются любым районным прокурором. Остановимся на этой аргументации подробней.

Первый пример — вопрос: «Как вы уложите, спрашивает т. Крыленко в его (т. е. моего определения — А. В.) рамки привлечение к суду родителей и школьных педагогов за самоубийство детей?»

Странный вопрос! Если родители или педагоги виноваты в самоубийстве детей, то мы привлечем их к уголовной ответственности на точном основании точного смысла соответствующего закона, по соответствующей статье Уголовного кодекса, в зависимости от конкретного содержания их преступления. Мы можем привлечь к суду этих педагогов по статьям о должностных преступлениях или по ст. 141 УК РСФСР, как и родителей, если самоубийство ребенка явилось результатом таких преступных действий, которые предусмотрены ст. 141 УК.

Если текст ст. 141 говорит не о родителях и педагогах, а о лицах, от которых материально или иначе зависит погибший по их вине ребенок, то это дела не меняет: ведь мы говорим не о текстуальном смысле закона, а о смысле закона. Нельзя возражать и против применения в этом случае ст. 16 (аналогии). Это будет уместно и в точном соответствии с смыслом ст. 3 Основных начал и самой ст. 16 УК РСФСР.

¹ «Проблемы уголовной политики», кн. 1, стр. 21.

Но применение ст. 3 или ст. 16 УК РСФСР вовсе не свидетельствует о том, что судья в этом случае «творит закон по-своему», как я выразился в своем докладе.

Перейдем ко второму примеру.

«Как вы свяжете, спрашивает т. Крыленко с ним (с моим утверждением — А. В.) вынесенное до нового закона решение комиссий партийного и советского контроля по борьбе с незаконным выпуском займов местными исполкомами, где такой выпуск приравнен к преступлениям по подделке государственных и ценных бумаг...?»

Не менее странный вопрос, чем первый.

По т. Крыленко выходит, что постановление комиссий партийного и советского контроля не опирается на действующий закон и что оно говорит о привлечении к уголовной ответственности за преступление, не обозначенное в законе.

Это абсолютно неверно. Во-первых, это постановление исходит из факта **противозаконного** выпуска всякого рода облигаций, займов и других видов ценных бумаг, а также бон и иных денежных суррогатов — выпуска, нарушающего закон 3 июня 1930 г., с которым кое-кто из председателей горсоветов, заведующих райфо и горфо, директоров банков и прокуроров не желали считаться.

Поэтому комиссии партийного и советского контроля совершенно правильно и в соответствии с действующим нашим законодательством возбудили вопрос об уголовной ответственности за выпуск указанных выше ценных бумаг, займов и пр. Во-вторых, это постановление совершенно правильно предложило виновных привлекать к уголовной ответственности как за преступления, **граничащие** с подделкой государственных ценных бумаг и денежных знаков.

Я подчеркиваю: **граничащие**, а не «приравненные». Но дело не в этом. Дело в том, как привлекать к уголовной ответственности за подобные преступления?

Есть ли в действующем законодательстве статья, дающая возможность привлечь к уголовной ответственности должностное лицо, злоупотребившее своим служебным положением и нарушившее закон 3 июня 1930 года? Или такого закона нет и привлекать к суду за это преступление значит привлекать к суду за преступление, не обозначенное в законе?

Такая статья УК есть — это ст. 109 УК РСФСР и соответствующие ей статьи УК других союзных республик.

Прокуратура Союза в свое время и дала периферии указания о привлечении за выпуск бон и прочих денежных суррогатов именно по ст. 109 УК. Давая такое указание, Союзная прокуратура считала нецелесообразным расширительно толковать право аналогии...

Однако весьма важно отметить, что уже 31 мая с. г., т. е. через два дня после принятия комиссиями партийного и советского контроля своего постановления был издан специальный закон «Об уголовной ответственности за незаконный выпуск ценных бумаг и денежных суррогатов», исчерпывающим образом разрешивший вопрос о природе этих преступлений и их квалификации.

«Как вы уложите, спрашивает т. Крыленко в третий раз, в Прокрустово ложе нашего (вашего, т. е. моего — здесь, очевидно, опечатка—

А. В.) утверждения судебную практику по ст. 58¹⁰ за хулиганские выходы контрреволюционного характера и применение ст. 58¹⁰ за контрреволюционные выражения по поводу убийства т. Кирова?»

О чем вы спрашиваете т. Крыленко? Неужели для вас не ясно, что «хулиганские выходы контрреволюционного характера «целиком подпадают под действие ст. 58¹⁰, не нуждаясь ни в каком «Прокрустовом ложе? Неужели антисоветская, контрреволюционная выходка политического хулигана, белогвардейца, меньшевика, эсера, допускающего публичное поношение советского строя, советской власти, одобряющего контрреволюционные выступления и преступления, не дает основания для привлечения к уголовной ответственности по ст. 58¹⁰, говорящей о контрреволюционной агитации? Утверждать обратное, отрицать возможность применения в подобных случаях ст. 58¹⁰ УК, значит заниматься подлинной юридической схоластикой! Такого же порядка и рассуждения т. Крыленко по поводу допустимости квалификации при известных условиях и в зависимости от конкретных обстоятельств дела о поджоге колхозного двора по ст. 58¹⁰, как террористического акта, хотя о поджоге имущества говорит в УК особая статья.

Что в этом случае вызывает недоумение т. Крыленко?

Очевидно, чисто формальное понимание ст. 58¹⁰ УК, говорящей о террористическом акте, понимание, отрицающее возможность терроризировать кого-либо не только путем покушения на его жизнь или здоровье, но и на его имущество.

Ведь совершенно очевидно, что поджог чужого имущества не из контрреволюционных целей или не на почве политических счетов и классовой борьбы — одно дело, и здесь должна быть иная квалификация, по ст. 79 УК РСФСР.

Поджог как средство устрашения, как известная контрреволюционная акция — другое дело, и здесь должна быть другая квалификация. При поджоге колхозного двора возможна опять-таки в зависимости от конкретных обстоятельств каждого данного дела квалификация по ч. III закона 7 августа 1932 г., но возможна и квалификация через ст. 16 по ст. 58⁸ УК или без ст. 16 — по 58⁹ УК. Все зависит в конечном счете от фактических обстоятельств каждого данного дела.

Законов, как видим, достаточно и ни в каком судебном «правотворчестве» особой надобности не ощущается. Надобность ощущается и весьма серьезная, о чем наши наркомы мало, к сожалению, заботятся в другом: в правильном понимании законов, в умелом применении наших законов. Вот куда, т. Крыленко, нам необходимо направить свое внимание, вот чем нужно заняться всерьез и по-настоящему!

Разговоры же «о правотворчестве», помноженные на неудачные примеры и неудачные изобретения всяких новых, непредусмотренных законом квалификаций, делу не помогают; делу они только вредят, и вредят очень основательно!. Об этих изобретениях, впрочем, речь будет идти дальше.

Каков итог анализа примеров т. Крыленко? По-моему, итог ясен. Если эти примеры пред- назначались для доказательства необходимо-

сти «правотворчества», то они своей цели по- моему, не достигли. Аргументация т. Кры- ленко за «правотворчество» неубедительна. В этой аргументации слышатся старые нотки недооценки точности, твердости, непоколеби- мости закона, старые нотки теории т. Крылен- ко, противопоставляющей точным составам принцип аналогии, тогда как этот принцип может иметь место лишь на основе и в систе- ме законов, обладающих именно точными со- ставами.

Тов. Крыленко в своем ответе делает попыт- ку еще раз обосновать свою новую формулу, позволяющую соединить ст. 58^а с любой ста- тьей Особенной части Уголовного кодекса.

К сожалению, т. Крыленко не приводит ни- каких новых соображений в пользу своего новшества. Ссылка на саратовское дело, по которому Верховный Суд РСФСР вынес постановление, опротестованное по изложенным в моем до- кладе мотивам и отмененное Верховным Союзом ССР, тоже не дает по существу ничего нового. Добавлю лишь несколько слов. Сам т. Кры- ленко признает, что применение по саратов- скому делу ст. 58^а (терракт) — величайшая на- тяжка. Этим самым т. Крыленко признает, что в данном случае нет теракта.

Но как же квалифицировать убийство ку- лаком мальчика бедняка, совершенное, как пи- шет т. Крыленко, на почве крайней озлоблен- ности этого кулака против бедноты?

Отвечаю: Если этот политический мотив действительно имел место, нет оснований от- казывать от применения ст. 58^а хотя бы че- рез ст. 16 УК. Если же этого мотива не было, то нужно квалифицировать убийство, совер- шенное без контрреволюционной подкладки, как умышленное убийство, по ст. 136 УК РСФСР.

Что же касается наказания, то оно должно быть определено в пределах соответствующей статьи, против чего не возражает т. Крыленко.

Но никак нельзя согласиться с утверждением т. Крыленко, когда он по поводу убийств на политической почве говорит, что «в нашей дей- ствительности имеют место случаи, когда на- лицо нет террористического акта и тем не менее есть контрреволюционный акт».

Пойми, кто может! Как же можно убийство с контрреволюционными мотивами (умыслом?) рассматривать как какой-то контрреволюцион- ный «акт», не являющийся однако **террористи- ческим актом!**

Нет, Николай Васильевич, ваша хитроумная комбинация со ст. 58^а УК не выдерживает ни- какой критики! И чем скорее Вы от нее отка- жетесь, тем, мне кажется, будет лучше.

Второе разногласие, разделяющее нас с т. Крыленко относится к так называемой до- зировке.

Я считаю основной ошибкой т. Крыленко в этом вопросе сведение дозировки к возме- дию. Неправильно думать, что дробность на- казания может определяться только принци- пом «мести и воздаяния».

Тов. Крыленко считает необходимым бороть- ся против тенденции суда отмеривать и отве- шивать лишение свободы на 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9 и 10 лет или 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9; 10; 11 или 12 месяцев в зависимости от «тяжести» «судеянного», в «воздаяние» и «возмездие» за совершенное.

Но принцип дробности наказания вовсе не обязательно связывать с буржуазной схоласти- кой о «возмездии» и тому подобной дребес- денью.

И сам т. Крыленко в этом отношении вовсе не непримирим, хотя ясности в его позиции в настоящее время нет.

Разоблачая ошибочность и вред теории возмездия и признавая свою ошибку в обла- сти борьбы с дозировкой, т. Крыленко готов итти на дозировку «как метод воздействия на человеческое поведение...».

Это в декабрьском докладе 1934 г., а в июльском выступлении 1935 г. на страницах «Советской юстиции» т. Крыленко высказывает- ся за то, чтобы лишать «суд права дробно варьировать эти сроки (т. е. 3, 5, 8 и 10 лет, а не 1, 2, 3, 4, 5 и т. д. лет и месяцев — А. В.) в пределах одного и того же вида наказания, например 3, 3½, 4, 4½, 6, 7, 9 лет...»

Такую дробность т. Крыленко объявляет лишней всякого рационального смысла, чем- то близким к гаданью на кофейной гуще.

Сказано не без остроумия. Но убедительно ли? Думаю, что и на этот раз нет. Ведь каче- ственной разницы нет между тем, будет ли на- казание исчисляться в 3, 4, 5 и т. д. лет или месяцев, или с 3, 3½, 4, 4½ и т. д. лет. Поче- му в одном случае это рационально, а в другом, совершенно аналогичном, это иррацио- нально? Это абсолютно необъяснимо и также темно, как кофейная гуща.

Кстати, своим рассуждением об этой «ирра- циональности» в декабрьском своем докладе т. Крыленко доказал, что в сущности говоря, **он попрежнему в этом вопросе стоит на ста- рых позициях.**

Свою ошибку т. Крыленко видит лишь в том, что, борясь против дозировки, он не учел силы иррационального в головах миллионов людей, он не посчитался с укоренившимися, так ска- зать, предрассудками в общественном сознании по этому вопросу.

Выходит так, что т. Крыленко, единственный глашатай рационального, должен был пасть под тяжестью иррациональных идей, преодолеть которые пока что он оказался не в состоя- нии.

Вот как только и можно понять соответствую- щие места из цитированного доклада т. Кры- ленко, заявившего: «Товарищи по комиссии восстановили дозировку полностью и меня за- голосовали... Они допустили, по-моему ошибку, уступая там, где уступать нет нужды. Время покажет, кто прав из нас в этом споре..» (Про- блемы уголовной политики кн. 1, стр. 25).

Нам незачем ожидать «знаменания» времени, ибо жизнь, вся наша практика полностью опро- вергает попытку отказаться от дозировки. Как метода индивидуализации наказания, дози- ровка является нужным для нас инструмен- том, и вся задача в том, чтобы правильно этим инструментом пользоваться.

Перехожу к вопросу о двух процессах или едином процессе.

Я считаю совершенно необходимым и умест- ным обратиться к истории вопроса и, в част- ности, к книге т. Крыленко «Суд и право в СССР» (1927 г.), где т. Крыленко достаточно систематически изложил свои взгляды, проли-

вающие свет на его нынешнюю постановку во прса о двух процессах.

В этой книге т. Крыленко, комментируя основы судоустройства Союза, рассматривает действовавший тогда губернский суд, как суд исключительный, хотя и оговариваясь, что эта исключительность им понимается иначе, чем это принято.

Но дело не в этой оговорке. Дело в том, что сам т. Крыленко все-таки рассматривал этот суд, как исключительный, а в связи с этим требует и особых процессуальных норм для этого суда.

Тов. Крыленко прямо говорит:

«Подходя с этой точки зрения, можно, конечно, сказать, какой суд является нормальным, какой суд исключительным, причем исключительным судом придется признать губернский суд.

К такому же выводу мы придем, исходя и из другой точки зрения, именно из обычного обывательского представления о том, что исключительным судом мы будем признавать тот суд, в котором права обвиняемых более стеснены, чем в общем суде. С этой точки зрения губернский суд, безусловно, должен быть признан, по его процессуальным особенностям, исключительным судом».

Именно, с этой точки зрения т. Крыленко считает, что губернные суды «как суды первой инстанции для дел особой категории, как наследники революционных трибуналов, не могут быть признаны ни в коей мере судами, должествующими всегда стоять наряду с народными судами, как неотъемлемое звено нашей судебной системы».

Вот почему т. Крыленко полагал, что «по мере исчезновения острых форм классовой борьбы, губернные суды будут отмирать скорее, чем остальные суды».

Этими принципиальными соображениями и определялась точка зрения т. Крыленко на формы процесса, допускаемые для губернского суда. Особенность законов, определяющих форму и содержание деятельности губернских судов, должна была заключаться с этой точки зрения не только в более повышенных санкциях наказания за преступления, подлежащие рассмотрению в этих судах, чем в народном суде, но и в более жестком порядке рассмотрения этих дел (слушание дела без защиты и обвинения, отказ от прений сторон, ограничение других прав подсудимых и т. п.).

На такой же точке зрения т. Крыленко стоит и в опубликованной в 1927 г. статье под заглавием «Пора».

Говоря в этой статье об Уголовно-процессуальном кодексе применительно к губернскому суду, т. Крыленко вскрывает тот недостаток действовавшего тогда УПК, благодаря которому в губернском суде — «вместо краткого процесса с жесткой репрессией мы получили процесс громоздкий, длинный, заполненный формальностями и бесконечными речами».

В своем докладе «Реформа советского уголовного процесса» (1928 г.) т. Крыленко еще раз высказывается за установление для губернского суда особых норм процесса, за оставление в ведении губернского суда дел только о тех преступлениях, «которые мы признаем сугубо опасными и которые мы выделяем для рассмотрения в порядке особо жесткого процесса».

Эта особая жесткость процесса т. Крыленко мыслилась (очевидно, мыслится и до сих пор), как построение процесса без состязательности.

Вот, что он говорил по этому поводу в указанном докладе:

«Тогда (т. е. после выделения из подсудности губсудов всех дел, кроме указанных выше — А. В.) не будет той каши, которую представляет сейчас губернский суд, когда он одновременно рассматривает дела об убийстве комсомолькой комсомольца, дела о зверствах педагогов или об убийстве из ревности и тут же рядом дела о контрреволюции! И все это на основе одних и тех же процессуальных норм! Я понимаю еще допущение состязательного процесса в развернутой форме по таким делам, как убийство из ревности; я готов принять его даже для некоторых категорий должностных преступлений. Но я рассматриваю, как издевательство над существом губсуда, рассмотрение в нем, в порядке развернутого процесса таких дел, как дело Моссельхоза, дело об экономической контрреволюции, со всем бесконечным потоком речей и разливными голосистыми словесными из буржуазной защиты, со всем использованием ею в издевку над пролетарской юстицией всей казуистики нашего процесса по нынешнему УПК».

Вот почему т. Крыленко в 1928 г., требовал двух форм процесса: один процесс без состязательности в развернутом виде — для дел о контрреволюционных и т. п. преступлений, другой опирающийся на состязательное начало, — для бытовых и всех других дел.

Тов. Крыленко тогда так прямо и говорил: «Вот почему я ставлю вопрос таким образом: губернский суд должен иметь свой особый процесс, а народный суд должен получить в свою компетенцию все категории бытовых дел».

Если вспомнить, что т. Крыленко называл издевательством допущение состязательного процесса в развернутой форме по контрреволюционным делам и что он допускал состязательный процесс в этой форме по таким делам, как убийство из ревности, то точка зрения т. Крыленко будет выявлена в полной и исчерпывающей форме.

Но это было в 1928 г. Следует ли об этом вспоминать теперь, в 1935 г.? Увы, это неизбежно потому, что между точкой зрения, так отчетливо выраженной т. Крыленко в 1928 г. и нынешней его точкой зрения, менее отчетливо и последовательно выражаемой теперь, мне кажется, существует полная преемственность.

Тов. Крыленко, полемизируя с моей точкой зрения, указывает на два основных качества, которым должен удовлетворять наш судебный процесс:

первое качество — гибкость и быстрота репрессии; второе — достаточная демократичность, чтобы «обеспечить максимальную защиту прав трудящихся в судебном процессе и наибольший воспитательный эффект в отношении окружающих».

И дальше т. Крыленко пишет: «Эту вторую задачу обеспечивают принципы советской судебной демократии, гласность процесса, его непосредственность, устность и т. д.». Выходит, что первая задача, заключающаяся в отыскании материальной истины и разоблачении

классового врага, о чем говорит т. Крыленко, характеризуя первое качество нашего судебного процесса, может быть решаемая и без помощи «таких принципов советской судебной системы», как указанные выше.

Для решения этой задачи эти принципы, выходит, не нужны. Эта задача решается при помощи чрезвычайных полномочий, широко же «развернутая система судороговения» «гарантирует обеспечение второй задачи».

В этом рассуждении т. Крыленко совершенно механически отрываются одна от другой такие задачи, которые в действительности органически между собой связаны и которые т. Крыленко обрисовал, говоря о двух основных качествах судебного процесса. Это — установление материальной истины и разоблачение классового врага, с одной стороны, и воспитательное воздействие на окружающих, с другой.

Несмотря на все различие этих задач, они органически между собой связаны и, как правило, разрешаются параллельно.

Вот почему мы считаем, что советский судебный процесс должен быть построен так, чтобы эти обе задачи были обеспечены. Но это возможно лишь в том случае, если эти задачи будут решаться на основе принципов советской судебной демократии. Я подчеркиваю: принципов, что не исключает, разумеется, их более широкое или менее широкое применение в известных условиях, определяемых характером, особенностями и формами классовой борьбы на том или ином этапе социалистического строительства.

Когда ссылаются в защиту двух форм процесса на закон 1 декабря, дело представляют так, будто закон 1 декабря нарушил принципы советского судебного демократизма. Это неверно. Закон 1 декабря не устранил таких основных его принципов как устность, и непосредственность.

Эти принципы остаются в полной силе и при действии закона 1 декабря.

В судебном процессе и при действии закона 1 декабря обвиняемый остается носителем известных процессуальных прав, и достаточно широким для защиты своих интересов. Обвиняемый и в этом случае, как и в развернутом состязательном процессе, является субъектом прав в процессе, а не объектом процесса.

Именно качественной разницы здесь нет. Разница в объеме его прав, в большей или меньшей сумме этих прав. Это, разумеется, весьма существенно и важно, так как в меньшей сумме прав обвиняемого, в лишении его такого права, как право кассации и пр., заключается основное отличие этого порядка судебного разбирательства от порядка, обусловленного формой широкой состязательности.

Поэтому неправильно и юридически и политически ставить вопрос о двух формах процесса. Такая постановка этого вопроса прямым путем ведет нас к теории т. Крыленко 1928 г., отзвуки которой слышны и в его нынешних высказываниях.

Мы считаем, что не должно быть разных форм процессов, для разных судов. Мы считаем, что процесс должен быть единым в том смысле, что каждый суд — будь ли это народный суд, будь ли это областной суд или

верховный суд, специальный суд — военный трибунал или водно-транспортный, или линейный транспортный, безразлично, — должен пользоваться одними и теми же процессуальными нормами и руководствоваться одними и теми же процессуальными правилами, осуществляться в одних и тех же процессуальных формах.

Спор идет не о том, можно ли допускать по тем или другим делам отступление от единого процессуального порядка, от того процессуального порядка, который установлен для судов, независимо от их характера и специальности. Спор идет не об этом, тем более, что этот вопрос категорически разрешен постановлением 1 декабря, установившим изъятия из Уголовно-процессуального кодекса для дел особой категории. Но именно тем, что законом 1 декабря установлены изъятия из общего порядка, лишней раз подчеркивается необходимость сохранения этого общего и единого для всех судов порядка по всем остальным делам.

Тов. Крыленко считает, что закон нужно написать так, чтобы были все возможности для применения обеих форм процесса, и что «совершенно безразличным является, в одном ли законе будут изложены обе эти формы, или в двух законах, или в двух разделах одного и того же закона будут отражены эти строго регулированные в свою очередь законом права суда применять обе формы процесса».

С этим тоже нельзя согласиться, потому что раньше всего изъятия из УПК, установленные для одной категории дел постановлением 1 декабря, вовсе не являются особой формой процесса, а во-вторых, еще и потому, что дело не в технике написания или построения закона, а в принципах, положенных в основу закона.

В заключение я не могу не остановиться на некоторых предложениях т. Крыленко, относящихся к организации уголовного процесса которые не содействуют, на мой взгляд, успешному разрешению задачи дальнейшего повышения качества нашей судебной работы.

Тов. Крыленко в целях упрощения процесса предлагает, например, в известных случаях отказываться от обвинительного заключения по делам, где, как он говорит, «существо дела всегда стандартно».

Нельзя считать удачным указание на стандартность дел, так как каждое дело всегда индивидуально и так как к судебным делам вообще подходить по какому-нибудь стандарту рекомендовать не следует.

Впрочем, вопрос об обвинительном заключении или милицейском протоколе, способном заменить это обвинительное заключение, является не принципиальным. Важно и принципиально лишь то, чтобы во всех случаях, привлекая обвиняемого к ответственности ему своевременно было предъявлено это обвинение достаточно определенно и четко сформулированное.

Таков мой ответ на ответ т. Крыленко. Я не могу не согласиться с ним, что наши разногласия действительно серьезные и глубоко принципиальные. Дальнейший ход вещей скажет, конечно, кто из нас прав но и то, что мы имеем уже сейчас, мне кажется, достаточно убедительно говорит, чья позиция в этом споре верна и в большей степени соответствует требованиям и задачам, предъявляемым к органам советской юстиции нашей эпохой.

Работа прокуратуры в кассационных коллегиях

Работа прокуратуры в кассационных коллегиях судов не только не достигает того уровня, на котором она должна была бы стоять, но далеко уступает по объему судебной надзорной работе прокуратуры. Так, за второй квартал текущего года Прокуратура участвовала в кассколлегиях Верховного суда по 690 делам, что составляет 29% к общему числу дел, рассмотренных Верховным судом за это время.

Надзорных же дел за тот же период в Управлении Прокуратуры РСФСР было рассмотрено 2174, т. е. в 3½ раза больше чем кассационных. Примерно то же соотношение имеет место и в работе край(обл)прокуратур. В некоторых прокуратурах, как, например, в Курской областной, Западной областной и других участие в работе кассколлегии рассматривалось как своего рода повинность, которую все работники областного аппарата должны были отбывать по дням, в порядке очереди, совершенно независимо от характера дел, которые рассматривались в этот день в кассколлегии. Этот порядок был устранен лишь после обследования судебной работы этих прокуратур Прокуратурой РСФСР.

Между тем работа в кассационных коллегиях гораздо больше чем надзорная работа может дать прокуратуре возможность оказывать действительное и своевременное воздействие на карательную политику судов.

Прежде всего в кассколлегиях приходится иметь дело всегда с делами, отражающими судебную политику сегодняшнего дня; тогда как в порядке надзора проходят в большинстве старые дела, на которых нельзя основываться для оценки судебной практики текущего момента. Участвуя в работе кассколлегии судов, при условии обязательного участия прокуратуры по важнейшим категориям дел и в суде первой инстанции, прокуратура получает возможность более или менее полного и всестороннего ознакомления с карательной политикой судов. Вмешательство же прокуратуры в уголовные дела в порядке надзора, вызываемое в подавляющем большинстве случаев жалобами осужденных, именно поэтому сосредоточивается на тех делах, по которым суд применил слишком жесткую меру наказания. Большинство протестов прокуратурой протестов приносится на жесткость приговора. Количество протестов на мягкость приговоров значительно меньше, хотя статистика показывает нам, что по целому ряду важнейших категорий дел (дела о преступлениях в области животноводства, дела о хулиганстве и др.) во многих краях и областях судами проводится чрезмерно мягкая карательная политика, далеко не в достаточной степени выправляемая прокурорскими протестами.

Одних этих соображений было бы достаточно для того, чтобы обосновать необходимость усиления работы прокуратуры в кассколлегиях, хотя бы за счет сокращения надзорной работы. Но в настоящий момент этот участок прокурорской работы приобретает очень важное значение и с другой точки зрения. Нельзя сомневаться ни в том, что задача улучшения ка-

чества судебного процесса, поставленная I всесоюзным совещанием работников юстиции, ни в какой степени не утратила своего значения ни в том, что до настоящего времени пройдена только очень незначительная часть пути по направлению к этой цели. Качество судебного процесса за время, истекшее после всесоюзного совещания, несомненно, улучшилось но далеко недостаточно. Вряд ли кто-нибудь будет отрицать необходимость самой энергичной и самой настойчивой работы по дальнейшему улучшению качества процесса. Кассационная практика является, без сомнения, одним из самых действительных методов этой работы. Поэтому вполне своевременно поставить вопрос: удовлетворяет ли работа наших кассационных судов в ее теперешнем виде всем требованиям, которые должны быть предъявлены к ней с этой точки зрения? Являются ли определения кассационных инстанций тем острым оружием в борьбе за качество процесса, каким они должны быть? А если не являются, то что нужно сделать для того, чтобы они стали таким оружием?

Эти вопросы упираются в основной и очень сложный теоретический вопрос правовой природы нашей кассационно-ревизионной системы, об отличиях этой системы как от апелляционной системы обжалования, так и от чистой кассации. Я, конечно, ни в какой степени не претендую на то, чтобы в журнальной статье дать решение этого вопроса. Я буду считать свою задачу выполненной, если, во-первых, мне удастся доказать, что значительная часть работы наших кассационных судов в ее теперешнем виде не может дать должного эффекта в отношении улучшения работы судов первой инстанции и органов расследования, во-вторых, хотя бы наметить те шаги, с которых надо начинать, чтобы добиться изменения такого положения.

Возьмите на выдержку несколько кассационных определений любой кассационной инстанции. Если это будут определения об оставлении приговоров в силе, то, в подавляющем большинстве случаев, никаких мотивов вы там не найдете, никакого ответа на доводы, содержащиеся в отклоненной кассационной жалобе, в них не окажется. Жалобщику предоставится самому догадываться, почему его доводы отвергли.

Таким образом определения кассационных инстанций оставляющие приговоры в силе, никого ничему научить не могут.

Но могут на это возразить, что, помимо кассационных определений, оставляющих приговоры в силе, кассационных, в случае обнаружения ими тех или иных ошибок в действиях суда или органов расследования по данному делу, выносят частные определения, которые и являются основным инструктивным материалом для судов первой инстанции. Практика частных определений действительно находится в широком применении в работе кассационных судов, пожалуй, даже чересчур широкое. Приведу несколько примеров таких определений из практики Верховного суда РСФСР:

По делу Калмыцкого областного суда по обвинению Басова, Зотова и др. по закону 7 августа 1932 г. (касс. производство Верхсуда РСФСР № 21318 1935 г.) кассколлегия Верхсуда вынесла такое частное определение: «Указать председателю суда на недопустимость метода допроса обвиняемого, предваив его, что его ожидает расстрел; признание же вины и подробные показания о соучастниках, рассматриваемые судом как смягчающее обстоятельство по закону 7 августа 1932 г. — 10 лет лишения свободы, что может быть понято участвующими в деле лицами как понуждение дать чуждые для обвинения показания» (трудно себе представить, как можно иначе понять такого рода «увещание» председателем суда подсудимых).

Что нужно сделать с приговором, вынесенным при таких методах ведения допроса подсудимых? Что нужно сделать с этим приговором, если к тому же осужденные в своих кассационных жалобах пишут, что им было неосновательно отказано в производстве экспертизы, что на суде им не давали задавать вопросы, давать объяснения по поводу показаний свидетелей и т. п. Правильность этих утверждений весьма вероятна, если учесть описанный в приведенном выше частном определении стиль работы председателя суда. Ответ ясен: отменить приговор и вернуть дело на новое рассмотрение в другом составе суда. Между тем коллегия Верхсуда оставляет этот приговор в силе, снизив наказание трем из пяти осужденных, а об указанных выше доводах кассаторов в своем определении даже не упоминает.

По делу Хакасского облсуда по обвинению Еремеева Ф. и др. по ст. 59^а УК кассколлегия Верхсуда вынесла такое частное определение: «Дело рассмотрено с допущением грубых нарушений норм процесса. Дело не было рассмотрено в подготовительном заседании; из дела не видно, была ли вручена копия обвинительного заключения обвиняемым. Суд рассмотрел дело в отношении Фаткулина с нарушением ст. 265 УПК, так как у суда не было оснований считать неявку его в суд как укрытие от суда. Как видно из протокола судебного заседания, осужденным был заявлен отвод председательствующему и ряд различных ходатайств; в протоколе зафиксировано одно определение суда по ряду ходатайств и в том числе отказ об отводе председательствующего; следовательно, заявленный отвод члену суда обсуждался полным составом суда, в то время как этот отвод должен был обсуждаться в составе двух нарзаседателей. Судебно-надзорная коллегия Верхсуда указывает на недопустимость рассмотрения дела со столь грубыми нарушениями и предостерегает от повторения подобных ошибок».

Несмотря на то, что в числе перечисленных в этом определении нарушений есть такие, которые согласно ст. 415 УПК должны обязательно влечь за собой отмену приговора, — приговор этот оставлен в силе полностью (касс. производство Верхсуда РСФСР № 22704 1935 г.).

Чему учат суды первой инстанции такого рода частные определения? Тому, что хотя нарушать важнейшие нормы УПК и не следует, но лишь по формальным соображениям, что и при

наличии таких грубых нарушений может быть вынесен правильный по существу приговор.

Между тем значение процессуальных форм в том именно и заключается, что при нарушении этих форм (например, при слушании дела в отсутствие обвиняемого) не может быть уверенности, что приговор по существу правилен. Соответствие его письменным материалам дела в том виде, какой эти материалы имеют при наличии допущенных процессуальных нарушений, вовсе не доказывает соответствия его действительному положению вещей. Нет никакой уверенности, что при отсутствии этих нарушений (например, если-бы обвиняемый присутствовал на суде) обстоятельства дела не представлялись бы в совершенно другом свете. Только те работники юстиции, которые усвоят это значение процессуальных форм для правильного разрешения дела по существу, будут сознательно и правильно применять эти формы, сумеют избежать и юридического фетишизма и юридического нигилизма. Практика оставления приговоров в силе, при одновременном вынесении подобных частных определений, ориентирует работников юстиции как раз на отрыв процессуальной формы от существа дела, исходит из предположения независимости существа приговора от соблюдения процессуальной формы. Такие частные определения не улучшают, а ухудшают работу суда. Вместо вынесения подобных частных определений необходимо добиться обязательной мотивировки кассационных определений, оставляющих приговор в силе. Эта мотивировка должна содержать в себе ответ на доводы кассационной жалобы и служить в то же время инструктивным материалом для суда первой инстанции. Оценка работы суда, излагаемая в частных определениях, не должна быть оторвана от конечного вывода кассационной инстанции, а увязана с ним в одно целое. Можно быть уверенным, что если бы приведенные выше формулировки частных определений были включены в основное кассационное определение, выводы из них были бы другие.

Какова же мотивировка кассационных определений в тех случаях, когда приговор изменяется? В практике Верхсуда РСФСР определения такого рода составляют около 20% всех определений и имеют, таким образом, громадное значение как метод инструктирования судов первой инстанции. В большинстве случаев формулировка этих определений в точности такова, какую мог бы дать апелляционный суд. В мотивах обычно дается анализ существа обвинения, кассколлегия излагает по-новому формулировку этого обвинения и из этой новой формулировки выводит и изменение меры наказания. Такие формулировки отражают самый подход кассколлегии к своей работе.

В большинстве случаев кассколлегия, не обращая внимания или обращая второстепенное внимание на допущенные судом первой инстанции процессуальные нарушения, считает своей основной задачей решить вопрос — правилен ли приговор по существу?

Из чего же может исходить кассколлегия при решении этого вопроса. Протоколы судебных заседаний в большинстве случаев пишутся так, что по ним в лучшем случае можно проверить формальную сторону ведения судебного заседания, но совершенно невозможно дать правильную оценку существа показаний

обвиняемых и свидетелей. С этой точки зрения протоколы очень часто — кривое зеркало того, что происходило на суде.

Поэтому материал судебного следствия, как правило, не может быть использован кассинстанцией для проверки существа приговора, а если этот материал все же используется с этой целью, — то без всякой уверенности, что используются именно показания допрошенных на судебном следствии лиц, а не вольное переложение их секретарем судебного заседания. Остаются материалы предварительного расследования, которые в большинстве случаев и являются основанием для суждения кассколлегии о правильности или неправильности приговора по существу.

Получается, что решающим для исхода дела является не устное рассмотрение доказательств в судебном заседании, которое до кассколлегии не доходит, а письменные материалы дела. В наш процесс проникают, таким образом, элементы розыскного процесса.

Я отнюдь не являюсь сторонником установления у нас чистой кассации со всем ее буквенным формализмом, с ее крайним юридическим лицемерием. Но и вынесение апелляционных по существу определений на основании кассационного производства никак нельзя признать удачной формой проверки приговоров. Теория советской кассации еще не выработана. Ее надо выработать на основе опыта кассационной работы наших судов, на основе самой острой критики этой работы.

Должна ли кассинстанция вникать в существо дела? Безусловно, должна. Должно ли быть это проникновение в существо дела абсолютно ничем не ограниченным? Нет, не должно.

Возьмем конкретный пример. Приговор суда основан на показании свидетеля Х., которое записано в протоколе следующим образом: «Председатель сельсовета М. продал своему родственнику за дешевую цену две конфискованные у кулаков коровы». Суд первой инстанции поверил этому показанию. Правильно ли будет, если кассинстанция ему не поверит и соответственно изменит приговор по существу? Нет, неправильно, так как кассинстанция показаний этого свидетеля не слышала, самого свидетеля не видела, вопросов ему не задавала. Правильно ли будет, если кассинстанция внесет по этому поводу в свое определение такой мотив: «Из показания свидетеля Х, положенного судом в основу приговора, не видно, сообщает ли свидетель свои собственные наблюдения, и в этом случае, где, когда и что именно он наблюдал, или же передает чьи-либо слова, и в таком случае — чьи именно, или, наконец, просто повторяет ходившие по селу слухи, неизвестно от кого исходящие». Безусловно правильно. Такая мотивировка, из которой естественно должна следовать отмена приговора, многому научит суд первой инстанции, без сомнения будет способствовать улучшению качества его работы.

Проникновение кассинстанции в существо дела и должно заключаться прежде всего в проверке достоверности дела, в проверке доброкачественности доказательственного материала, положенного в основу приговора, а не в перекраивании формулировки обвинения, на основе того общего впечатления о винов-

ности обвиняемого, которое останется от изучения письменных материалов дела у членов кассколлегии или, вернее, у докладчика, так как остальные члены кассколлегии дела не изучают.

Бороться за то, чтобы каждое кассационное определение стало критической оценкой дела, с точки зрения соответствия его не только требованиям УПК, но и требованиям техники и тактики следственной и судебной работы, значит бороться не только за улучшение качества самой кассационной работы, но и качества всего судебного процесса. Для этого безусловно требуется, кроме того, изменение соотношения количества случаев изменения приговоров кассинстанцией и их отмены. За последнее время в практике Верховного Суда РСФСР изменение приговоров встречается в 20% всех определений, а отмена приговора с возвращением дела на новое рассмотрение — всего в 8%. Этот процент далеко не соответствует действительному качеству тех дел, которые приходится рассматривать Верховному Суду. Только отмена приговора, по которому допущены существенные процессуальные и тактические нарушения, только возвращение этого дела на новое рассмотрение с надлежащей мотивировкой является реальным средством к улучшению качества судебной работы.

В нашей практике почти не применяется рекомендованный I всесоюзным совещанием работников юстиции метод принятия судом высшей инстанции дела к своему рассмотрению по существу в случае вторичной отмены приговора. Между тем это — чрезвычайно действительная мера не только для того, чтобы правильно разрешить данное дело, но и для того, чтобы научить работать нижестоящие судебные органы.

В работе по выращиванию кадров работа кассколлегии занимает далеко не последнее место. Борьба за такую перестройку кассационной практики, которая в наибольшей степени обеспечила бы улучшение качества работы судов первой инстанции, — важнейшая задача в деле выращивания кадров органов юстиции, в деле улучшения качества судебного процесса.

В этом отношении перед прокуратурой громадное поле деятельности.

Прокурор в своем заключении в кассколлегии обязан дать критический обзор работы органов расследования и суда по данному делу, который должен лечь в основу определения кассинстанции. Прокурор должен добиваться, чтобы кассколлегии не оставляли в силе, хотя бы и в перекроенном виде, приговоры, вынесенных с такими процессуальными и тактическими нарушениями, при которых не может быть уверенности в правильности приговора по существу.

Для того чтобы переломить существующую кассационную практику, для того чтобы поднять ее на должную высоту, превратить ее в действительное средство улучшения качества судебного процесса, необходима большая работа.

Прокуратура своим участием в работе кассколлегии должна помочь судебным органам проделать эту работу. Участие в работе кассинстанций наряду с выступлениями в суде первой инстанции, должно стать важнейшей формой судебно-надзорной работы прокуратуры.

О состоянии учета и статистики в органах прокуратуры

I

Осуществление задач, возложенных на прокуратуру по охране социалистической законности, требует такой организации работы, при которой бы органы прокуратуры своевременно знали о нарушениях социалистической законности, быстро и оперативно-гибко реагировали на них, руководя всеми органами, осуществляющими борьбу с преступлениями. Огромную роль в этом деле играет правильно налаженный учет, статистика, информация.

На практике, однако, учет и статистика до сих пор являются одним из отстающих участков работы органов прокуратуры. Не имея точного учета преступлений, не зная о всей совокупности оперативных мероприятий, осуществляемых в борьбе с ними, прокуроры зачастую не могут или не умеют обобщить опыт своей работы. Вместо представления своевременно составленной информации, цифрового отчета, доклада, такие прокуроры ограничиваются сообщением отдельных случайно выхваченных фактов, быть может, весьма интересных самих по себе, но, конечно, ни в какой мере не могущих заменить собою систематической информации, полного отчета о проделанной работе.

Каждый прокурор, конечно, знает установки Ленина и Сталина о роли учета и статистики в социалистическом строительстве, но, очевидно, не все прокуроры усвоили, что эти установки относятся к ним самим в такой же мере, как и к работникам промышленности, транспорта, сельского хозяйства. Трудно представить себе в наших условиях такого хозяйственника, который, ссылаясь на большую загруженность в работе, сообщил бы, что у него нет учета продукции его предприятия, и вместо деловых итогов своей работы стал бы приводить отдельные факты о работе своего предприятия. Наши хозяйственники усвоили достаточно твердо слова т. Сталина на XVII съезде партии, о том, что «... никакая хозяйственная работа, никакая плановая работа немислима без правильного учета, а учет немислим без статистики».

Между тем отчетные доклады прокуроров нередко построены по «методу» приведения исключительно отдельных фактов, без анализа основных показателей своей работы, без использования данных статистики. Конечно, плох тот прокурор, который за цифрами не видит фактов, не видит конкретных форм классовой борьбы, но не менее плох тот прокурор, который слепо следует за отдельными фактами и фактиками, не пытаясь сделать каких-либо серьезных выводов на большом материале, а не только на основе более или менее удачно подобранных фактов.

Ленин в своей, к сожалению, незаконченной работе «Статистика и социология», опубликованной в журнале «Большевик» № 2 за 1935 г., поставил и разрешил полностью вопрос об использовании отдельных фактов и фактиков при изучении социальных явлений: «В области явлений общественных нет приема более рас-

пространенного и более несостоятельного, как выхватывание отдельных фактиков, игры в примеры. Подобрать примеры вообще не стоит никакого труда, но и значения это не имеет никакого, или часто отрицательное, ибо все дело в исторической конкретной обстановке отдельных случаев. Факты, если взять их в целом, в их связи, не только «упрямая», но и безусловно доказательная вещь. Фактики, если они берутся вне целого, вне связи, если они отрывочны и произвольны, являются именно только игрушкой или кое-чем еще хуже». Ленин далее указывает, что «необходимо брать не отдельные факты, а всю совокупность относящихся к рассматриваемому вопросу фактов без единого исключения, ибо иначе неизбежно возникнет подозрение, и вполне законное подозрение, в том, что факты выбраны или подобраны произвольно...»

Эти слова Ленина ударяют прямо не в бровь, а в глаз некоторым работникам юстиции. Необходимо различать знание отдельных фактов, отдельных явлений, умение проиллюстрировать отдельное положение удачным примером и т. д., и знание всей совокупности фактов, умение проанализировать цифровые итоги работы. Этого как раз и не хватает некоторым работникам юстиции, прокурорам в частности.

Тов. Вышинский еще на I всесоюзном совещании прокурорских работников указал, что в современных условиях прокурор должен сочетать остроту своего классового, пролетарского чутья с глубоким овладением техникой, с глубоким освоением тех специальных знаний, которыми ему приходится пользоваться для осуществления возложенных на него задач.

Учет, статистика, информация также являются одной из отраслей этих специальных знаний, которыми прокурор должен умело пользоваться, усвоив то громадное значение, которое они имеют для борьбы с преступностью. Каждый работник прокуратуры должен пройти известный учетно-информационный минимум. Несомненным пробелом программы юрминимума 1935 г. является отсутствие в нем этой дисциплины. Этот дефект должен быть устранен в 1936 г.

II

Анализируя недостатки в постановке учетно-информационной работы органов прокуратуры, т. Вышинский на одном из оперативных совещаний указал, что в этой работе еще не чувствуется достаточной оперативности, что совершенно недопустимым является подмена живой информации одними «голыми цифрами», точно так же, как неправильно было бы отказать от тех возможностей, которые представляет нам статистика.

Учет, статистика, информация органов прокуратуры в настоящее время, как известно, слагаются из трех элементов:

специальные донесения об отдельных наиболее характерных фактах, статистический отчет, информационный доклад.

Специальные донесения являются наиболее живой, быстрой и четкой формой информирования о нарушениях социалистической законности, они имеют громадное значение в практической работе прокуратуры. Статистический отчет является обязательной формой подытоживания работы прокурора, без чего нельзя судить о работе прокурора. Наконец, информационный доклад необходим для обобщения всей работы прокурора.

Эта система учета и информации до ее утверждения прокурором Союза обсуждалась на Всесоюзном совещании прокурорских работников, на бюро Всесоюзного совещания по уголовной статистике, на совещании, созданном в Прокуратуре Союза специально для обсуждения окончательного проекта отчетности, наконец, на оперативных совещаниях при прокуроре Союза. Одобренная всеми этими совещаниями отчетность введена с 1 июля 1935 г. В настоящее время организационный период заканчивается, и мы можем подвести уже первые итоги организации учета и информации в органах прокуратуры.

Прежде всего следует отметить, что в результате осуществления мероприятий Прокуратуры Союза несомненно достигнут известный перелом в отношении прокуроров к вопросам учета и информации. В республиканских прокуратурах, в краевых и областных прокуратурах, а также и в районных прокуратурах проработана система учета и информации, отпечатаны бланки отчетности, инструкции к ним и т. д. Поступление с мест запросов по поводу различных форм учета и информации, отдельных граф статистического отчета указывает на то, что прокуроры в ряде случаев относились серьезно и добросовестно к выполнению приказа прокурора Союза. Из ряда мест получены сообщения, что во исполнение приказа прокурора Союза в прокуратурах созданы и создаются учетно-статистические и информационные группы, которые укомплектовываются достаточно опытными работниками.

Все эти факты говорят о том, что мероприятия Прокуратуры Союза дали несомненно положительные результаты.

Однако наряду с этими некоторыми положительными сторонами в организации учетно-информационной работы прокуратуры необходимо отметить отрицательные черты, о которых необходимо сигнализировать теперь же — в решающий момент завершения организационного периода.

Прежде всего должно быть отмечено совершенно недостаточное руководство периферией со стороны республиканских и краевых (областных) прокуратур. Недостаточно спустить циркуляр, быть может, очень содержательный, и направить на места комплект форм отчетности. Местные работники перегружены практической работой, мало опытни в ведении учетно-информационной работы, у них сверх того укрепился взгляд на эту работу как на «помеху» оперативной работе. Необходимы поэтому живой инструктаж, обследования, текущая оперативная помощь в налаживании учетно-информационной работы.

Из обследования, проведенного Прокуратурой Союза, и из поступивших в центр материалов видно, что с руководством в организации учетно-информационной работы в ряде

мест обстоит совершенно неблагоприятно. Так, например, районные прокуратуры Московской обл. получили комплект циркуляров Прокуратуры Союза, Прокуратуры Республики и областной прокуратуры по вопросу учета и информации с большим запозданием, причем отсутствовали некоторые очень важные формы отчетности, без которых районный прокурор вообще ничего не мог предпринять для налаживания у себя учета. В Клинской и Солнечногорской районных прокуратурах, где был представитель Прокуратуры Союза, учет и отчетность совершенно не налажены, работники (техперсонал) малоопытные, отчетность за предыдущий период находится в совершенно хаотическом состоянии. Клинская прокуратура за текущий год не представила еще никакого отчета о своей работе, ограничиваясь отдельными донесениями. Несмотря на такое положение вещей, Московская областная прокуратура не предприняла необходимых мер для налаживания учета, для инструкторирования работников ни в этих двух районах, ни в других районах Московской обл., хотя, казалось бы, с этого следовало начать организацию учетно-информационной работы. В самой Московской областной прокуратуре создана информационная группа, но она ни в какой мере еще не руководит своей периферией.

Недостаточной пока-что следует признать работу Прокуратуры РСФСР по организации учетно-информационной работы в краевых и областных прокуратурах. Правда, Прокуратура РСФСР, создав у себя информационную группу, обеспечила, хотя и с опозданием, снабжение мест формами отчетности, но не смогла осуществить живого руководства и инструктажа по вопросам учета и информации, если и не в масштабе РСФСР, то хотя бы по отношению к близлежащим прокуратурам. Прокуратура РСФСР даже не ознакомилась с постановкой этой работы в Московской областной и городской прокуратуре.

Объяснение этому факту следует искать в том, что созданные в прокуратурах республики и краев информационно-статистические группы в силу целого ряда привходящих обстоятельств превратились — по крайней мере в некоторых местах — в своеобразные «оргинсты», на которые возложено как, например, в РСФСР, составление планов, штаты, финансы и т. д. Вряд ли такое положение вещей можно признать нормальным. Бесспорно, что от придания учетно-информационным группам «оргинстровских» функций страдает прежде всего сама учетно-информационная работа. Поэтому вопросам учета, статистики и информации в Прокуратуре РСФСР уделяется пока еще недостаточное внимание.

Прокуратура УССР, так же, как и Прокуратура РСФСР, еще не выполнив приказа прокурора Союза о введении системы отчетности, поставила вопрос об ее пересмотре.

Несколько лучше обстоит дело в Прокуратуре БССР, где проведена подготовительная работа по введению новой системы учета и отчетности, хотя и здесь дело не обошлось без значительного опоздания.

Материалы, поступившие из других республик, говорят о том, что введение новой системы отчетности тормозится отсутствием бланков отчетности недостатком работников, средств и т. д. В июле, судя по сообщениям

с мест, дело со снабжением бланками отчетности в ряде республик начало налаживаться, хотя еще нет гарантии в том, что эта отчетность усвоена теми работниками, которые должны будут ее составлять. Между тем уже началось поступление информационных и статистических материалов с мест. Ряд краев и областей уже представляют первые сводки о своей работе, но крайне слабо прививается система представления специальных донесений, на которые постановлением оперативного совещания при прокуроре Союза обращено особое внимание.

III.

Сигнализируя о целом ряде дефектов и неполадок в деле организации учета, статистики и информации в органах прокуратуры, необходимо наметить теперь же двоякого рода мероприятия: с одной стороны, мероприятия, имеющие целью обеспечение учетно-информационной работы текущего года, а с другой стороны, подготовку и организацию этой работы в будущем году.

К мероприятиям первого рода надлежит отнести следующие:

1. Повсеместная организация в прокуратурах республик, краев и областей информационно-статистических групп.

2. Освобождение информационно-статистических групп от всевозможных «оргинстропских» функций, с закреплением за ними задач исключительно информационно-отчетной работы.

3. Проведение совещаний с районными работниками по вопросам организации учетно-статистической работы, с использованием для этой цели различных совещаний районных работников.

4. Обследования хотя бы части прокуратур в связи с постановкой у них учетной работы.

Наряду с осуществлением этих организационных задач необходимо обратить особое внимание на постановку информации на местах. Должна быть окончательно разрешена задача своевременного получения из районных прокуратур специальных донесений по важнейшим нарушениям социалистической законности. Без такой специальной информации в очень значительной степени теряет свое значение статистическая отчетность, поступающая с мест. Поэтому прокуратуры республик должны обратиться, с нашей точки зрения, особое внимание на постановку информации (спецдонесений).

Делая упор на этой стороне информационной работы, нужно вместе с тем помнить, что статистика продолжает оставаться одним из слабых мест в работе прокуратуры. Поэтому необходимо повседневный инструктаж, детальные указания районным прокуратурам по вопросам составления статистической отчетности.

Таким образом в текущем году основной упор должен быть сделан, с нашей точки зрения, на налаживании представления статистических отчетов и специальных донесений. Что же касается информационных докладов, то для ряда прокуратур, как показывает опыт, представление их не встречает особых затруднений. Поэтому речь идет лишь о подтягивании отчетной дисциплины, об улучшении качества этих докладов.

Подготавливаясь к 1936 г., необходимо будет избежать тех ошибок, которые имели место в текущем году.

В проекте штатов органов прокуратуры должны быть предусмотрены учетно-информационные группы, работники которых во всех отношениях должны быть приравнены к оперативным работникам. Должно быть разработано положение об этих группах, с точным указанием задач, стоящих перед ними. Никаких «оргинстропских» функций на эти группы возлагать не следует. Должно быть обращено особое внимание на подбор кадров для учетно-информационных групп как с точки зрения политической, так и технической их подготовленности. Для этого Прокуратура Союза должна взять на персональный учет работников учетно-информационных групп. С другой стороны, в 1936 г. эти работники должны быть пропущены через месячные курсы, а в программу юрминимума для всех работников прокуратуры должен быть включен «учетно-статистический минимум». Прокуратуры республик, краев и областей должны ознакомиться на местах с постановкой учетно-статистической и информационной работы, не ограничиваясь изданием различных циркуляров. Наконец, должно быть предусмотрено премирование прокуратур, наиболее успешно ведущих учетно-информационную работу.

В текущем году снабжение бланками отчетности не было проведено в централизованном порядке, что вызвало целый ряд затруднений на практике. В 1936 г. должно быть обеспечено централизованное снабжение мест бланками отчетности.

Наконец, следует всесторонне обсудить на основе имеющегося опыта вопрос о дальнейшем упрощении и сокращении отчетности в органах прокуратуры.

Сохраняя в основном все три элемента отчетности органов прокуратуры — специальное донесение, статистический отчет и информационный доклад, следует поставить вопрос о максимальной рационализации учетно-статистической работы в органах прокуратуры.

Наконец, прокуратура должна проявить инициативу в деле осуществления единого учета преступности в статистической отчетности органов юстиции и органов НКВД.

Проведенное в 1934 г. Первое всесоюзное совещание по уголовной статистике несомненно дало весьма положительные результаты. Мы полагаем, что должно быть созвано второе совещание, на котором следовало бы обсудить следующие вопросы:

- 1) о методе изучения преступности;
- 2) о едином учете преступлений и наказаний;
- 3) о системе отчетности органов прокуратуры и суда на 1936 г.;
- 4) о согласовании основных показателей отчетности органов расследования, суда и исправительно-трудовых учреждений.

Созыв этого совещания, как мы полагаем, завершит и закрепит тот перелом в деле организации учетно-статистической и информационной работы органов юстиции, который осуществлялся в текущем году, но не дал пока еще всех тех положительных результатов, которые должны быть достигнуты на этом участке борьбы за социалистическую законность в нашей стране.

М. Ласкин,

К. Маслов,

П. Гарапов-Родионов

Московская областная прокуратура в борьбе за переходящее красное знамя

В настоящее время все работники органов юстиции в достаточной степени себе уяснили, что высококачественное расследование предопределяет и качество работы суда. Здесь уместно будет вспомнить слова т. Акулова:

«Следователи являются не менее важным звеном, чем суд и прокурор, потому что следователь на 70% определяет судебный приговор».

Высокое качество расследования может быть достигнуто лишь при условии систематической и планомерной работы по повышению квалификации прокуроров и следователей и овладения ими техникой своего дела.

Говоря на Всесоюзном совещании о необходимости проведения ряда мероприятий для улучшения качества следствия и поднятия квалификации наших следователей, т. Вышинский подчеркнул:

«Для того чтобы провести правильно следствие, мало натренироваться, набить руку. Здесь нужно овладеть наукой и техникой этого трудного и сложного дела. Набивание руки играет незначительную роль — шаблон здесь недопустим. Здесь надо овладеть искусством, надо решать стратегические задачи, как в настоящей войне. Вести следствие — все равно, что вести войну. Это требует умения, искусства».

Указания т. Сталина на XVII съезде партии о необходимости дальнейшего развертывания работы по повышению идеологической и теоретической подготовки и его исторические слова на выпуске академиков Красной армии: «техника во главе с людьми, овладевшими техникой, может и должна дать чудеса» и далее: «Вот почему упор должен быть сделан теперь на людей, на кадрах, на работниках, овладевших техникой» — в полной мере относятся к нам, работникам юстиции, и в первую очередь к нашим следственным работникам.

Московская областная прокуратура имеет довольно значительный опыт и неплохие результаты в области руководства следствием.

На страницах нашего журнала мы хотим в кратких чертах осветить ту работу, которая была проведена Московской областной прокуратурой за период объявленного Прокуратурой Республики конкурса на лучшее руководство следствием и лучшее следственное дело, т. е. за II и III кварталы с. г.

Надо здесь же напомнить, что в организованном Прокуратурой РСФСР во II квартале прошлого 1934 г. походе за улучшение качества следствия имени XVII партсъезда Московская областная прокуратура заняла первое место.

Имея, таким образом, во II квартале прошлого года некоторые достижения в области постановки руководства следствием и повышения качества следствия, Мособлпрокуратура не

остановилась на достигнутых успехах, а объявила с 1 июля 1934 г. по 1 января 1935 г. социалистическое соревнование на лучшего районного прокурора, старшего и народного следователя — ударника Московской области.

Освещая работу Мособлпрокуратуры по проведенному в этом году конкурсу, необходимо коротко остановиться на методах работы по руководству следствием, которые Прокуратурой применялись во II полугодии 1934 г., а также на некоторых итогах работы следственного аппарата.

Методы руководства следствием во II полугодии 1934 г. остались такими же, как и во II квартале, а именно:

1) Периодические плановые выезды помоблпрокурора в районы с одновременным обследованием работы народных следователей и дача им указаний по делам.

2) Вызовы следователей в облпрокуратуру с докладами по наиболее сложным, имеющим общественно-политическое значение, делам.

3) Дача письменных указаний по отдельным вопросам следствия.

4) Созыв восьмидневных конференций-курсов народных следователей, где производилась проверка всех дел, находящихся в производстве у вызывавшихся следователей, обмен опытом между следователями и учеба по определенной программе, более расширенной и углубленной, чем во II квартале 1934 г.

5) Освещение работы народных следователей в очередных номерах бюллетеня Мособлпрокуратуры и выпуск специальных номеров бюллетеня по следствию.

Во II полугодии 1934 г. Мособлпрокуратура в осуществление указаний директивных органов центр тяжести своей работы в области общего руководства следствием перенесла на учебу. Достаточно сказать, что во II полугодии было охвачено восьмью и девятидневными конференциями-курсами 129 народных следователей, т. е. почти весь состав народных следователей области.

Указанные мероприятия по руководству и инструктажу следствием в конечном итоге способствовали улучшению работы следственного аппарата области как по количественным, так и по качественным показателям.

По данным о работе 128 народных следователей, мы во II полугодии 1934 г. имели следующие основные показатели.

Из числа законченных следователями дел — 77,1% дел было направлено с обвинительным заключением и 16,2% дел было прекращено. Каждый следователь в среднем в месяц заканчивал 8,1 дел, из них 6,2 дел с обвинительным заключением.

По срокам расследования мы имели во II полугодии следующие показатели: в сроки до 10 дней было закончено расследованием дел —

44%, в сроки до 1 месяца — 83,8% и лишь 16,2% дел было закончено в сроки свыше 1 месяца.

В приказе по Прокуратуре Республики № 56 от 8 сентября 1934 г. было, отмечено, что Московская областная прокуратура не обеспечила полностью производства расследования по наиболее сложным делам следственным аппаратом.

В связи с этим указанием Мособлпрокуратура приняла меры к тому, чтобы во втором полугодии 1934 г. все следователи области переключили свое внимание на расследование ими областной подсудности, т. е. на наиболее сложные дела.

В этой области, во II полугодии 1934 г. были достигнуты значительные результаты.

Из всех дел, направленных во II полугодии в областной суд для слушания, по 77,2% дел расследование полностью велось или заканчивалось в порядке ст. 109 УПК народными следователями. Следует отметить, что по делам по закону 7 августа 1932 г. областной подсудности, расследование велось следователями по 80,1% дел.

В результате плановой, систематической работы в области следствия в течение 1934 г. Мособлпрокуратура имела неуклонную тенденцию к поднятию квалификации и улучшению работы следственного аппарата и повышения качества следствия.

С такими показателями работы Московская областная прокуратура и вступила в конкурс 1935 г. на лучшее руководство следствием и лучшее следственное дело.

15 марта с. г. специальным приказом Наркома юстиции РСФСР т. Крыленко был объявлен всероссийский и областной конкурсы на лучшее следственное дело и лучшее руководство следствием по специальным, разработанным Прокуратурой Республики программам.

Объявление всероссийского и областного конкурсов по следствию и наличие правильно построенного руководства конкурсом со стороны Прокуратуры Республики, а также большинства обл(край)прокуратур явилось по существу новым этапом в решительном подъеме следствия на высшую ступень.

Этому способствовало и то, что, если конкурс второго квартала 1934 г. явился стимулом для улучшения следствия лишь в отдельных, немногих краях и областях, то конкурс II и III кварталов 1935 г. сыграл большую роль в подъеме следствия по всей РСФСР, поскольку в конкурс на лучшее руководство следствием включились все обл(край)-прокуратуры и большинство прокуратур автономных республик; в конкурсе на лучшее следственное дело приняли участие более 75% всего наличного состава следователей РСФСР.

Надо особо отметить и широко развернувшееся внутри конкурса социалистическое соревнование как между обл(край)-прокуратурами, так и между районными прокуратурами, между народными следователями внутри областей. Положительную роль в развертывании работы по конкурсу сыграла и организация при всех край(обл)прокуратурах и при Прокуратуре Республики особого органа — методических бюро по вопросам следствия.

Оперативное же руководство следствием по конкретным делам должно было осуществляться оперативными секторами. Правильное соче-

тание работы секторов и методбюро, как это уже было доказано опытом построения этой работы в Московской облпрокуратуре в 1934 г., должно было дать и дало исключительный эффект. Разворот работы по конкурсу уже сейчас в короткий срок дал ощутительные результаты.

Если в 1934 г., Московская областная прокуратура являлась чуть ли не единственной прокуратурой, регулярно издававшей специальные следственные бюллетени, то в 1935 г., уже 22 краевые и областные прокуратуры, в том числе и несколько прокуратур автономных областей, издадут специальные следственные бюллетени, освещающие работу следователей и наблюдающих за ними прокуроров, а так же и мероприятия, направленные к улучшению этой работы.

Если в результате конкурса 1934 г., Московская облпрокуратура, заняв, как уже указано выше, первое место по постановке руководства следствием имела неплохие показатели как в части эффективности работы следователей, так и в части пропускной способности, причем все эти показатели являлись наивысшими в республике, то уже к середине конкурса 1935 г. почти все эти показатели были перекрыты некоторыми областями и краями РСФСР.

Однако и Московская облпрокуратура, не успокоившись на достигнутых результатах 1934 г., в период конкурса 1935 г. систематически проводила большую работу по дальнейшему поднятию следствия, используя при этом все ранее испытанные и оправдавшие себя методы руководства следствием, уделяя большое внимание вопросам улучшения условий работы следователей.

Вся работа Мособлпрокуратуры по руководству следствием была направлена на сторону дальнейшего повышения квалификации наличного состава следователей, а также в сторону увеличения продуктивности работы следователей.

Работа по поднятию квалификации следователей была увязана с проводимой Мособлпрокуратурой в этот же период подготовкой всех прокурорско-следственных работников к сдаче юрминимума.

В течение апреля и начала мая для всех прокурорско-следственных работников Московской области было организовано чтение по закрытым проводам цикла радиолекций, по всем основным разделам юрминимума, прочитанных научными силами высокой квалификации.

В период с конца мая до середины июля Мособлпрокуратурой было проведено шесть десятидневных конференций курсов, которыми было охвачено 67 народных следователей и 84 районных прокуроров.

Надо отметить, что в результате этого большинство следователей области оказалось пропущено в течение последнего года через конференции-курсы по три раза. Однако программы всех трех проведенных в течение года циклов конференций-курсов были построены так, что если на созывах конференций-курсов первого цикла в июне 1934 г. следователям были даны элементарные знания из области уголовного процесса и криминалистики, то на созывах второго цикла в период с ноября 1934 г. по январь 1935 г. включительно были

даны более углубленные знания из области уголовного процесса и криминалистики и в то же время установочные знания по уголовному и хозяйственному праву. Наконец, на созывах третьего цикла конференций-курсов, в мае-июне т. г., были даны уже более углубленные знания по всем дисциплинам, предусмотренным программой юрминимума, причем из общего количества 85 академических часов 14 часов было уделено уголовному процессу и 20 часов — вопросам организации, методики и техники расследования.

Со всеми следователями, которые почти на всех созывах последнего цикла конференций-курсов оставлялись на один дополнительный день учебы, проводилось по два следственных упражнения на определенные темы, а также практические занятия по составлению важнейших следственных актов постановлений о возбуждении уголовных дел, о привлечении в качестве обвиняемых, об избрании в качестве меры пресечения содержания под стражей, обвинительных заключений и т. д., что способствовало лучшему закреплению полученных на конференциях-курсах знаний.

Положительный результат такого метода повышения квалификации следователей, а также правильность постепенного усложнения программ каждого цикла конференций-курсов были отмечены в выпускавшихся стенгазетах, а также на заключительных заседаниях следователями — участниками каждого созыва конференций-курсов.

Надо отметить, что все созывы последнего цикла конференций-курсов были обеспечены вполне квалифицированными преподавательскими силами: в основном членами и руководителями кафедр Московского правового института и научными работниками ИССП Комкадемии и Института уголовной политики при Прокуратуре Союза ССР и Наркомюста РСФСР.

Следует также отметить, что лучшему закреплению знаний, полученных на конференциях-курсах, способствовало и то, что следователи вызывались на конференции-курсы со всеми находящимися в их производстве следственными делами, кроме не терпящих отлагательства, которые оставались для окончания районному прокурору, причем во время учебы производилась передача наиболее сложных дел от одного следователя другому для изучения. По окончании учебы на собраниях всех следователей заслушивались доклады следователей, изучавших дела, содоклады следователей, ведших расследование по этим делам, после чего производилось коллективное обсуждение ошибок и упущений, допущенных при ведении следствия по этим делам, а так же и плана дальнейшего расследования.

Все же остальные, привезенные следователями с собою дела, просматривались работниками методбюро, причем по каждому делу давались конкретные письменные указания, в большинстве случаев фиксируемые в специальном акте.

Этот метод инструктажа вполне себя оправдал и дал наилучшие результаты.

После каждого созыва конференций-курсов со всеми участниками проводилось кустовое совещание специально по вопросам улучшения работы по следствию, где заострялось внимание всех прокуроров и следователей на необ-

ходимости решительного улучшения как качества следствия, так и продуктивности работы следователей и других органов расследования.

В результате этого прокуроры и следователи, участники отдельных созывов конференций-курсов принимали на себя ряд конкретных обязательств по улучшению работы по следствию, вызывая на социалистическое соревнование прокуроров и следователей других районов.

Наряду со всем этим Мособлпрокуратурой практиковались и иные методы работы по поднятию следствия.

В течение 1935 года так же как и в прошлом году, почти у всех следователей, а у многих и по два-три раза, производились проверки всех дел, находящихся у них в производстве с дачей по каждому делу конкретных указаний. Эти проверки обычно производились работниками методбюро и оперативных секторов при выездах на место. Однако в некоторых случаях для такой проверки отдельные следователи вызывались в облпрокуратуру со всеми находящимися в их производстве делами.

Наряду с этим методбюро с целью оказания большей помощи наиболее отстающим следователям, начиная с этого года, стало практиковать выезды достаточно квалифицированных работников методбюро на 3—5 дней в районы к наиболее нуждающимся в помощи следователям. Во время таких выездов не только производилась проверка всех дел, находящихся в производстве следователя, но одновременно производилось глубокое обследование и изучение его работы.

На этой основе тут же осуществлялся необходимый инструктаж следователя, увязанный с его практической работой. Например: совместно с ним разрабатывались планы расследования по отдельным делам, составлялись необходимые постановления, обвинительные заключения, производились экспертизы, допросы и т. д.

Надо сказать, что и этот метод работы со следователями полностью себя оправдал и был рекомендован Прокуратурой Республики всем край(обл)прокуратурам.

Вполне естественно, что при правильной постановке работы оперативное руководство расследованием конкретных дел должно полностью осуществляться оперативными секторами, причем от качества этого руководства, от качества установок, даваемых следователю по конкретным делам, во многом зависит успешность работы по поднятию следствия.

Надо отметить, что бригада из работников Западной облпрокуратуры, обследовавшая в сентябре с. г. в порядке взаимопроверки работу Мособлпрокуратуры по следствию, констатировала, что «оперативные сектора не плохо руководят следствием, давая конкретные указания нарследователям, по следственным делам, причем указания эти по делам даются исчерпывающие».

Так же как новый метод руководства следствием, уже за короткий срок всецело себя оправдавший и нашелший подражание по целому ряду краев и областей, во II и III кварталах с. г., Мособлпрокуратурой практиковалось проведение радиоперекличек по закрытым проходам по двусторонней связи.

Надо ли особо останавливаться на безусловной эффективности такого метода руководства ранее уже применявшегося Прокуратурой Союза ССР. Достаточно сказать, что благодаря этому была создана возможность давать необходимые установки сразу всем райпрокурорам и народным следователям, находящимся у себя в районах, в радиостудиях, разговаривать с любым из 131 районов, заслушивать информацию отдельных райпрокуроров и следователей, причем все это — и разговоры и информацию — в то же время слушали все прокурорско-следственные работники области.

Таких радиоперекличек за время конкурса Мособлпрокуратурой было проведено три: 25 апреля, 25 июля и 5 сентября с. г., причем, если в результате первой радиопереклички имело место почти стопроцентное включение следователей в конкурс, то в результате второй и третьей радиоперекличек имел место значительный рост продуктивности и улучшения качества работы следователей. Не меньшую роль в поднятии следствия сыграли и издаваемые Мособлпрокуратурой специальные печатные материалы по вопросам следствия: «За высокое качество следствия».

Еще в прошлом году Мособлпрокуратура регулярно издавала свои внутренние бюллетени, дававшие прокурорско-следственным работникам установки по всем важнейшим вопросам работы и в то же время являющиеся одним из лучших способов организации между районами — обмена опытом.

В настоящем году, в период конкурса, т. е. за шесть месяцев, Мособлпрокуратурой было издано шесть выпусков материалов специально по вопросам следствия, из них пять выпусков было отпечатано в типографии.

Если первый и второй выпуск материалов «За высокое качество следствия» преследовали задачу шире популяризовать конкурс, хотя наряду с этими материалами и в этих выпусках был помещен ряд статей, обобщающих и показывающих наиболее часто допускаемые следователями в процессе расследования ошибки, то, начиная с третьего (второго печатного) выпуска в каждом последующем выпуске в целом ряде статей затрагивались наиболее важные вопросы следствия.

Начиная с этого же выпуска к сотрудничеству в выпускаемых материалах «За высокое качество следствия» были привлечены сами народные следователи, в связи с чем был введен специальный раздел «Следователи о своей работе».

Надо констатировать, что с самого начала следователи стали писать в своих статьях вообще о своей работе или в лучшем случае о количественных показателях. Однако в результате правильной ориентировки следователей на вопросы качества следствия, характер статей резко изменился и следователи, делясь своим опытом по расследованию конкретных дел, стали ставить актуальнейшие вопросы следствия.

Помещая эти статьи в очередных выпусках «За высокое качество следствия», методбюро Мособлпрокуратуры после каждой статьи помещало от себя добавление, в котором разрешались поставленные статьей вопросы, давались определенные указания по вопросам методики и техники расследования, отмечались положительные и отрицательные моменты рас-

следования описываемых в статьях дел, ставились перед следователями — авторами статей — определенные задачи и т. д.

В результате давания методбюро стали по существу нечем иным, как краткими методическими письмами по определенным вопросам, иллюстрируемые приведенными в статьях казусами.

Наряду с этим в отдельных выпусках материалов «За высокое качество следствия» помещались специальные развернутые: теоретически обоснованные и богато иллюстрированные примерами методические письма по отдельным вопросам следствия, например, «Возбуждение уголовного дела».

Еще в июне 1934 г. Мособлпрокуратура с целью концентрации методических материалов и облегчения пользования ими выпустила специальный методический бюллетень, поместив в нем ряд методических писем: 1) организация и проведение открытого следствия, 2) постановка бухгалтерской и технической экспертизы в процессе предварительного расследования, 3) положение о судебно-медицинской экспертизе.

Этот бюллетень встретил самый лучший отклик со стороны следователей и получил высокую оценку со стороны Прокуратуры Республики.

Продолжая свой опыт, Мособлпрокуратура в III квартале с. г. также издала специальный методический пятый выпуск своих материалов «За высокое качество следствия», поместив в нем пять развернутых методических писем на следующие темы:

1) экспертиза рукописей, 2) осмотр трупа и места его нахождения, 3) вопросы квалификации дел о растратах, 4) методика расследования дел о хищениях, растратах, 5) методика расследования дел о выработке и выпуске недоброкачественной продукции.

Подобные специальные выпуски методических материалов являются уже постоянным пособием для следователей.

Надо так же указать, что в последних выпусках материалов «За высокое качество следствия» помещались сведения о количественных показателях работы каждого следователя, а так же и все застенографированные материалы радиоперекличек. Все это способствовало оживлению социалистического соревнования между следователями и резко повышению продуктивности их работы.

Ценность проведенной в этом направлении работы нашла свое отражение в оценках, данных с мест. Например, прокурор Звенигородского района т. Захаров, недавно премированный прокурором Республики т. Антоновым-Овсеенко, за хорошую постановку работы, в своем докладе о работе по конкурсу на лучшее руководство следствием указал: «методбюро оказало очень большую помощь по конкурсу; издаваемые им материалы «За высокое качество следствия» и присылаемые ежемесячные сводки о работе следователей, о ходе конкурса подтягивали в работе как следователя, так и прокурора. Особо же ценно то, что в печатных материалах «За высокое качество следствия» давался хороший инструктивный материал». Также значительно способствовало развешиванию соревнования, увеличению продуктивности работы, повышению чувства ответственности следователей за свою работу и

организованному обмену опытом проведенная Мосооблпрокуратурой в августе—сентябре с. г. поголовная взаимопроверка следователями друг друга с составлением при этом акта по заранее разработанной форме не стесняющей, однако, инициативы следователей.

Главное, также, как на новый метод руководства следствием и оказании помощи наиболее слабым следователям, надо указать на практикуемые методикою Мосооблпрокуратурой командировки наиболее квалифицированных следователей на 3—4 дня в районы к наиболее слабым следователям для оказания им конкретной помощи и повышения их квалификации. Однако этот также оправдывающий себя метод руководства стал возможным лишь теперь, когда в результате всей предыдущей работы детально изучен каждый следственный работник области.

Проводя большую работу по повышению квалификации следователей, по улучшению руководства следствием, Мосооблпрокуратура, в то же время уделила должное внимание и вопросам создания наилучших условий работы для следователей, добившись и на этом участке значительных результатов, чему во многом способствовала помощь, оказанная московскими областными организациями.

В 1935 г. все следователи и прокуроры бесплатно получили обмундирование, почти все помещения райпрокуратур были отремонтированы, приведены в культурный вид, надлежащим образом обставлены. Все следователи снабжаются велосипедами, причем в течение II и III кварталов велосипеды уже получили 92 следователя. Наряду с этим в 45 райпрокуратурах имеются свои лошади. Все следователи также за счет Мосооблпрокуратуры снабжены необходимейшими техническими приборами (лупа, рулетка, резиновые перчатки, электрический фонарь), а также и всеми необходимыми следственными бланками. При всех райпрокуратурах созданы юридические библиотечки, которые периодически пополняются особенно всей выходящей литературой по вопросам следствия.

25 следователей снабжены фотоаппаратами.

Из 131 106 следователей имеют отдельные служебные кабинеты, в большинстве вполне удовлетворительные. Также не плохие подавляющему большинству следователей созданы и бытовые условия.

Все это вместе взятое, вся та большая работа, которая была проведена в области улучшения руководства следствием и поднятием качества работы следователей за полтора года после Первого всесоюзного совещания работников суда и прокуратуры и особенно в текущем году, не могла не дать и дала значительный эффект.

Прежде всего в результате большой работы, проведенной со следователями, Мосооблпрокуратура детально изучила каждого следователя, все его слабые стороны. Этому во многом способствовали заведенные по инициативе руководителя центрального методического бюро Прокуратуры Республики т. Левентона рабочие дела на каждого следователя. В результате правильной постановки подбора материалов в рабочие дела они явились по существу наилучшей формой качественного учета работы следователей. Разработанная же Мосооблпрокуратурой специальная вкладка в рабочее дело дает полное отражение условий работы следователей и степени их подготовленности.

Продуктивность работы следователей значительно повысилась:

Если во II квартале с. г. следователями было закончено с обвинительным заключением 77% всех дел, то в июле уже 83%, а в августе 87%.

Соответственно снизился процент прекращенных дел с 15 до 6,7.

Значительно возрос показатель окончания следователем дел с обвинительным заключением, достигнув в среднем по области в июле 9,85, а в августе 10,85 дел, в то время, как в 1934 г. следователи заканчивали 6,3 дел с обвинительным заключением в месяц. Наряду с этим значительно возросло качество расследования и внешнего оформления, о чем свидетельствуют более ста выдвинутых следователями дел на конкурс.

Также значительно улучшилось руководство следствием со стороны райпрокуроров.

О большом политическом значении проведенного конкурса свидетельствует также и специальное постановление, вынесенное Мосообл исполкомом, в связи с конкурсом, а также и постановления, вынесенные целым рядом райисполкомов Московской области, оказавших в то же время реальную помощь райпрокуратурам в дальнейшем улучшении условий работы.

Закончив работу по конкурсу, Мосооблпрокуратура поставила своей задачей и в дальнейшем не ослаблять руководства следствием, добиваясь высокой культуры в работе.

Накопленный за это время опыт должен послужить стимулом к дальнейшему повышению качества расследования.

Лишь при условии исключительного внимания к вопросам следствия со стороны всех прокуратур союзных республик смогут быть разрешены важнейшие задачи, поставленные Первым всесоюзным совещанием судебно-прокурорских работников.

Прокуратура и суд в борьбе за животноводство

Прокуратурой Союза было разослано прокуратурам союзных республик и прокурорам ряда краев и областей письмо о том, что Прокуратура Союза намечает созыв совещания по вопросам борьбы органов прокуратуры с преступностью в области животноводства, на которое будут вызваны прокуроры, выделенные для работы по животноводству, в соответствии с директивой прокурора Союза 23 августа 1934 г. Указанным прокурорам было предложено представить в Прокуратуру Союза свои доклады.

В настоящее время уже получены доклады ряда прокуратур. Изучение этих докладов и материалы обследования сельскохозяйственным отделом Прокуратуры Союза работы по борьбе за животноводство прокуратур—Азово-Черноморского, Северокавказского и Западно-Сибирского краев—позволяют сделать некоторые выводы.

В республиканских, краевых и областных прокуратурах в соответствии с указаниями Прокуратуры Союза выделены специальные прокуроры, и составлены планы работ по животноводству.

В целом ряде краев и областей (Восточная Сибирь, Курск, Оренбург, Московская обл. и др.) были проведены областные совещания работников прокуратуры по вопросам животноводства, проведен ряд совещаний с земельными органами, развернута в ряде районов, краев и областей массовая разъяснительная работа и развита работа актива. Так, в Московской обл. в 1934 г. были проведены 63 районных съезда актива прокуратуры по вопросам животноводства, и силами актива были расследованы 144 дела о преступлениях в области животноводства. В Межевском р-не Днепропетровской обл. группа содействия и секция ревзаконности обследовали 45 ИТФ и СТР и дали прокурору 100 сигналов по животноводству. По Синельниковскому р-ну группа содействия дала 104 сигнала и т. д.

В некоторых областях, в частности Днепропетровской, проведена значительная работа по инструктажу товарищеских судов при совхозах и МТС и сельсудов по вопросам животноводства, что способствовало оживлению работы этих судов. В Днепропетровской обл. за 1934 г. сельсуды рассмотрели свыше 600 дел, связанных с нарушениями в области животноводства. Но, несмотря на эти небольшие достижения, в работе органов прокуратуры по борьбе за животноводство имеет место целый ряд существенных недостатков, а именно:

специально выделенные прокуроры в республиканских, краевых и областных прокуратурах по животноводству и райпрокуроры строят свою работу до сих пор самотеком.

Дела возбуждают дирекции совхозов, управления колхозов и представители разных ведомств. Число дел, возбужденных самими прокурорами, весьма незначительно. Так, из 224 уголовных дел по животноводству, изученных прокуратурой Восточносибирского края, по инициативе прокуратуры было возбуждено только одно дело. Такая же картина имеет

место и в ряде других областей, и только в Московской обл. 28% дел по животноводству возбуждено органами прокуратуры.

В результате бесплановости в работе, отсутствия деловой связи с земельными организациями, политотделами совхозов, животноводческими секциями советов, отсутствия работоспособного актива прокуроры не знают действительного состояния животноводства в крае, области, районе и лишены возможности организованно направлять удары по действительно больным местам.

Между тем, как уже сказано, инициатива в возбуждении дел целиком остается за представителями хозяйственных организаций и исполкомов, причем некоторые из этих работников вместо организационно-массовой работы скатываются на рельсы командования и администрирования, привлекая «направо» и «налево» к уголовной ответственности.

Точного учета дел по животноводству в краях и областях нет, но и те неполные сведения, которые сообщают прокуроры в своих докладах, говорят о массовости репрессий по этому роду делам. Рекорд в этом отношении побил Курская обл., где по животноводству осуждено за III квартал 1934 г. 546 чел., за IV квартал 1934 г.—1912 чел., а за I квартал 1935 г.—1292 чел.; в Западной обл. по 64 районам осуждено 1365 чел.; в Московской обл.—1613 чел., в Киевской обл. за 1934 г.—1654, а за I квартал 1935 г.—1149 чел.

Несмотря на огромное количество осужденных, действительной и должной борьбы с преступлениями в области животноводства судебные органы не ведут, что объясняется слабыми мерами наказания, неумением мобилизовать общественное мнение и волокитой в органах расследования и суда.

Это подтверждается следующими данными: в Западной обл. из числа осужденных по делам животноводства около 80% осуждено к и.-т. работам, в Курской обл.—около 30% к и.-т. работам, на Украине к и.-т. работам приговорено около 70%, по РСФСР — 73%. В Черепановском р-не Западной Сибири все, осужденные в 1934 г. приговорены к и.-т. работам. В огромном количестве дел, как правило, применяется 6 месяцев и.-т. работ. (Необходимо отметить, что характер репрессии по делам животноводства не в малой мере предопределяется ст. 79^а УК РСФСР, и Прокуратурой Союза внесен в СНК Союза законопроект о соответствующем изменении ст. 79^а.) Немалое значение играет и недооценка рядом судебно-прокурорских работников вопросов животноводства, ибо только этим можно объяснить приводимые ниже приговоры.

Председатель колхоза им. Ленина Западной обл. Воронин ликвидировал скотоводческую ферму, разбазарил 33 коровы, 9 телят, 35 голов молодняка, 40 овец, в течение года у него пали 22 лошади и 2 жеребенка, кроме того утонули 5 лошадей, 4 телки, 7 коров, 3 свиньи и 54 поросят. Нарсуд приговорил Воронина к одному году и.-т. работ, причем эту меру наказания требовал и участвовавший в процес-

се райпрокурор. Конюх Дубина был осужден к 2 месяцам и.т. работ за то, что во время перевозки дров, когда лошадь оставалась, зажег тряпку и положил ее лошади под хвост. В колхозе «Память Ильича» Западной Сибири 3 колхозника поехали на лошадях за сеном, на обратном пути одна из лошадей от непосильной клажи стала, колхозники положили ей под хвост пучок сена и зажгли его, — осуждены к 6 месяцам и.т. работ каждый. На аналогичные примеры в Московской обл. прокуратура и суд реагировали по-другому; в Луховицком р-не, в Колянском колхозе кладовщик колхоза б. твердзаданец Демидов поехал на колхозной лошади, по пути избил ее, а когда она измученная стала, Демидов палкой через задний проход пробил ей брюшную часть. Демидов был осужден по закону 7 августа к 10 годам лишения свободы.

В отдельных районах имеет место искажение судебной политики по делам о животноводстве. Так, в Горьковском крае из всех осужденных по делам по животноводству кулаки составляют только 5,8% приговоренных к 10 годам лишения свободы, а к и.т. работам и другим наказаниям, не связанным с лишением свободы, 66,6%; по Северному краю осужденных за I квартал 1935 г. из 7 кулаков к лишению свободы приговорен только 1, а 6 — к иным мерам наказания.

Огромное количество приговоренных к мягким мерам наказания говорит о том, что в нарсуды попадают дела о мелких упущениях колхозников, главным образом должностных лиц колхозов, которые правильно было бы разрешать в порядке устава с.х. артели.

Привлекаются к ответственности, главным образом, бригадиры и рядовые колхозники.

Дела, возбуждаемые в порядке самотека разными ведомствами, попадают, как правило, в органы милиции, а оттуда нередко минуя прокурора, прямо в суд. В Западной обл. подавляющее большинство рассмотренных дел было возбуждено непосредственно органами милиции, без санкции прокурора. В Киевской обл. в 1934 г. из общего количества 1654 дел по животноводству 1010 дел, или 97,4% было рассмотрено милицией.

Так как надзор прокуратуры за расследуемыми милицией делами явно недостаточен, то в суды попадает огромное количество мелких дел, а по ряду дел, имеющих большое общественное и хозяйственное значение качество расследования так низко, что суды вынуждены или прекращать дело, или направлять его на дополнительное расследование.

Говоря о массовости репрессий по борьбе с преступностью в области животноводства, нельзя не отметить, что в ряде областей при наличии огромного количества осужденных имеет место целый ряд вопиющих фактов безобразного отношения к скоту, остающихся вне поля зрения суда и прокуратуры. Так, в Западносибирском, Азово-Черноморском и Северокавказском краях при наличии большого количества абортирования жеребых конематок, несмотря на прямое указание об этом июльского пленума ЦК ВКП(б) о животноводстве и директивы Прокуратуры Союза ССР, должной борьбы с этим не велось.

К числу существенных недочетов в работе прокуратуры по борьбе за животноводство не-

обходимо отнести и незнание рядом прокуратур, краев и областей важнейших видов преступности в области животноводства.

Это приводит к тому, что борьба за животноводство сводится в основном только к борьбе с хищнической эксплуатацией лошадей и хищением скота.

Это положение подтверждается как материалами обследования Прокуратурой Союза прокуратур Азово-Черноморского, Северокавказского и Западносибирского краев, так и имеющимися докладами краевых и областных прокуратур.

В результате этого целый ряд преступлений в области животноводства (преступно-небрежный уход за скотом, разбазаривание скотоводческих ферм колхозов, срыв заготовки кормов, необеспеченность скота помещением, нарушение законов о льготах, предоставленных колхозам и колхозникам в области животноводства, нарушение ветеринарно-санитарных прав — остались вне поля зрения органов суда и прокуратуры.

В ряде областей имеют место некоторые достижения в смысле ускорения прохождения в органах расследования и суда дел по животноводству, так в Харьковской обл. из 386 переданных в I квартале в суд дел по животноводству находились в стадии расследования: до 10 дней 244 дел — 63%, от 10 дней до 1 месяца 116 дел — 30%, свыше 1 месяца 26 дел — 7%, то в целом ряде краев и областей по этим делам поставлено явно неудовлетворительно. Так, в Харьковской обл. из 123 уголовных дел, направленных в областную прокуратуру, санкцию на предание суду получили только 74 дела, на дополнительное расследование было направлено 16 дел, прекращено 7 дел, направлено для разрешения в дисциплинарном и партийном порядке 12 дел, передано в сельсуды 14 дел, переквалифицировано 31 дело. В Киевской обл. направлено в суды 64,8% дел, прекращено 29,3% дел и возвращено к доследованию 5,1%.

Большой процент прекращенных и оправданных дел в прокуратуре и судах говорит о безответственном отношении лиц, ведущих следствие, к политике предания суду, в результате чего получается неосновательное держание трудящихся.

Особенно неудовлетворительно поставлена документация следствия по делам о самоабортации кобыл. Из рассмотренных Киевской областной прокуратурой 235 дел только по 59 делам имеются заключения ветеринаров о причинах самоабортации, из них 40 заключений ветврачей, одно заключение ветфельдшера и 18 — ветсанитаров. Во всех остальных случаях имеются только акты правлений колхозов, констатирующие случаи абортов и ничего не говорящие о причинах, вызвавших абортирование.

Органы прокуратуры обыкновенно в защиту такого недопустимого положения со следствием ссылаются на слабую квалификацию органов милиции. Но эта ссылка неубедительна, основная причина это — отсутствие систематического надзора за органами расследования со стороны прокуратуры.

Участие прокуратуры в работе суда по этим делам также недостаточно. Прокурор, как правило, после того, как он направил дело в суд, считает свою миссию законченной, а како-

судьба направленного им в суд дела его не интересует.

Проверка сельхозотделом прокуратуры Союза ССР 235 уголовных дел по животноводству, рассмотренных нарсудами Северокавказского края, показала, что в срок до 10 дней нарсудами рассмотрено лишь 52 дела, 65 дел были рассмотрены в срок свыше месяца. В Карачаевской обл. из 24 дел до 10 дней рассмотрены были лишь 3 дела, 19 дел были рассмотрены в срок свыше одного месяца. Из 225 дел 145 дел находились в органах расследования и судах свыше одного месяца.

В Азово-Черноморском, Северокавказском, Западносибирских краях и ряде других краев и областей участие прокуроров в работе кассколлегии край(обл)судов весьма незначительно, а так как качественная работа кассколлегии не всегда на должной высоте, целый ряд явно неправильных приговоров нарсудов не получают необходимого исправления. Как показал просмотр сельхозхозяйственным сектором Прокуратуры Союза ряда уголовных дел нарсудов, кассколлегии не только не вносят необходимых исправлений в карательную политику нарсудов, а наоборот, нередко сами вносят неразбериху и путаницу. Из просмотренных дел обращают внимание на необоснованность снижения репрессии следующие дела: животновод колхоза «Нахарь» Овчинников был осужден нарсудом Барнаульского р-на к 2 годам лишения свободы за то, что допустил заболевание половины лошадей колхоза, не лечил их, две свиноматки абортировали; получая муку для корма лошадей, он рассыпал эту муку по траве, посыпал солью, полагая таким образом кормить лошадей. Крайсуд снизил ему наказание до 6 месяцев и.т. работ. Работники колхоза им. «Красной армии» Пушкин и др. не обеспечили скот помещением, в результате чего часть телят погибла: из 13 жеребых конематок 11 абортировало, пало 54 поросенка и т. д. Пушкин был приговорен к 4 годам лишения свободы, кассколлегии снизила ему наказание до 1 года и.т. работ.

Колхозник Дьяченко колхоза им. Красина Северокавказского края, поехав за сеном на прикрепленных к нему паре волов, по пути избивал их и одному волу открутил хвост. Нарсуд приговорил Дьяченко к 6 месяцам и.т. работ, кассинстанция крайсуда приговор отменила и дело производством прекратила за недоказанность побоев, между тем в деле есть справка ветврача, что хвоста у вола нет, кроме того в деле имеется показание свидетельницы Ляховой, которая ездила с Дьяченко за сеном.

К числу важнейших преступлений, приносящих огромный ущерб животноводству, необходимо отнести:

а) Хищническую эксплуатацию коней; необходимо обратить внимание на абортирование

жеребых конематок: по Западной Сибири зарегистрировано 24 000 абортов конематок, по Донецкой области — 5000 абортов и т. д.

б) В результате преступно-небрежного ухода за скотом, необеспечения его кормами имеет место массовая гибель скота, например, по Ростовскому свиноводству из общего количества поголовья свиней в 101 935 за 1934 г. пало и забито 57 476, т. е. 50%, в Овцесовхозе № 8 за 1933 г. и I квартал 1934 г. прирезано и похищено 30 883 овец. Падеж по совхозам Овцеводства Оренбургской обл. за 1934 г. 46% к общему поголовью (пало 82 700 овец).

в) Разбазаривание скота на животноводческих фермах колхозов; так, по Азово-Черноморскому краю при неукomплектованности животноводческих ферм по молочным фермам продано 11 322 головы и забито для потребления колхоза 12 740 голов, а всего 26 768. По овцеводческим фермам продано 33 326, забито для потребления колхоза 51 797, а всего 85 133 голов. В Западной Сибири: продано и зарегистрировано для продажи крупного рогатого скота 48 112 голов, свиней — 66 359 и овец — 64 076.

г) В отдельных районах (Грузия, Казакстан, Черкессия, Карачай) имеет место массовое хищение скота.

д) В отдельных областях (Москoвская, Западная обл., Казакстан, БССР и др.) имеет место массовый убой молодняка. В Карачаевском р-не из родившихся в 1934 г. 7797 телят сохрaнено лишь 3599, т. е. 50% и т. д.

е) В отдельных местах грубо нарушаются ветеринарно-зоотехнические правила. Необходимо также отметить, что в ряде районов ветеринарная помощь организована слабо: так, в Оренбургской обл. имеется всего лишь 29 ветврачей для обслуживания совхозного сектора; в 24 совхозах нет ни одного ветврача. Постановление июльского пленума ЦК ВКП(б) о возврате ветлечебниц, используемых не по назначению, выполняется слабо.

ж) Грубо нарушаются материально-бытовые условия рабочих в совхозах (невыплата зарплат, антисанитарное состояние жилищ).

з) Нарушаются решения партии и правительства о предоставлении колхозам и колхозникам льгот, направленных на стимулирование развития животноводства. Прокуратурой Союза даны указания об усиленном надзоре за проведением в жизнь законов об освобождении от зернопоставок части посевов колхозов, имеющих животноводческие фермы, о предоставлении льгот по мясopоставкам колхозникам, колхозно-животноводческие фермы которых выполняют планы по мясopоставкам, и др.

На борьбу с этими видами преступности в области животноводства необходимо мобилизовать внимание органов суда и прокуратуры.

Хулиганство

Если просмотреть списки дел, рассматриваемых ежедневно в московских народных судах и в кассационной коллегии городского суда, то невольно обратишь внимание на то, что ч. 2 ст. 74 УК повторяется в этих списках довольно часто и успешно конкурирует за последнее время со ст.ст. 109 и 111 УК.

Это признак той ожесточенной борьбы, которая в настоящее время ведется в нашей столице с хулиганством.

Нечего доказывать, что хулиганство — это ужасное зло и что с ним нужна беспощадная борьба. Самую суровую репрессию за хулиганство можно только приветствовать.

Но чем эта репрессия суровей, чем тяжелее кара, установленная за хулиганство тем осторожнее и внимательнее надо относиться к тому, чтобы она не обрушилась на лиц, невиновных вообще, или хотя и виновных, но в совершении другого уголовного проступка, не требующего применения таких мер воздействия, которые установлены именно за хулиганство.

Что такое собственно говоря хулиганство? Наш закон определяет это понятие так: «озорные, сопряженные с явным неуважением к обществу действия». Это определение, а также местонахождение ст. 74 в главе «Иные преступления против порядка управления», показывают, что хулиганство — это прежде всего преступление против общественного порядка. Но ведь жертвою-то хулиганства бывают отдельные люди, «потерпевшие», которые являются неотъемлемой принадлежностью каждого судебного дела о хулиганстве. Ведь одновременно совершается и преступление против личности, предусмотренное ст.ст. 143, 146, 159 или другими статьями УК.

Когда же применять тот или другой закон? Какая разница между хулиганством и преступлением против личности?

Разница довольно ощутимая. В преступлениях против личности злая воля преступника направлена против определенного лица вследствие известных поводов, которые, по мнению преступника, ему подал потерпевший. Здесь налицо должны быть конкретные мотивы, и преступник, посягнувший на данного потерпевшего, в этот же момент совершенно безопасен для других граждан.

В преступлениях хулиганского порядка дело обстоит совсем не так. Жертва хулигана случайна. Он с нею большею частью раньше не имел ничего общего, она не подала никакого серьезного повода для оскорбления или насилия. Сплошь и рядом хулиган не знает своей жертвы. Она попала ему на глаза, она подвернулась ему под руку, и этого хулигану достаточно, чтобы обидеть, оскорбить, причинить боль, испортить платье и т. п. Хулиган легко перебрасывается с одной жертвы на другую.

В этом-то и заключается величайшее социальное зло хулиганство, в этом его огромная социальная опасность. Жертвою хулигана можно сделаться без всякой вины, без всякой неосторожности, даже без всякого повода. Хулиган угрожает всем и каждому. Хулиган —

нетерпимый член социалистического общества и безусловно нуждается в длительном и серьезном воздействии.

Поэтому наше законодательство предусматривает усиленную репрессию за хулиганство. В то время как мера социальной защиты за умышленное легкое телесное повреждение, за побои, за оскорбление действием, установлена в основном в виде исправительно-трудовых работ и даже штрафа, хулиганство влечет за собой лишение свободы и, как правило, суды применяют по ч. 2 ст. 74 УК лишение свободы от полугода до 3 лет.

Такой приговор имеет и косвенные последствия: возвращение в столицу, где у осужденного часто имеется жилплощадь и семья, является для него закрытым надолго.

Против этого ничего не возразишь, если бы фактически эта репрессия всегда падала бы действительно на хулиганов.

К сожалению, милиция, которой в первую очередь приходится сталкиваться с делами о хулиганстве, которая ведет дознания по этим делам и направляет их в суды, толкует хулиганство по-своему, руководствуясь «внешними признаками». Прокуратура, перегруженная работой, утверждает обвинительные заключения милиции без изменения, а суды, воодушевленные желанием сократить и прекратить хулиганство, выносят приговоры, далеко не соответствующие ни духу закона, ни общественно-революционной целесообразности.

Короче говоря, закон о хулиганстве довольно часто применяется некстати и причиняет немало горя случайно, «влипшим» в хулиганское дело.

Примеры будут живые, взятые из практики.

В милицию является гражданин со следами побоев и заявляет, что его избил трое молодых людей, из которых двое живут в одном дворе с ним. Избит он, по его заявлению, из мести за то, что он на одного из этих молодых людей подал жалобу в товарищеский суд по поводу якобы украденных из общего сарая принадлежащих ему нескольких досок. Обоих соседей-обидчиков приводят в милицию. Они отрицают свою вину, ссылаясь на то, что избил потерпевшего третий молодой человек, их гость, и притом не за доски, а за то, что потерпевший изругал его, и первый нанес ему удар. Гости объявляют находящимся в розыске, и принимая во внимание категорическое заявление потерпевшего, что его били все трое, обоих молодых людей берут под стражу и предъявляют им обвинение по ч. 2 ст. 74 УК. В день составления обвинительного заключения оно утверждается прокуратурой. В тот же день обвиняемых судят и приговаривают к полугоду годам лишения свободы каждого.

По жалобе осужденных горсуд отменяет приговор, освобождает из-под стражи заключенных и передает дело на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия, предлагая разыскать третьего обвиняемого. Его находят без труда, так как он и не собирался скрываться. Он признает себя виновным в том, что избил потерпевшего, избил за

то, что тот без всякого основания изругал и ударил его. Новый обвиняемый показал, что он бил один. Его взяли под стражу, и все же опять привлекли всех трех молодых людей по ч. 2 ст. 74 УК. Дело попадает в другой суд, который относится к нему не столь поспешно, и более внимательно. Устанавливается, что действительно виновен только один, и притом драку начал потерпевший, который оказывается сам изрядный драчун и склочник. Подсудимый судится в первый раз. Все, не исключив потерпевшего, дают ему хорошую аттестацию. Первые два обвиняемых оправданы, а третий по ст. 143 УК приговорен к принудительным работам.

Дело окончилось благополучно. Приговор правильный. Но сколько времени, труда и средств ушло на это дело? Сколько горя набрались честные рабочие семьи трех обвиняемых и сами обвиняемые, прежде чем получился этот результат? А все потому, что с самого начала дело было неправильно заведено милицией при явном попустительстве прокуратуры.

Второй пример. Трое молодых людей пришли в кино. Их места оказались занятыми. Пришедшие попросили их освободить. Сидевшие на чужих местах, не предъявляя своих билетов, потребовали от пришедших показать билеты. Те показали, Захватчики с неудовольствием пересаживаются на соседние места (опять не на свои), после чего продолжают пререкаться с законными владельцами мест. Сеанс кончается. Те и другие выходят. К владельцам билетов присоединяется их товарищ. Одна группа идет впереди, другая сзади. Через некоторое время драка, которую застает милиция. Задержаны двое: один, присоединившийся в компании после выхода из кино, и один из занявших чужие места. У последнего на голове ссадина. Первый заявляет, что сначала его ударили палкой по плечу, а потом уже стал драться с юн. Его заключают под стражу. Разыскиваются остальные участники. Товарищ ушибленного заявляет, что он ничего не видел. Его один раз ударили, и он убежал. Товарищи другого заявляют, что действительно удар палкой по плечу нанес первым ушибленный. Посторонних свидетелей вообще нет. Милиционер, задержавший обоих молодых людей, драки не видел.

Задержанный со ссадиной превращен в потерпевшего. Задержанный без ссадины и его товарищ в обвиняемых по ч. 2 ст. 74 УК. Оба обвиняемые никогда не судились. Оба имеют прекрасные отзывы с производства и из домоуправлений своих квартир, в которых они живут со дня своего рождения. Одному из них 17 лет.

Приговор? Старшему — 3 года лишения свободы, младшему — 2 года.

Но где же здесь хулиганство? Где озорные действия, угрожающие общественному порядку, всем и каждому? Что в этом деле доказано? Впрочем, городской суд перекалвалифицировал обвинение на ст. 146 УК (нанесение побоев) и снизил меру социальной защиты до 6 месяцев принудительных работ по месту работы одному и до 3 месяцев другому.

Но почему не были привлечены все молодые люди, а участвующие в драке лица разбиты на преступников и потерпевших? Этот «производственный секрет» милиции раскры-

вается следующим образом: во-первых, по судебному делу должны быть свидетели, а во-вторых, у одного из задержанных оказалась ссадина на голове.

Эти ссадины имеют роковое значение для таких дел. Казалось бы, дело вовсе не в ссадине. Отбиваясь от посягательства на мою личность или невольно реагируя на удар или оскорбление (от этого иногда трудно удержаться и культурному сдержанному человеку), я могу оставить «след» на своем противнике. Горе тогда мне, если у меня не окажется такого же! Уж наверняка хулиган окажется потерпевшим, а я хулиганом.

Невольно вспоминается очень смешной и остроумный рассказ О'Генри «Дронг».

Желая наказать судью, неправильно осудившего его по таким «внешним признакам», герой рассказа, застав этого судью в своем родном городе на пустыре вблизи своего дома, поносит ошеломленного судью самыми позорными словами и на его глазах сам причиняет себе камнем на лице несколько ранений. А затем он тащит судью в местный суд и обвиняет его в нанесении оскорблений и телесных повреждений. Улики налицо, и суд с легодованием отвергает утверждение обвиняемого, что потерпевший сам поранил себе лицо. Суд считает, что обвиняемый издевается над ним, выдумывая явную чушь. Обвиняемый судья неправильно осужден на основании таких же точно улик, которые он сам раньше считал непререкаемыми...

И, наконец, последний пример.

Выпивка в общежитии. Один парень наносит удар другому и обрывает ему галстук. Через полчаса они встречаются в уборной. Что там происходит между ними, в точности неизвестно, но через некоторое время обидчик выходит из уборной с легкой раной на голове (рассечена кожа), а бывший потерпевший, а теперь уже обидчик, выходит из уборной с куском водопроводной трубы в руках. Он не отрицает, что причинил ранение, но говорит, что ударил этой трубой защищаясь. Ничего другого под рукой не было. К счастью, последствия оказались совершенно незначительными.

Судебные результаты? Парень с рассеченной кожей — потерпевший, парень с оторванным галстуком — осужденный по ч. ст. 74 УК на полтора года лишения свободы. Городской суд утвердил этот приговор.

Между прочим осужденный — премированный ударник, и все общежитие расписывается в том, что он — тихий и образцовый юноша, а потерпевший — задира и скандалист. Но это не помогает: у кого показалась кровь, тот и потерпевший, а его противник конечно, хулиган.

Может быть слишком низка репрессия за побои и легкое телесное повреждение и из-за этого осуждают по другой статье? Но тогда надо изменить закон, и не создавать судебного нарушения революционной законности.

Иногда человек просто «попал в переplet», а в результате — судимость за хулиганство.

Такие ошибки и недоразумения дискредитируют во мнении рабочей общественности борьбу с хулиганством. «Хватай, держи и не пущай» у нас не годится.

Подвергнуть лишению свободы за минимое хулиганство молодых людей с непопорченной репутацией — это значит иногда их морально калечить.

Что было бы с студентом Сверановским, если бы в дело не вступила печать?

Наши журналисты иногда пускаются в непосредственное изучение жизни, делаясь шоферами, педагогами или просителями в учреждениях. Для того чтобы познать некоторые особенности бытия, им не мешало бы побывать еще в роли подсудимых по хулиганскому делу. Это нетрудно. Достаточно сделать обрядом хулиганской выходки и энергично по-

стоять за себя. Царапина или синяк, нанесенные противнику при защите своей слутницы или своего достоинства, почти наверняка приведут их на скамью подсудимых в дежурной камере народного суда. А там, если инкognito их не будет раскрыто, они скоро сумеют убедиться в том, что быстрота без правильно взвешиваемого отношения к ней отнюдь не самое главное достоинство правосудия.

Г. Гуров

История одной волокиты

(По материалам комиссии партконтроля при ЦК ВКП(б))

Следственными органами в 1933 г. было установлено, что некий Мамонтов В. А., обманным путем пробравшийся в партию, принадлежал к белогвардейскому добровольческому отряду Дюртюллинских купцов в Башкирии, лично участвовал в пытках и расстрелах красновардейцев и красных партизан, а затем служил у Колчака.

Исключенный из партии дальневосточной парторганизацией, Мамонтов подает апелляцию в которой доказывает, что материалы о нем являются ложными, что он в белой армии не служил, а наоборот, являлся добровольцем первых красновардейских отрядов. Он просит дать возможность представить оправдывающие его документы.

Оставаясь на Дальнем Востоке, Мамонтов пишет своей матери в Дюртюли письмо и инсценирует ее, как надо получить соответствующие документы и к кому следует обратиться. Следуя этим указаниям мать обращается с заявлением к райпрокурору Габитову и в заявлении указывает на ряд лиц — очевидцев, которые могли бы подтвердить «действительное» прошлое ее сына.

Не считаясь с законом и с тем, что в круг обязанностей прокурора не входит установление, по частной просьбе граждан, их прошлой деятельности и, тем более, выдача им об этом документов, — райпрокурор Габитов немедленно все же берется за это дело. Проявив исключительную для себя оперативность и быстроту в исполнении, нарушив ст. 163 УПК, запрещающую ведение опроса свидетелей сразу группой, Габитов составил протокол группового опроса свидетелей, показанных матерью Мамонтова, и затем свое заключение, в конце которого постановил: «Собранный материал сообщить на предмет разбора и привлечения к ответственности ложных доносчиков».

Заключение, однако, послано было лично Мамонтову, который незамедлительно и представил его соответствующей парткомиссии. Мамонтов по последнему документу полностью реабилитировался: он, оказывается, никогда у белых не служил, в 1919 г. был в Красной армии и никакого отношения или причастности к расстрелу красных партизан не имеет.

Имея два совершенно противоположных материала, Дальневосточная парткомиссия встала перед необходимостью проверить, какой же материал соответствует действительности. Она

срочно обратилась в июне 1934 г. в Дюртюллинский райком партии с просьбой расследовать дело на месте, подробно описав существо вопроса и взяв под сомнение последний материал прокурора Габитова. Но Дюртюллинский райком партии, даже после 6 телеграфных запросов, не нашел нужным что-либо ответить парткомиссии. Он считал ниже своего достоинства вести какое-то следствие о каком-то Мамонтове.

Зам. секретаря райкома Гирфанов просто подшивал телеграммы к делу, не считая нужным о них говорить с секретарем райкома.

Парткомиссия, не добившись в 1934 г. какого-либо сообщения от Дюртюллинского райкома, не имея возможности сама проверить материал, так как находится за несколько тысяч километров, наконец, в январе 1935 г. обращается уже в Башкирский обком партии с предложением наказать волокитчиков и обязать их дать им просимый материал.

Получив директиву Башкирского обкома секретарь райкома Еркеев, даже и не подумав проверить дела, в феврале месяце 1935 г. сообщает парткомиссии: «Подробный материал Мамонтова в 1934 г. прокуратурой был направлен» и... что «расследованием прокурора не установлено участие Мамонтова в контрреволюционных организациях и рядах белой армии».

Этим Дюртюллинский райком, так слепо доверяющий своему райпрокурору, однако не закончил свою деятельность.

Дальневосточная парткомиссия вынуждена была поставить вопрос о волокитчиках из Дюртюллинского райкома партии. Она написала т. Ежову в Комиссию партконтроля и одновременно в Башкирский обком. По категорическому указанию последнего в апреле месяце этого года секретарь райкома Еркеев, наконец, сам взялся за дело. Он вызвал на следователя Васюкова и предложил ему в «трехдневный срок проверить путем опроса очевидцев деятельность Мамонтова в гражданской войне».

Васюков, руководствуясь указанием действовать быстро и отнюдь не преследуя задачи выяснить как следует положение дела, уже 16/IV 1935 г. докладывает результаты дознания бюро райкома, которое постановило:

«Считать установленным, что Мамонтов служил в рядах белой армии по мобилизации,

не добровольцем», и дальше, что... «никаких преступных действий против советской власти, Красной армии и красных партизан он не совершал».

Вынося это решение, райком партии прошел мимо того, что ведь райпрокурор, а потом они же сами писали о том, что Мамонтов в белой армии не был, а служил в Красной армии. Но об этом умолчали.

Дело с Мамонтовым вскрыло более серьезные обстоятельства в Дюртюллинском районе. Бюрократическое отношение и волокита, проявленная райкомом по отношению к делу Мамонтова, послужили основанием для проверки дела на месте со стороны партколлегии Комиссии партконтроля в Башкирии. По заданию КПК при ЦК ВКП(б) в Дюртюллинский райком выехала специальная комиссия партколлегии, которая, допросив 26 чел., главным образом красных партизан, заодно прокурора, нарследователя Васюкова и райкомщиков, выявила очень интересные данные.

Первые материалы о Мамонтове полностью подтвердились. Он был активным участником белогвардейщины в Дюртюлях, из пулемета расстреливал взятых в плен красных партизан, лично участвовал также в казнях над командирами партизанских отрядов Чеверевым и Седовым.

Расследование пролило свет и на защитников Мамонтова.

Прокурор Габитов обстригал свой материал, допрашивая сразу группу обработанных матерью Мамонтова бывших белогвардейцев, сослуживцев Мамонтова. Сам Габитов — сын ищана-кулака, которого он защищал от твер-

дых заданий, служил тоже в белой армии и, уже будучи членом партии, участвовал в контрреволюционном кулацком восстании так называемого «Черного орла». Родственники Габитова раскулачены и сосланы, как враги советской власти.

Нарследователь Васюков сознательно смазал дело Мамонтова, он не включал показания некоторых свидетелей о том, где о Мамонтове говорили как о палаче красных партизан. Это Васюкову было невыгодно, так как он родом из одного села с Мамонтовым и тоже был белогвардейцем. Поэтому к числу свидетелей, бывших у прокурора Габитова, он прибавил показания только двух торговцев и б. жены Мамонтова.

Васюков и Габитов Башкирской парткомиссией исключены из партии и сняты с работы. Зам. секретаря райкома Гирфанову объявлен строгий выговор со снятием с работы за то, что он подшивал к делам письма и телеграммы Дальневосточной парткомиссии (выяснилось, что он тоже в свое время был в белой армии и поэтому, очевидно, и не считал нужным выяснять прошлое Мамонтова). Секретарю райкома Еркееву объявлен выговор, и всем членам бюро РК указано на недопустимо формальное отношение к выяснению дела Мамонтова при обсуждении его на бюро райкома.

Дело Мамонтова послужило хорошим уроком для Дюртюллинской парторганизации и еще лишний раз подтвердило необходимость тщательной проверки всех случаев нарушения законности и проявления бюрократизма и волокиты.

М. Р

Вместо фельетона

Есть люди, которые обладают особым комедийным талантом. Возможно, что это не плохо, но только не тогда, когда эти таланты переносятся на следственную практику. В таких случаях обладателю такого таланта следует подвизаться в другом месте, а не в прокуратуре. Когда в такой серьезный вопрос как арест вносятся элементы комедийности, следователю надо менять свое амплуа и чем скорее тем лучше. Нам неизвестно, насколько высоки комедийные способности следователя Ирбитского района, Свердловской области т. Чеснокова, но то, что следственные способности его не высокого качества не вызывает у нас никаких сомнений. Не вызывает у нас и сомнения, что т. Чесноков превратил вопрос об избрании меры пресечения в «арестную комедию».

Однако обратимся к фактам «деятельности» т. Чеснокова и во избрании излишних дискуссионных оперировать подлинными документами «творчества» ирбитского следователя. Вот перед нами документ, как говорится с надлежащими подписями и печатью от 20 июня 1935 г., именуемый постановлением «Об избрании меры пресечения содержания под стражей».

Название этого документа в свете исторического решения 8 мая 1933 г., постановления 17 июня 1935 г. и ряда директив Союзной прокуратуры уже само по себе предусматривает исключительно внимательное и серьезное отношение к вопросу об аресте, серьезное обоснование причин и мотивов ареста и необходимость в такой острой и серьезной мере пресечения, как арест до суда.

И вот внешне, по форме, как будто все в порядке. В своем постановлении т. Чесноков излагает:

«рассмотрев материал Главгормаша, в котором в достаточной степени изобличается гр. Кузнецов Александр Николаевич в преступлении, предусмотренном ст. 109 и ч. 2 ст. 162 УК, учитывая, что Кузнецов не имеет постоянного места жительства, также Кузнецов может помешать ходу следствия и может скрыться, на основании... и т. д. постановил... избрать меру пресечения содержание под стражей в Ирбитском изоляторе...».

Тут тебе и статья УК, и «на основании ст. УПК» и мотивы, что Кузнецов скроется, Кузнецов будет мешать ходу следствия, есть санкция на арест вридпрокурора Селиверстова. Как будто бы все в порядке и читатель даже на-

чинает недоумевать, что мол, за придирки к т. Чеснокову и не есть ли это подкуп против поборника соцзаконности в Ирбите? Успокойтесь, дорогие читатели. Не станем злоупотреблять вашим терпением. Обратимся к другому постановлению под таким же названием, о том же Кузнецове, которое как и вышеприведенное базируется на соответствующих статьях УПК и т. д. и т. п., но только вынесено на два дня позже. 22 июня т. Чесноков снова «рассматривает материал»:

«учитывая, что Кузнецов больной катарром желудка и туберкулезом, в силу чего содержание его под стражей отразится на его здоровье (какая трогательная заботливость!— М. Р.). Находясь на свободе он на ход следствия влияния оказать не может, социально не опасный... руководствуясь и т. д... «постановил: избрать меру пресечения подпisku о невыезде из его местожительства — г. Ирбита, Советская № 22».

Право, шутник этот Чесноков!..

За два дня Кузнецов обрел постоянное местожительство, перестал быть социально опасным и даже, как заверяет т. Чесноков «влияния на ход следствия оказать не может».

Спрашивается, что изменилось за 2 дня? Почему 20 июня выносятся постановления об аресте Кузнецова? Если Кузнецов настолько болен, то почему этот мотив не был учтен 20, а стал решающим 22?

Разве это не издевательство над всеми директивами об арестах, разве это не насмешка над нашим законом? Разве т. Чесноков, действуя по принципу «закон что дышло, куда повернул, туда и вышло» не превратил такой ответственный акт как избрание меры пресечения в «арестную комедию»?

Было бы ошибочно думать, что приведенный факт единственный и случайный в практике работы т. Чеснокова. Нет, не такой он человек, чтобы размениваться на мелочи. Забавляться, так забавляться, и по тому же делу проделан Чесноковым аналогичный эксперимент с другим обвиняемым Данченко.

21 июня, т. Чесноков выносит постановление об аресте Данченко, обвиняемого по ст. 109 УК «... Учитывая тяжесть совершенного преступления», а также «Данченко, находясь на свободе, может помешать ходу следствия». И это постановление санкционирует врид. прокурора т. Селиверстов.

Но уже на другой день Данченко освобождается под подпisku о невыезде по мотивам:

«необходимая проверка по делу в отношении обвиняемого Данченко проведена (за один то день! М. Р.), последний имеет семью, кроме того дирекция завода дает поручительство, что он не скроется от следствия. Учитывая также, что Данченко на ход следствия влияния не будет, а потому руководствуясь и т. д...».

В данном случае также излишни комментарии, но несколько фактических справок дать необходимо. Первая — с 20 по 22 июня никаких следственных действий и проверок не производилось. Вторая — «дирекция» дающая поручительство за Данченко представлена в лице снятого с работы директора (вернее бывшего директора) завода Горланова, привлекаемого в качестве обвиняемого по этому же делу.

Спрашивается неужели за один день «тяжесть совершенного преступления Данченко» стала меньше? Почему 21 июня — Данченко обязательно мешал ходу следствия, а 22 июня — «влиять на ход следствия не будет»? Неужели 21 июня у Данченко не было семьи? И разве так трудно было получить 21 действительную гарантию, что Данченко не скроется от следствия? Конечно дело не в том. Конечно дело не в «необходимой проверке», которой, кстати, не было. Дело в совершенно недопустимой безответственности, в наплевательском отношении и важнейшим директивам со стороны следователя т. Чеснокова и прокурора т. Селиверстова, дело в безобразном бюрократизме, от которого, к сожалению, еще не свободны и некоторые наши работники и, наконец, дело в неумении работать.

Ведь тот же пом. прокурора Селиверстов, в обвинительном заключении по этому делу, считает возможным, в числе действительных преступлений, инкриминировать Данченко такое «преступное действие...» «он (Данченко) заместителем директора разговаривал повышенным тоном»(!).

И как бы для полноты картины т. Чесноков увековечил себя еще одним «документом», который вполне заслуживает, чтобы быть приведенным полностью, а именно:

«Акт от 20 июня. Гр. Кузнецов... был вызван на допрос в камеру следователя Ирбитского района вечером часов 7—30 м. после предъявления постановления об аресте Кузнецова следователь отлучился в другую комнату вызвать осодмильца. Кузнецов в это время из камеры сбежал».

Как говорить, «дальше ехать некуда».

Судебно-надзорная практика Прокуратуры Союза

Нарсуд Центрального района гор. Ленинграда 26/X 1934 г. приговорил гр. Симановича Бориса Михайловича, б. заведующего книжным магазином издательства Академии наук, по ст. 111 УК к 3 годам лишения свободы, с взысканием с него в пользу издательства 8319 р. 96 к.

Кассационная коллегия Ленинградского облсуда 11/XI 1934 г. утвердила приговор, дополнив его воспрещением Симановичу занимать должности, связанные с материальными и денежными ценностями.

Прокуратура Союза опротестовала приговор нарсуда и определение кассколлегии облсуда по следующим основаниям.

Симанович был предан суду первоначально по ст. 111 УК, затем по закону 7/VIII 1932 г. В судебном заседании представитель гражданского иска заявил, что в действиях Симановича он не усматривает растраты, а находит, что в результате заведывания Симановича магазином образовалась лишь недостача книжного наличия.

Нарсуд также признал, что «хищения со стороны Симановича не установлены», что «в части недостачи повинна главная бухгалтерия издательства Академии наук, допустившая обезличку, при таксировке документов оборота и оприходуя товар в магазине при отсутствии реквизигов — подписи самого Симановича — и только сейчас это дело исправлено».

Таким образом корыстных мотивов в действиях Симановича не было обнаружено и наряду с этим было признано, что в недостаче повинна и система учета, введенная главной бухгалтерией издательства. Тем не менее, нарсуд вынес обвинительный приговор, применив к Симановичу высший предел меры наказания, установленный ст. 111 УК, и основываясь на том, что «сумма гражданского иска установлена экспертизой бесспорно».

Между тем, если обратиться к экспертизе, то обнаруживается, что эксперт категорически заявил: если следственным путем будет установлено, что действительно не весь товар полностью выбирался из склада, то сумма недостачи на 1/I 1934 г. является спорной, так как на складе по состоянию на 1/I 1934 г. обнаружен излишек в 68636 р. 11 к. согласно справке бухгалтерии. При этом эксперт указал, что как Симановичем, так и самим издательством были проявлены безответственность и обезличка; что при отпуске товара из склада в магазин, которым заведывал Симанович, принимались расписки сотрудников магазина (из дела видно, что расписывался рабочий возчик), но не требовалось подтверждений со стороны Симановича; в складе же не регистрировался товар, возвращавшийся из магазина на склад.

Действительно, в деле имеется справка издательства Академии наук о том, что на складе имеется излишек товара против книжных данных на 68636 р. 41 к. В первых же своих по-

казаниях Симанович указал на возможность обнаружения фактических излишков на складе, что может объяснить книжную недостачу в магазине. Но следствие не занялось этим и основной вопрос: имеется ли фактическая недостача товара или есть лишь неправильности книжного учета (вина в чем лежит на самом издательстве, а товар, считая и магазин и склад, находится в целости) так и остался неразъясненным. Между тем заместитель Симановича гр. Зириинг, ведший товарную книгу, на суде заявил категорически: «Недостачи не может быть и Симанович просто запутался».

С другой стороны, по делу установлено, что товар со склада поступал в магазин не полностью, хотя возчик Владимиров, перевозивший книги, отрицал это как и заместитель Симановича Зириинг; однако, в судебном заседании Зириинг признал, что Владимиров «иногда недоносил товар по накладным».

Наконец, имели место кражи из магазина, облегчавшиеся особым его устройством, при котором покупатели имели свободный доступ к полкам, где они сами выбирали себе товар.

Факты краж подтвердили как свидетель Зириинг, так и Юдин и Повереннов, который даже заявил, что Симановичу списали стоимость украденных книг (что на деле не имело места). Главный свидетель обвинения Зав. книго-торговым отделом издательства Полянский заявил на суде, что Симанович говорил ему о кражах книг и что в магазине не было книжных перегородок, но что Симанович не имел права производить на это расходы. Между тем приговор нарсуда вменил в вину Симановичу, что товар безобразно хранится в открытых полках, покупатели и вообще посетители чувствовали себя хозяевами магазина, товар забирали с полки без санкции администрации магазина. Но из дела видно, что подававшиеся магазином докладные записки об установлении стеклянных загоронок на прилавке, оставались без удовлетворения, и организация продажи книг, при которой покупатели сами имели к ним доступ, была попыткой издательства ввести новый вид книжных магазинов. При этом нет никаких оснований не доверять показаниям Симановича, что издательство допускало и сознательно шло на возможность краж книг покупателями.

Нарсуд вменил в вину Симановичу, что он «не вел учета товара» и «отчетность составлял невнимательно, по некоторым ассортиментам в одном и том же отчете указывалось дважды». Между тем из показаний гл. бухгалтера издательства Тимтурина устанавливается, что «весь учет товара в магазине и выручки вела бухгалтерия издательства по накладным отпускаемого товара; какой учет у себя в магазине вел Симанович, я не знаю, так как весь учет велся в бухгалтерии».

Отвергнув возможность хищений книг самим Симановичем, нарсуд должен был бы притти

к выводу о том, что выведенная по документам недостача наличия в магазине объясняется недостачей товара в магазин со склада (показания Зиринга и справка об излишках в складе), или путаницей в отчетности, но этого нарсуд не выяснил. В этой части суд признал, что — «в части повинна сама главная бухгалтерия»; но осталось совершенно не разъясненным, почему же вине главной бухгалтерии нарсуд приписал недостачу 2 023 р. 95 к., а вине Симановича — недостачу книг на 8 861 р. 35 к., хотя Симанович не был обязан вести никакой отчетности, и главная бухгалтерия сама вела весь учет магазина.

Обращает на себя внимание, что в процессе следствия было составлено обвинительное заключение о предании суду работников издательства Полянского и Тимуркина, которые «совершенно не позаботились о жестком контроле магазина как в смысле отпуска товаров в магазин, так и в смысле ведения отчетности у Симановича, но это обвинение затем было прекращено, причем в ходатайстве издательства по этому вопросу значится: «магазин с незначительным оборотом не нуждался в самостоятельной бухгалтерии, а потому и не имел ее, так как учет товаров и выручки был сосредоточен в бухгалтерии издательства».

Прекращение дела в отношении названных лиц могло объясняться только тем, что Симанович был предан суду по закону от 7 августа и обвинялся в хищениях, и мог совершать эти хищения один. Квалифицировав действия Симановича по ст. 111, нарсуду следовало привлечь в качестве обвиняемых и руководителей бухгалтерии издательства, допустивших плохое состояние отчетности и направить дело к доследованию.

Ни предварительное следствие, ни суд не выяснили основных моментов по делу. Приговор в значительной степени объясняется прошлой судимостью Симановича. В приговоре прямо указано: «учитывая прошлое Симановича (он судился в тяжком преступлении но ему это оказалось недостаточно)». Нарсуд, при отсутствии проверенных данных о совершении Симановичем нового преступления, вынес ему суровый приговор, основываясь на его прежней судимости.

Поэтому приговор нарсуда и утвердившее его определение НК обхода не могут быть оставлены в силе: необходимо исследовать дело в части проверки фактов недостачи товаров со склада издательства Академии в магазин, в части наличия излишков на складе, а также в части привлечения к ответственности работников издательства, по вине которых отчетность бухгалтерии велась совершенно неответственно, и сведения, даваемые завягом Симановичем, не проверялись (что привело к путанице и предположениям о недостачах).

Судебная коллегия Верхсуда РСФСР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, определила приговор нарсуда Центрального района г. Ленинграда от 26 октября 1934 г. отменить, передать дело на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия, а Симановича из-под стражи освободить, под подписку о невыезде.

***

Решением нарсуда 3 уч. Бауманского района 25 августа 1934 г. — РЖСКТ «Инженер-удар-

ник» было обязано представить Басову П. П. жилплощадь в размере 18 кв. м. Тем же нарсудом 29 октября при вторичном разборе дела было вменено в обязанность РЖСКТ предоставить Басову пригодную для жилья площадь до 1 декабря 1934 г. в размере не менее 9 кв. м. 16 ноября 1934 г. определением кассколлегии Мосгорсуда решение нарсуда было оставлено в силе. Не довольствуясь этим, Басов подал жалобу в Верхсуд, и 4 марта 1935 г. Судебная коллегия Верхсуда признала, «что изъятие площади у члена РЖСКТ Басова и последующее вселение на эту площадь Алхазова, обменявшегося с Гектиным, было незаконным, почему Басов и подлежит вселению в изъятую у него площадь размером в 13,98 кв. м.», судебная коллегия определила: решение нарсуда от 29 октября и определение кассколлегии Мосгорсуда от 26 ноября изменить и предоставить Басову в доме РЖСКТ «Инженер-ударник» № 10 по Маросейке в кв. 41 комнату размером в 13,98 кв. м, изъятая у Гектина.

Судебной коллегией Гектину предоставлено право урегулировать свои взаимоотношения, вытекающие из обмена с Алхазовым в общем исковом порядке, а правлению РЖСКТ предоставлено право взыскать с Басова паевого взноса.

3/У 1935 г. президиумом Верхсуда РСФСР это решение было утверждено.

Прокуратура Союза опротестовала определение кассколлегии и постановление президиума Верхсуда по следующим основаниям.

Басов работая в Заводстрое зав. финотделом в 1931 г., получил ордер на занятие жилплощади из 2 комнат в указанной квартире и деньги в размере 3 тыс. руб. на внесение пая, в 1932 г. он переехал в указанную квартиру. 14 ноября 1932 г. Басов за нарушение финансовой дисциплины был снят с работы с извещением в печати о прекращении, выданной ему доверенности, после чего он в феврале 1933 г. уехал на работу в Игарку, получив броню на занимаемую площадь. С Игарки он вернулся в августе 1934 г., но паевого взноса до дня своего возвращения кроме 100 руб., внесенных в 1931 г., ни одной копейки не внес и деньги не вернул.

Басов не только не внес полученные 3000 р., но и не отчитался в одной тысяче восьмистах шестнадцати рублях 43 коп. (1.816 р. 43 к.), числящихся за ним. Таким образом он должен государству 4 816 р. 43 к.

Заводстроем было возбуждено против Басова уголовное преследование. Таким образом, броня, которую получил Басов уезжая, являлась недействительной и пайщиком он не считался, потому что пая не внес и регистрации не прошел.

Работая на Игарке, Басов прислал жене, по его заявлению, 6 000 рублей, а по показанию жены — 5 000 руб., но последняя, т. е. его б. жена из полученной суммы внесла паевых взносов 1 500 руб. от себя лично и согласно поданному ею заявлению была принята лично в члены РЖСКТ и за ней была закреплена одна из двух комнат, считавшихся раньше за Басовым. Вторая комната правлением была передана пайщику Алхазову, а последний обменялся жилплощадью с Гектиным.

Судебно-надзорная коллегия Верховного Суда СССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила:

принимая во внимание, что из отпущенных Басову Заводстроем в 1931 г. 3 тыс. руб. на оплату паевого взноса в РЖСКТ «Инженер-ударник» Басов довъездовского пая до сих пор не внес;

2) что при таких условиях за Басовым право на спорную площадь признано быть не может;

3) что, с другой стороны, его б. жена Высоцкая, участвующая в настоящем деле в качестве третьего лица, явно нарушила оказанное ей доверие и вместо обеспечения прав на спорную квартиру уехавшего на Дальний север Басова, использовала полученные ею от Басова деньги (по ее словам 5 тыс. руб., а по утверждению Басова 6 тыс. руб.) и приобрела на эти деньги пай на свое имя и закрепила комнату за собой;

4) что это обстоятельство дает Басову основание к предъявлению к Высоцкой иска о прекращении пая и комнаты Высоцкой на его имя, либо о возмещении ему причиненных убытков, — определение Верховного Суда РСФСР от 13/IX 1934 г. отменить, в иске Басову отказать, разъяснив последнему о наличии у него права на предъявление к гр. Высоцкой иска, вытекающего из ее неправомерных действий.

**
*

Линсуд Екатеринбургской ж. д. приговорил за ряд злоупотреблений по службе зав. материальным складом ст. Долинская Радченко Анатолия Васильевича по закону 7/VIII 1932 г. к высшей мере наказания с конфискацией имущества, его заместителя по топливу Головинского Ивана Ивановича к 10 годам лишения свободы с конфискацией имущества и по ст. 56—30 п. «а» УК УССР, приходо-расходчика материального склада Вишневецкую Анну Тихоновну — к 2 г. лишения свободы условно с испытательным сроком на 5 лет и угольщика материального склада Дикалова Василия Семеновича — к 1 году и.т. работ.

Транспортная коллегия Верховного Суда приговор в отношении главного виновника Радченко отменила и дело возвратила для нового рассмотрения со стадии предварительного следствия, оставив в силе приговор в отношении Головинского, Вишневецкой и Дикалова.

В результате дополнительного расследования Радченко было предъявлено обвинение по ст.ст. 97 и ч. 1 ст. 100 УК. При рассмотрении же дела в линсуде 13—14/VI 1933 г. преступление Радченко было квалифицировано ст. 56—30 п. «а» УК, и он был осужден к 10 годам лишения свободы с поражением в правах на 5 лет.

Транспортная коллегия Верховного Суда от 16/VII 1933 г. приговор оставила в силе, но по мотивам отсутствия корысти и личной заинтересованности перекалвалифицировала его преступление по ст. 99 УК УССР и понизила срок лишения свободы до 3 лет. Учитывая, что Радченко находится под стражей более 6 месяцев и что дальнейшая изоляция его от общества не вызывается необходимостью, транспортная коллегия заменила ему лишение свободы

1 годом и.т. работ с вычетом 20% из зарплаты, а остальной срок лишения свободы определила считать условным с испытательным сроком в два года.

Прокуратура Союза опротестовала приговор линсуда и определение транспортной коллегии в отношении Головинского по следующим основаниям:

1. Материалами предварительного и судебного следствий установлено, что незаконный отпуск топлива лицам, не работающим на ж.-д. транспорте, обмен топлива, труб, досок, мела, мазута и др. материалов с сельхозартелями и коммунарами на масло, мед и др. продукты для личного потребления, а затем фиктивное списывание разбазаренного топлива и материалов производилось не только с ведома, но и по распоряжению Радченко.

Головинский, являясь заместителем Радченко, в преобладающем большинстве злоупотреблений выполнял лишь распоряжения Радченко и само собой разумеется, нести большую ответственность, чем Радченко, не может.

Разница заключается лишь в том, что Головинский признал себя виновным в указанных злоупотреблениях, а Радченко не признал; тогда как материалами дела и показаниями остальных обвиняемых и свидетелей главенствующая роль Радченко во всех злоупотреблениях с бесспорностью установлена.

Было бы правильнее квалифицировать преступление Радченко и Головинского по ст. 97 УК УССР и приговорить на 3 года лишения свободы каждого, но определением транспортной коллегии от 16/VII 1933 г. Радченко лишение свободы заменено и.т. работами и условным осуждением. Подвергать же Головинского более суровой мере наказания чем Радченко безусловно неправильно.

Судебно-надзорная коллегия Верховного Суда СССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила:

принимая во внимание, что Головинский играл второстепенную роль, выполняя распоряжения Радченко перекалвалифицировать действия Головинского на ст. 97 УК УССР и определить Головинскому И. И. 2½ г. лишения свободы. Учитывая, что он содержится под стражей с 22/X 1932 г., из-под стражи его освободить.

**
*

Киуло И. А., б. рабочий протезного завода, выдвиженец, зав. магазином ЗРК того же завода нарсадом Ленинского района г. Москвы 3/X 1934 г. был осужден по ст. 109 УК на 3 года лишения свободы за то, что, будучи завмагом ЗРК, с целью злоупотребления допускал продажу мяса разных сортов по цене 1-го сорта, незаконно приобрел у неизвестного гр-на или учреждения 3 бочки патоки на 1476 руб., представил счет от ЗРК «Пролетарий», между тем как ЗРК «Пролетарий», по наведенным справкам, патоки не продавали счета не выдавал; отпускал незаконно хлеб рабочим за 2 недели вперед, с целью злоупотребления брал из кассы деньги (получил из столовой деньги в сумме 246 руб. 45 коп.), к своим обязанностям относился безобразно, допуская порчу товаров, чем приносил ущерб магазину.

Кроме того на 1 и 16 июня выявились излишки товаров по магазину на 1017 руб.

КК Мосгорсуда приговор оставила в силе.

Прокуратура Союза ССР при проверке дела не нашла доказанным факт злоупотреблений со стороны Киуло во всех приведенных деяниях.

Так, например, в приговоре Нарсуда указывается, что продавалось мясо разных сортов по цене 1-го сорта. Между тем в магазине, объявление о разных сортах мяса было для сведения покупателей вывешено (показание Воробьева, Доктора и др.). Мясо отпущал (и покупал) не Киуло, а продавец Афанасьев, а деньги проходили через кассу в доход магазина (показание зам. зав. Галкина). Что касается показания Галкина, который подтвердил наличие случаев продажи мяса в несоответствии с его сортностью и признал свою виновность в этих случаях, то за это надлежало бы осудить не Киуло, а Галкина. Вместе с тем Галкин осужден по ст. III УК к 1 году и-т. работ по месту службы с удержанием с него 10% зарплат.

Почему здесь было найдено злоупотребление со стороны Киуло — неясно, тем более, что в деле имеются показания целой группы рабочих, указывающих, что мясо продавалось по сортам.

Что касается покупки Киуло патоки, то покупка была разрешена председателем правления ЗРК Воробьевым.

Воробьев дает по этому поводу следующее показание: «... и патоку я действительно разрешил купить. Киуло принес образец и я велел брать и откуда она будет мне неизвестно».

В материалах дела имеется официальный счет, выданный ЗРК «Пролетарий».

В деле не имеется ни одного факта, который бы подтвердил заинтересованность Киуло в покупке патоки. Ни покупная цена, ни продажная ни в ком подозрения не вызывала.

Что касается самого факта уплаты наличными деньгами за эту патоку, то поскольку Киуло получил санкцию со стороны своего непосредственного начальника, вряд ли у суда имелись основания для осуждения его за эту покупку по ст. 109 УК, тем более, что судом все-таки не установлено, что Киуло знал, что эта патока продается незаконно.

Относительно присвоения 246 руб. 35 коп., полученных из столовой, на следствии Киуло заявил, что этих денег он не присвоил, а сдал в кассу. Это подтверждается справкой, имеющейся в деле.

Правда, один из подписавших ее, Галкин, заявил, что справку он подписал, не зная, проходили ли эти деньги через кассу, но кроме Галкина подписала справку также и кассирша Кочеткова, а ведь за кассу отвечала она. В этом случае суд должен был затребовать бухгалтерскую книгу правления ЗРК и это обстоятельство проверить.

Утверждение суда, что злоупотребления Киуло корыстного характера подтверждаются обнаруженными при ревизии излишками товаров, не соответствует действительности, так как материалы дела устанавливают, что ревизия заактировала и излишки и недостачу в одно и то же время (на 1 июля и на 15 июля 1934 г.).

В данном случае суд обязан был путем бухгалтерской экспертизы проверить, не являются ли ошибочными выводы ревизионной комиссии.

Указание приговора, что осужденный Киуло пьянствовал на своей квартире с продавцом магазина Афанасьевым (показание Шотникова)

возбуждает большие сомнения ввиду того, что комфракция домоуправления и ряд членов ВКП(б), живущих в том же доме, удостоверяют, что Киуло является активным общественником и ведет скромный образ жизни.

Прокуратура СССР, ввиду указанной выше необоснованности обвинения Киуло в злоупотреблениях с корыстной целью и учитывая что:

Киуло является выдвинутым протезного завода, на котором он проработал в качестве рабочего-шорника в течение 19 лет безупречно, взысканиям не подвергался, опыта по торговой работе не имел;

что в деле имеются прямые утверждения и указания на существование склоки между осужденными: Киуло, с одной стороны, и основными обвинителями Киуло—предправления ЗРК Воробьевым и главбухом Доктор — с другой— на почве вымогания последними продуктов сверх нормы,—приговором нарсуда и определение КК Мосгорсуда опротестовала. Вторая коллегия Верховного РСФСР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, определила: приговор суда в целом отменить и дело передать на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

***

Гр. дер. Гангозеро Кондопожского района КАССР Полтусов В. С. купил за 40000 руб. ½ дома у гр. г. Петрозаводска Богдановой Е. И., причем в договоре, заключенном между ними, сумма договора была уменьшена до 2000 руб. с целью меньшей уплаты госпошлины.

Это дело первоначально рассматривалось по иску прокуратуры нарсудом г. Петрозаводска от 21/XI 1934 г. Нарсуд на основании ст.ст. 20 и 147 ГК решил приговор купли-продажи части дома расторгнуть, уплаченные деньги передать в доход государства, а купленную часть дома в горсовет.

Кассколлегия Главсуда КАССР от 4/XII 1934 г. это решение отменила и передала на новое рассмотрение в тот же нарсуд, но другого состава; дело это по протесту прокурора перешло в президиум Главсуда, который в заседании своем от 25/II 1935 г. по вопросу о расторжении договора постановил: С протестом прокурора согласиться и решение нарсуда от 26/XI 1934 г. по делу № 2469 в части расторжения договора купли-продажи части дома, заключенного между Полтусовым и Богдановой, считать вынесенным правильно. В остальной части решение нарсуда и определение КК Главсуда от 4/II изменить и направить материал в этой части для установления суммы уплаты за продажную часть дома в Прокуратуру КАССР для расследования по признакам ст. 169 УК.

Прокуратура СССР опротестовала постановление президиума Главсуда КАССР в этой части по следующим основаниям:

Постановление президиума Главсуда о расторжении в порядке ст.ст. 30 и 147 ГК договора купли-продажи необосновано, ибо сделка по покупке дома сама по себе ничего противозаконного собою не представляет, не является обходом закона и не наносит ущерба государству.

Факт уменьшения Полтусовым и Богдановой суммы договоров следует считать, на основании свидетельских показаний при разборе дела в нарсуде от 21/XI 1934 г., вполне установленным. Также и президиум Главсуда в мотивировочной части своего постановления от 25/II 1935 г. это признает и на этом основании и подтверждает решение нарсуда от 21/XI 1934 г. о расторжении договора.

Поэтому предложение президиума Главсуда о направлении материалов в Прокуратуру для установления действительной суммы, уплаченной за проданную часть дома, лишено всяких оснований и должно быть отменено.

Незаконно в данном деле то, что Богданова и Полтусов с целью меньшей оплаты государственных пошлин представили в договоре купли-продажи части дома преуменьшенную с 4 до 2 тыс. руб. сумму договора, и за это именно оба подлежат привлечению к ответственности.

Но это преуменьшение суммы договора есть преступление не имущественное, а преступление против порядка управления, почему и должно караться не по ст. 169 УК, а по ч. 1 ст. 62 УК «за сокрытие объектов обложения», или, что одно и то же, за сокрытие части суммы, в действительности уплаченной за купленную часть дома, что имело место в данном деле.

Гражданская коллегия Верхсуда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, определила решение нарсуда г. Петрозаводска от 21/XI 1934 г. и постановление президиума Главсуда от 25/II 1935 г. в части, касающейся этого решения и возбуждения уголовного дела по признакам ст. 169 отменить и истцу о признании договора недействительным в иске отказать.

***

Линейный суд Рязано-Уральской ж. д. признал виновным в расхищении грузов из вагонов и приговорил Никишиных Александра и Михаила к высшей мере наказания — расстрелу, Бумагина — к 10 годам лишения свободы.

Определением транспортной коллегии Никишиным расстрел был заменен 10 годами лишения свободы.

Прокуратура Союза опротестовала приговор линсуда и определение транспортной коллегии по следующим основаниям:

Суд признал осужденных по делу виновными в систематическом расхищении грузов из товарных вагонов на путях ст. Фтищево. Конкретно суд признал их виновными в похищении 506 кг риса, 2 бочек рыбы, 170 пачек папирос, оружия и огнестрельных припасов.

Убеждение суда в том, что обвиняемые Никишины и Бумагин похитили 506 кг риса, основано только на материалах предварительного следствия, оставшихся без всякой проверки во время судебного заседания.

Как видно из имеющегося в деле коммерческого акта № 143, в вагоне № 618254 не оказалось 2 мешков риса. Исходя из протокола обыска, можно было притти к выводу, что этот рис (два мешка) был похищен осужденными. Но отсюда нельзя было сделать вывода, что Бумагин и другие обвиняемые по делу похитили 506 кг риса, так как совершенно очевидно, что вес двух мешков риса значительно меньше, чем 507 кг.

Суд признал доказанным похищение двух бочек рыбы. В то же время в деле, кроме показаний обвиняемых Никишиных, признавшихся в краже одной бочки рыбы, нет никаких доказательств того, что были похищены 2 бочки.

Самым тяжким обвинением осужденных было обвинение их в краже из вагона 3 паганов, 1000 штук патронов и 10 гранат. Суд пришел к выводу о том, что осужденные по делу имели в виду организовать банду грабителей. Этот вывод, а равно и обвинение Бумагина и братьев Никишиных в хищении воинского груза основано исключительно на оговоре Никишина неким гр. Савинкиным, сидевшим вместе с Никишиным в тюрьме. Савинкин дал свои показания якобы со слов обвиняемого Никишина. Других доказательств хищения оружия и огнестрельных припасов в деле нет. Тяжесть этого обвинения обязывала суд особенно серьезно отнестись к проверке его в судебном заседании. Однако суд согласился и с этим пунктом обвинительного заключения, не вызвав и не допросив ни одного свидетеля по делу.

Признав Бумагина и Никишиных виновными в похищении грузов, суд неправильно квалифицировал их деяния по ст. 59^в, карающей за нарушение трудовой дисциплины на транспорте.

Судебно-надзорная коллегия Верхсуда СССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила: переqualифицировать действия Бумагина М., Никишина Александра и Михаила на ст. 162 п. «д», определив Бумагину Максиму и Никишину Александру по 3 года лишения свободы каждому, а Никишину Михаилу, как работнику охраны 5 лет лишения свободы.

***

Краснов Трофим Григорьевич, стрелочник ст. Барнаул, был осужден линсудом Омской ж. д. 23/III 1934 г. по ст. 59^а УК к 2 г. лишения свободы с запрещением три года работать в должностях, связанных с движением.

Транспортная коллегия приговор оставила в силе.

Прокуратура Союза опротестовала приговор линсуда и определение транспортной коллегии по следующим обстоятельствам:

15/II 1934 г. 20 ч. 50 м. с разезда 18 на ст. Барнаул принимался поезд № 1001. ДСП Томашин отдал распоряжение ст. стрелочнику Краснову приготовить маршрут на первый путь. Это распоряжение Краснов передал младшему стрелочнику Парфенову. Не проверив правильности выполнения распоряжения, Краснов сообщил ДСП о готовности маршрута и, получив разрешение на открытие семафора, Краснов распорядился открыть семафор, что и было выполнено. В момент приема поезда № 1001 производились маневры паровозом № 562, которые ДСП не прекратил за 15 мин. до прихода поезда, а так как стрелка была приготовлена для маневров и стрелочник Парфенов ее не переделал для приема поезда 1001, последний был принят на занятый паровозом путь, отчего произошло столкновение.

Суд признал основным виновником аварии Краснова, который как ст. стрелочник не проверил заданного маршрута. Однако, по делу установлено, что основная вина в аварии ложится на мл. стрелочника Парфенова, который

не выполнил заданного ему маршрута, и судом приговорен к и.т. работам на один год.

Кроме того виноват в аварии ДСП Томашин, ибо он знал, что паровоз производит маневры и что путь маневров лежит через стрелку № 1, через который должен был быть принят п. № 1001 ДСП 5, обязан был приостановить маневры. Однако ДСП совсем не привлекался по делу, а сейчас привлечь его уже нецелесообразно.

Из показаний свидетелей установлено, что агенты ст. Барнаул плохо знали свои обязанности, занятия по техзнаниям не производились. Семафор никогда не запырался на ключ. За все это ответственность лежит на руководителе станции и это смягчает вину Краснова, который так же, как и другие агенты, хорошо знаком со своими обязанностями не был.

Судебно-надзорная коллегия Верховного суда СССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила определенную Краснову Транспортной коллегией меру наказания считать условной с испытательным сроком в 1 год.

***

В преступлении предусмотренном постановлением ЦИК и СНК от 7 августа 1932 г. и по ст.ст. 109 и 111 УК, были преданы суду и линейным судом МББ ж. д. приговорены Домановский и Рудаков к 2 годам лишения свободы каждый; Хрулев, Натаров и Гомаюнов — к принудительным работам; Иголкин, Манковецкий, Щербин и Голиков — к 10 годам лишения свободы каждый и Дашкевич к высшей мере соцзащиты — расстрелу; Кононов оправдан.

Определением Транспортной коллегии Верховного суда приговор в основном был оставлен в силе со следующими изменениями: в отношении Хрулева дело прекращено; Домановскому и Рудакову — лишение свободы переведено в условное; в отношении Манковецкого — преступление переквалифицировано на ст. 111 УК и наказание определено в 2 года лишения свободы; Дашкевичу — высшая мера соцзащиты заменена 10 годами лишения свободы.

Прокуратура Союза приговор лиссуда по означенному делу, оставленный в силе, Транспортной коллегией Верховного суда СССР опротестовала по следующим основаниям:

Определением лиссуда от 17 декабря 1933 г. настоящее дело при первом его рассмотрении было возвращено к доследованию по тем мотивам, что обвиняемым предъявлено обвинение в систематических злоупотреблениях, но по делу точно не установлено, в чем заключалось злоупотребление; из имеющегося акта ревизии этого усмотреть нельзя; в самом обвинительном заключении было указано, что ревизия не доведена до конца и ряд данных ревизии был опротестован, а злоупотребления вытекают лишь из проверки, сделанной работниками ТОГПУ, но без анализа экспертизы. При наличии таких дефектов (как, далее, указывает линейный суд), учитывая, что обвинение построено только на документах, и свидетели ничего существенного не показали, суд считает необходимым назначить экспертизу для проверки всей работы обвиняемых.

Как видно из дела, проверки всей деятельности обвиняемых или полной ревизии произ-

ведено не было, и органы следствия ограничились лишь истребованием заключения от ст. коммерческого ревизора дороги по вопросу анализа торговых листов — актов; из заключения эксперта нельзя притти к определенному выводу и неизвестно, на какую сумму причинен государству ущерб, но видно, что грубо нарушались правила о ликвидации грузов, испорченные продукты уничтожались без всяких актов; оценка продуктов, передаваемых в столовую, производилась не в соответствии с существующими нормами; недополучено масла — нетто 20 кг, что составляет недобор 100 руб., недозыскано 261 руб. 40 коп.; несвоевременно внесено в кассу 938 руб. 25 к., обнаружено 9 фиктивных актов.

Бухгалтерской экспертизы по документам столовой, в которой работали Щербин и Голиков, произведено не было, почему вопрос о их преступных действиях не исследован с достаточной полнотой, хотя в деле и имеются данные, что они принимали участие в злоупотреблениях, совершенных Дашкевичем и Иголкиным.

Из самого текста приговора следует притти к тому выводу, что преступления обвиняемых предусмотрены ст. 109 УК, а не законом 7 августа 1932 г.

Вопрос о даче взяток Дашкевичу обвиняемым Голиковым неясен, свидетельских показаний по этому поводу не имеется, а Голиков в даче взяток виновным себя не признал.

Судебно-надзорная коллегия Верховного суда СССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила: переквалифицировать их действия на ст. 109 УК, определив Голикову А. М. и Дашкевичу В. С. по 5 лет лишения свободы, а Иголкину И. И. и Щербаку по 3 года лишения свободы каждому.

***

Приговором Акбулах-Манглисского нарсуда, утвержденным кассколлегией Верховного суда СССР Грузии, четверо крестьян деревни Дидитансты: Давид Бадурашвили, Дата Мчелидзе, Исаак Терезов и Симон Надирадзе были приговорены — первые трое к 10 годам, а последний к 5 годам лишения свободы, по обвинению в разбойном нападении, убийстве и ограблении проезжего осетина Георгия Козашвили.

Прокуратура Союза опротестовала приговор как необоснованный по следующим основаниям:

Никаких объективных данных, которые подтверждали бы причастность кого-либо из обвиняемых к этому убийству, по делу не было установлено и все обвинение против них основано на показаниях свидетеля Дата Надирадзе, принятых судом на веру, без всякой попытки их критического анализа.

Между тем как содержание его различных показаний, так и та обстановка, в которой эти показания им давались, не дают никаких оснований для такого к ним доверия.

Дата Надирадзе дал на протяжении дела целый ряд показаний, характерных тем, что в каждом из них те же факты рассказываются по-иному.

Начал он с того, что он не видел, как убивали Козашвили. Затем признался, что наблюдал убийство издали. Потом сказал, что на-

ходился настолько близко, что когда, он попытался бежать и камень попал ему при этом под ноги, то шум его привлек убийц, которые велели ему подойти к ним.

По вопросу о том, кто убивал, он сперва заявил, что это дело рук каких-то неизвестных горцев. Родственникам убитого он сказал, что «убили убийцы, фамилии и имена не называл».

Милиционеру Мчелидзе он показал, что убийцами являются горцы из села Надбеури, которых он знает в лицо, но не знает по фамилиям. Свидетелю Табуашвили рассказал, что убийли сторожа.

И только после того, как он неделю просидел под арестом по подозрению в этом убийстве, он впервые назвал в качестве убийц Бадурашвили и старика-колхозника Торозова. После этого его освободили, а их арестовали. Недели две спустя, при новом допросе он оговаривает еще двух: Симона Надирадзе и Дата Мчелидзе.

Такая же путаница и противоречия имеются и в его показаниях по поводу места совершения убийства: в показании от 9/VIII он говорит, что не знает, где было совершено убийство, так как видел лишь как Бадурашвили и Торохов тащили труп. А в дальнейшем заявляет, что видел все подробности убийства. В одном показании говорит, что вблизи места убийства находились рабочие колхоза, а затем утверждает, что по близости никого не было, кроме него. В одном случае показывает что Козашвили сначала нанесли удар камнем по голове, а затем говорит, что Бадурашвили зарезал его кинжалом.

Свидетелю Коле Шавишвили Надирадзе признался, что он свалил на Мчелидзе и Бадурашвили, так как его Торозов уговорил назвать кого-нибудь и тогда, мол, тебя отпустят, что он и сделал.

Сбивчивые, путаные, взаимно противоречащие показания этого «очевидца», не заслуживают никакого доверия. Были ли они продиктованы желанием поскорее освободиться, или чьим-то подговором, или желанием свести старые счеты кое с кем из обвиняемых, поскольку этот вопрос на расследовании и на суде не проверялся, установить трудно. Но во всяком случае неполноценность показаний Надирадзе совершенно очевидна.

Поверив на слово этому явно скомпрометированному свидетелю, нарсуд без всяких мотивов отверг целый ряд показаний колхозников, в том числе пред. колхоза и парторга, удостоверяющих, что обвиняемые в то время, когда происходило убийство, находились в нескольких верстах от места преступления, работая у них на глазах на полевых работах. И даже объективный документ запись трудовой — не была принята во внимание судом.

Все четверо осужденных — середняки и бедняки — по свидетельству близко их знающих односельчан, парторганизаии, правления колхоза и сельсовета являлись честными советскими людьми, ни один из них никогда не был замечен ни в чем предосудительном. Осуждение их было расценено местным населением, как судебная ошибка, что подтверждается обращением местных организаций к прокурору СССР.

На таком материале, как показания Надирадзе, строить обвинительный приговор в отно-

шении четырех, ничем ранее не опороченных трудящихся крестьян, нельзя.

Пленум Верховного суда Грузии, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил: приговор Агбулах-Манглисского нарсуда отменить и дело дальнейшим производством прекратить.

**

*

Нарсуд Краснопресненского района г. Москвы 16 августа 1934 г. приговорил Павлушиных Анну и Марию по ст. 107 УК к 5 годам лишения свободы.

При расследовании настоящего дела и рассмотрении его судебными органами (народным судом, КК Мосгорсуда и президиумом Мосгорсуда) было допущено грубейшее нарушение закона.

15 августа 1934 г. на Инвалидном рынке в Москве по указанию осодмильца Сыкачева была задержана с 5 кг риса гр. Павлушина Анна, жена рабочего завода № 89, и с 3 литрами растительного масла Павлушина Мария, жена рабочего-ударника Дирижаблестроа.

В тот же день в отсутствии обеих задержанных, в отсутствие их мужей и вообще кого бы то ни было из проживающих вместе с Павлушиными, был произведен обыск в комнате, где вместе живут обе семьи Павлушиных. Этот обыск зафиксирован в деле в виде клочка бумаги, именуемом «Описью», в которой перечислены некоторые предметы («желтого» металла 1 кольцо, белых три рубля, белых полтинников 21 шт., три иностранные монеты, мыла хозяйственного 17 кусков, мыла туалетного 21 кусок, рису около пуда, соды в рассыпанном виде пудов около 2 без указания, когда, где, у кого эти предметы найдены. Кроме того из другого документа от того же числа «из протокола обыска» видно, что найдено 7790 руб. и 4 литра масла.

В процессе дознания обе Павлушины по вопросу о принадлежности и происхождения найденных денег и продуктов давали довольно путаные неясные показания. Но во всяком случае своей вины в систематической спекуляции, в чем они были заподозрены, они не признавали.

Кроме указанного выше, в процессе дознания не было получено решительно ничего, что могло бы расцениваться как бесспорное доказательство вины Павлушиных в спекуляции. Показания того же осодмильца Сыкачева не могут быть в этом смысле приняты в расчет в силу их совершенно очевидной противоречивости. Достаточно сказать, что Сыкачев, дававший показания 15 августа 1934 г. и проработавший к тому времени в качестве осодмильца, как он сам утверждает, «всего несколько дней» и до этого Павлушиных не знавший утверждал, однако, как об известном ему факте, что Павлушины занимаются спекуляцией с начала 1934 г.

Показания же свидетеля Лобанова, соседа Павлушиных, ничего компрометирующего не содержали, наоборот, Лобанов давал о семье Павлушиных прекрасный отзыв.

При наличии такого рода совершенно недостаточных данных дознания Павлушины на следующий же день, 16 августа, в присутствии единственного свидетеля, того же Сыкачева, без прокурора, без защиты, без единой попытки выяснить, что за деньги и продукты были

найлены, у кого, при каких обстоятельствах, без всякого выяснения личности, обвиняемых, были осуждены дежурной камерой нарсуда к 5 годам лишения свободы по ст. 107 УК.

26 августа 1934 г. это дело рассматривалось кассколлегией Мосгорсуда. Кассколлегия не обратила внимание на грубейшее искажение процесса, допущенное судом в этом деле, не указала на недопустимость в силу ст.ст. 361 и 362 УПК рассмотрения такого дела дежурной камерой и оставила в силе приговор. Принимая во внимание семейное положение осужденных — у обоих Павлушиных есть малолетние дети — кассколлегия ограничилась только тем, что заменила лишение свободы им и.т. работами по 1 году.

Павлушины были освобождены, стали отбывать исправительно-трудовые работы и уже отбыли половину срока. Но затем по протесту председателя Мосгорсуда это дело предстало перед президиумом Мосгорсуда. И Мосгорсуд, сочтя возможным по абсолютно не расследованному делу признать в действиях Павлушиных наличие систематической спекуляции, передал дело на новое рассмотрение в кассколлегию, которая 22 марта с. г. восстановила приговор суда о 5 годах лишения свободы.

Считая, что названные выше судебные органы проявили совершенно недопустимое упрощенство, в рассмотрении этого дела, проявив полное непонимание своей задачи жесткой борьбы со спекуляцией, однако культурными методами советского процесса, что никаких оснований для рассмотрения данного дела в дежурной камере не было, что передавать дело на новое расследование теперь по истечении значительного периода является бесцельным, что на основании имеющихся в деле материалов Павлушиным можно поставить в вину лишь действия, предусмотренные ч. 1 ст. 105 УК, и имея в виду личность осужденных (жены рабочих, впервые судимые), приговор суда и все последующие постановления и определения Мосгорсуда по этому делу подлежат отмене, действия Павлушиных надлежит квалифицировать по ч. 1 ст. 105 УК и в части наказания ограничиться отбытием ими сроком лишения свободы и и.т. работами, Павлушину Марию, находящуюся в тюремной больнице, из-под стражи освободить.

Вторая коллегия Верховсуда РСФСР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, определила отменить постановление президиума от 26/II 1935 г. и определение кассколлегии Мосгорсуда от 22/III 1935 г., оставив в силе определение кассколлегии от 26/VIII 1934 г., заменившее лишение свободы Павлушиным и.т. работами и из-под стражи их немедленно освободить.

**

25 октября 1934 г. нарсуд 2 уч. Ленинского района г. Москвы приговорил Постникова А. И. по ст. 109 УК к 2 годам лишения свободы, Мельникову М. С., по ч. 2 ст. 112 УК, Зубкова А. И. по ст. 111 УК к 6 месяцам и.т. работ каждого, Кунина С. И., Панкова В. И., Соколовского И. С. по ст. 111 УК к 1 г. и.т. работ каждого.

Гражданский иск Ленинского общества потребителей был удовлетворен полностью со взысканием солидарно—2765 р. 52 к. с Кунина,

Зубкова и Соколовского, 4463 руб. с Кунина и Соколовского и 1053 руб. с Постникова.

10 ноября 1934 г. КК Мосгорсуда указанный приговор суда был оставлен в силе со следующим изменением его в части гражданского иска: «взыскать с Постникова—3000 руб., с Кунина, Зубкова, Соколовского и Панкова по 700 руб. с каждого.

Прокуратура Союза опротестовала приговор нарсуда и определение КК горсуда в отношении осужденных Панкова и Мельниковой, а определение КК кроме того и в части гражданского иска по следующим основаниям:

С декабря 1933 г. в магазине № 64 был введен количественный и сортовой учет товаров с выдачей товаров из кладовой магазина под отчет продавцам. При этой системе учета ответственными за хранение товаров в кладовой являются кладовщики, а за хранение товаров в магазине продавцы, получившие их в подотчет.

Обнаруженная при проверке и подтвержденная бухгалтерской экспертизой недостача товаров в сумме 6868 р. 65 к. касалась только товаров, хранившихся в кладовой, за какую недостачу и являлись ответственными специально выделенные кладовщики: Кунин, Зубков и Соколовский.

По каким основаниям бухгалтерская экспертиза, а затем и суд, установили ответственность за недостачу товаров, в кладовой заместителей заведующего магазином Панкова и Мельниковой, по материалам дела, выяснить не представляется возможным.

Возбуждая дело о недостаче товаров в кладовой магазина № 64 Ленинское общество потребителей имело в виду ответственность за эту недостачу зав. магазином Постникова и кладовщиков Дунина, Зубкова и Соколовского.

Из материалов дела видно, что кладовая магазина № 64, в которой была обнаружена недостача товаров, была недостаточно оборудована и что учет товаров по новой системе в магазине № 64 велся неудовлетворительно.

В какой мере Панков и Мельникова как заместители зав. магазином являлись ответственными за эти недостачи, судом не установлено, считать же их ответственными за имеющиеся в деле учета и хранения товаров в кладовой магазина упущения, только исходя из служебного положения, не представляется возможным, тем более, что недостача товаров образовалась в течение полуторамесячного срока.

Что касается зав. магазином Постникова, то с его стороны были установлены злоупотребления по службе, в связи с чем он и осужден по ст. 109 УК.

В отношении гражданского иска у КК горсуда не было никаких оснований возлагать большую часть материальной ответственности за недостачу товаров на осужденного Постникова, так как материалами дела вполне установлено, что ответственными за недостачу товаров по кладовой являлись кладовщики.

Поэтому более правильным являлось решение суда I инстанции, по которому 6868 р. 65 к. за недостачу товаров были взысканы с кладовщиков, а 1053 руб. числившиеся лично за завягом Постниковым, были взысканы с него.

Вторая коллегия Верховсуда РСФСР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, определила приговор нарсуда и определение КК Мосгорсуда в части осужденных Панкова и Мельни-

ковой отменить и дело в отношении их производством прекратить, в отношении гражданского иска определение КК Мосгорсуда отменить и оставить в силе в этой части приговор нарсуда.

***

14/XII 1934 г. нарсуд по делам Моснарпита приговорил зав. столовой строительного участка Вахновецкую Этту Абрамовну за превышение цен на обеды к 2 годам лишения свободы условно.

Кассационная коллегия Мосгорсуда определением от 6/I 1935 г. отменила приговор нарсуда за мягкостью избранной судом меры социальной защиты и направила дело на новое рассмотрение.

В результате нового рассмотрения дела 1/II 1935 г. нарсуд приговорил Вахновецкую к 1 г. 6 м. лишения свободы.

Приговор нарсуда был оставлен кассколлекцией в силе.

Прокуратура СССР опротестовала приговор нарсуда по следующим основаниям.

При проверке столовой было установлено, что Вахновецкая при отпуске обедов 27/XI 1934 г. установила цену за гороховый суп 27 коп. вместо полагающихся 17 и за пшенную запеканку 39 коп. вместо 29 коп. Благодаря этому с рабочих было перебрано 32 р. 50 к.

По показаниям Вахновецкой и свидетельницы Рязанцевой, превышение цен явилось следствием того, что в этот день Вахновецкая и Рязанцева, получая обеды на фабрике-кухне, вабыли взять накладную. Возвратиться за накладной из столовой Вахновецкая не могла, так как фабрика-кухня задержала в этот день выдачу обедов на 1½ часа (показания на суде свидетеля Рыбина), и Вахновецкая из-за этого приехала с обедами на участок к самому моменту открытия столовой. Она послала работницу Рязанцеву (по вине которой накладная была оставлена) съездить за накладной, но Рязанцева не поехала, так как должна была приступить к отпуску обедов (показания на суде свидетельницы Рязанцевой). Справиться о цене на отпущенные фабрикой-кухней блюда другим способом Вахновецкая не могла, так как в столовой не было телефона, а фабрика-кухня находилась от столовой на расстоянии 6 километров (показания на суде свидетеля Рыбина, производившего проверку столовой). Задержать выдачу обедов Вахновецкая также не могла, так как рабочие приходили обедать в свой перерыв и, конечно, не имели возможности ждать.

Ошибка при назначении цен на суп и пшенную запеканку объясняется тем, что именно эти блюда за все время работы Вахновецкой ни разу в столовую не отпустились, и Вахновецкая не могла знать обычную их цену. Но за два месяца до этого в столовую была отпущена картофельная запеканка по цене 39 коп. (справка фабрики-кухни). При вынужденном ориентировочном назначении цены на пшенную запеканку Вахновецкая естественно назначила эту именно цену. На другие блюда как поступавшие ежедневно повышения цен не было. Наоборот, на одно из блюд цена была назначена ниже действительной (показания свидетеля Рыбина в протоколе первого судебного

заседания). Перебранные с обедающих деньги Вахновецкая сдала в кассу. На следующий день эти деньги были возвращены рабочим путем соответствующего понижения отпускной цены на блюдо (см. справка строительства).

Таким образом из всех материалов этого дела с очевидностью вытекает, что в действиях Вахновецкой не было ни умысла, ни корыстности, ни систематичности. Иначе говоря, не было ни одного из моментов, которые дают основание для привлечения к уголовной ответственности, в частности за превышение цен. При этом необходимо учесть, что ущерба от действий Вахновецкой обедающие не понесли (перебор возвращен). Утверждения нарсуда о том, что Вахновецкая накладную взяла или что она имела возможность съездить за ней, не только ни на чем не основаны, но противоречат всем материалам дела.

Президиум Мосгорсуда, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил приговор нарсуда от 1 февраля 1935 г. и определение кассколлекции Мосгорсуда от 14 февраля 1935 г. отменить и дело по обвинению Вахновецкой производством прекратить за отсутствием состава уголовного преступления.

***

Народный суд 1 участка г. Махач-Кала осудил по ст. 58⁷ УК к 10 годам лишения свободы налогового инспектора Махач-Калинского горфо Алехина А. П. Кассколлегия Даггласуда переквалифицировала деяние Алехина на ст. 109 УК, снизила ему наказание до 3 лет лишения свободы.

Прокуратура Союза опротестовала приговор по следующим основаниям:

Народный суд признал Алехина виновным в систематических хищениях со склада финотдела разных ценных предметов: ковров, мануфактуры и т. д., в подлогах, совершенных в целях присвоения денежных сумм, в спекуляции и т. д.

Несмотря на всю серьезность предъявленного Алехину обвинения, нарсуд не указал ни одного конкретного случая из приписываемых Алехину преступлений. В материалах предварительного следствия имеются указания на ряд незаконных действий, совершенных Алехиным; однако суд не проверил ни одного из этих указаний за исключением эпизода с ковром.

На предварительном следствии Алехину было предъявлено обвинение в присвоении ковра. Алехин в суде признался в покупке на складе горфо этого ковра, никаких данных о хищениях нескольких ковров не было добыто ни предварительным, ни судебным следствием, однако суд признал его виновным в хищении ковров.

Предварительным следствием устанавливалось пьянство Алехина за счет средств горфо с работниками, ведущими работу по борьбе с нелегальной торговлей, расходы эти оформлялись путем подлогов; нарсуд признал виновным Алехина в этих подлогах, не проверив данных предварительного следствия и не заинтересовавшись, кто именно пьянствовал с Алехиным за счет государственных средств.

Обвинение Алехина в связи с частниками также не конкретизировано. На судебном

следствии этому вопросу внимания не было уделено, и все же нарсуд нашел возможным включить это обвинение в приговор.

Обращает на себя внимание грубая небрежность, допущенная судом в отношении материалов дела, — протокол судебного заседания велся крайне небрежно, подшит к делу неполностью, вместе с тем в деле имеется два листа протокола, относящихся, видимо, к другому делу. Это обстоятельство вызывает не-

обходимость в пересмотре дела, так как имеющийся протокол заседания не дает полной картины судебного следствия.

Коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, определила: приговор нарсуда и определенное кассколлегии Дагестанского главсуда отменить и дело обратить к новому рассмотрению со стадии предварительного следствия через Прокуратуру РСФСР.

В институте уголовной политики

О лаборатории научно-судебной экспертизы

Ни по одному вопросу в работе органов юстиции мы не видели такого единодушия, как в факте признания, что самым слабым участком органов юстиции является народный следователь. На конференциях, собраниях или просто в беседе каждый оратор стремится подобрать особо колоритный материал в доказательство плохой следственной работы. Задача эта очень простая, потому что на это не надо ни времени, ни умения: примеры плохой работы имеются почти в каждом деле.

Но вот как реально помочь народному следователю выйти на широкую дорогу научной постановки расследования преступлений, вооружить следователя знаниями и аппаратурой современной борьбы с преступностью—об этом говорят мало.

Развитие советской общей техники гигантски шагнуло вперед. Заводские лаборатории, лаборатории научно-исследовательских институтов в области химии, физики и биологии, делая все новые и новые открытия, дают возможность неизмеримо обогатить арсенал методов раскрытия преступлений, поднять технику расследования на уровень современной науки.

На основе достижений химии можно с абсолютной научной достоверностью производить исследование пыли, почвы, различных пятен, ядов и т. д. А это иногда в деле раскрытия преступлений окажется решающим. Пыль, осевшая в ушах во время подкупа магазина, грязь под ногтями—все это может быть абсолютно достоверными доказательствами, но для правильного использования их нужна современная техника, нужны люди, обладающие этими знаниями.

Такие возможности дает современная наука. Но для нашего следователя эта возможность еще не стала действительностью. Его единственными средствами остаются плохая бумага (да и той порой нет) и чернила. Пишет, допрашивает. Допрашивает, пишет. Вот и все. Вещественные доказательства, порой и добытые, некуда направить на исследование. Обнаружить и сохранить следы преступления нехватает иногда знания, а чаще всего средств.

Главное для работы расследования — это

обнаружить и сохранить следы преступления. Привлечь во время эксперта. Сам следователь должен быть всегда вооружен хорошим фотоаппаратом, специальной аппаратурой, сантиметром, электрофонарем, принадлежностями для проявления и снятия пальцевых отпечатков. И, главное, хорошо быть знакомым с основами этой техники.

Все эти положения давно уже являются аксиомами для работника расследования, но наш следователь обо всем этом только мечтает.

Нужно прежде всего перейти от слов к делу и серьезно заняться вооружением нашего следователя знаниями и средствами научной борьбы с преступностью.

Исходя из всего этого, нужно особенно приветствовать начинание Института уголовной политики, организовавшего лабораторию научно-судебной экспертизы. Организацией лаборатории положен первый камень действительной борьбы за поднятие качества работы следователя.

К настоящему времени приобретена основная аппаратура и лаборатория считается открытой. На первый период к разработке намечено две темы: 1) разработка вопроса об использовании пальцевых отпечатков, оставленных на шероховатых поверхностях, и о закреплении следов пальцев рук, проявленных на бумаге; 2) использование невидимых лучей в качестве метода исследования вещественных доказательств.

Наличие имеющегося оборудования лаборатории и специальных приборов обеспечивают возможность производить следующие виды экспертизы:

1. Установление личности писавшего документ путем сравнительного исследования почерка.

2. Обнаружение и фиксирование подделок, выполненных путем выскабливания, травления, подчисток, подправок и т. п.

3. Восстановление текстов, удаленных в целях подделок механическим или химическим путем.

4. Выявление текстов, закрытых различными красящими веществами.

5. Выявление текстов, написанных секретными чернилами.

6. Установление разницы во времени написания отдельных частей документа.

7. Установление подделок подписей, выполненных путем подражания обычным подлинным подписям, копировки с подлинных подписей и т. д.

8. Установление подлинности или поддельности оттисков печати, штампов и т. п.

9. Установление тождества или отсутствия тождества бумаги или чернил а также тождества отдельных частей бумаги по линиям отрыва.

10. Обнаружение и закрепление следов пальцев, оставленных на документе.

11. Доказательство злоумышленного вскрытия пакетов и пр.

Главная цель лаборатории—это ее научно-исследовательская работа. Производство отдельных экспертиз будет производиться в о-

граниченном порядке по требованию Прокуратуры Союза, НКЮ РСФСР и верховных судебных органов союзных республик.

Кроме этого лаборатория будет издавать аннотации статей, помещенных в иностранных журналах по вопросам техники расследования. Эти аннотации ставят целью ознакомление наших следственных работников с достижениями европейской и американской уголовной техники.

Большое препятствие в деле развертывания работы лаборатории—это отсутствие достаточного количества подготовленных кадров и средств. В этом отношении Прокуратура Союза и НКЮ РСФСР должны пойти навстречу институту и создать все возможности для более плодотворной работы лаборатории.

В борьбе за повышение качества следственной работы лаборатория может сыграть не последнюю роль.

С. Митричев.

Официальный отдел

ПОСТАНОВЛЕНИЕ КОМИССИИ СОВЕТСКОГО КОНТРОЛЯ ПРИ СНК СССР

О травле начальника станции Севастополь
т. Сахновского

Комиссия советского контроля считает установленным что выявленные уполномоченным КСК по Крымской АССР факты травли начальника станции Севастополь т. Сахновского со стороны прокурора б эксплуатационного отделения Екатерининской ж. д. Орлова, следователя Скибы и б. соцсовместителя Мазина полностью подтвердились.

Вместо помощи и поддержки молодого специалиста, инженера Сахновского, который вывел станцию Севастополь из прорыва на первое место по району, тт. Орлов и Скиба вмешались в его практическую работу и завели без всяких на то оснований на работников станции уголовное дело с целью дискредитации т. Сахновского.

Комиссия советского контроля постановляет:

1. За организацию травли молодого специалиста—начальника станции Севастополь т. Сахновского—прокурора б эксплуатационного отделения т. Орлова с работы снять и запретить ему работать в судебно-следственных органах в течение двух лет.

2. За травлю т. Сахновского и за грубое нарушение единоначалия следователя прокуратуры б эксплуатационного отделения Скибу с работы снять и запретить ему работать в судебно-следственных органах.

3. Принять к сведению, что постановлением уполномоченного КСК по Крымской АССР начальник группы снабжения вагонного участка Мазин (б. соцсовместитель) за травлю Сахновского и за грубое нарушение единоначалия, выразившееся в вызове на допрос в служебное время оперативных работников без согласия начальника станции, снят с работы. Запретить Мазину работать в судебно-следственных органах.

Председатель Комиссии советского контроля при СНК СССР Н. Антипов
Секретарь бюро Комиссии советского контроля Манфред

22 августа 1935 г.
№ 401.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ КОМИССИИ СОВЕТСКОГО КОНТРОЛЯ ПРИ СНК СССР

О результатах проверки прохождения жалоб в
Верхсуде и Прокуратуре РСФСР

Повторная проверка, проведенная Бюро жалоб комиссии советского контроля показала, что работа с жалобами трудящихся в прокуратуре и Верхсуде РСФСР хотя и улучшилось, но должным образом еще не упорядочена: до сих пор имеют место факты возмутительной волокиты с рассмотрением жалоб, посланных в областные и краевые органы (облсуды Ивановско-Промышленной, Курской и др. областей, прокуратура Куйбышевского края, Челябинской обл. и др.), где предложения и напоминания центральных органов юстиции по жалобам г.г.р. Филиппенкова, Тихомирова, Коротковой, Суровой, Астанина, Безина, Дядковского и т. д. безнаказанно игнорируются в течение 6—10

месяцев и более. Недопустимая медлительность с рассмотрением жалоб в местных и центральных органах юстиции вынуждает жалобщиков в массовом количестве обращаться в другие центральные органы (Комиссию советского контроля, редакции газет и т. д.). Наркомюст РСФСР, получая по целому ряду конкретных жалоб сигналы о неудовлетворительной работе и недисциплинированности своих местных органов, не принял исчерпывающих мер к изжитию этих недостатков.

Комиссия советского контроля постановляет:

1. Принять к сведению заявление наркома юстиции РСФСР т. Крыленко, прокурора РСФСР т. Антонова-Овсеенко и зам. председателя Верховного суда РСФСР т. Бермана, что ими будут приняты срочные меры к улучшению учета и контроля за разрешением жалоб, поступающих в Прокуратуру и Верховный суд, и обеспечению в дальнейшем четкой, бесперебойной работы с жалобами трудящихся как в центральных, так и местных органах юстиции.

2. Обязать т. Крыленко через два месяца доложить Комиссии советского контроля о принятых мерах по упорядочению разбора поступающих в НКЮ РСФСР жалоб и укреплению дисциплины в областных и краевых органах юстиции.

Председатель Комиссии советского контроля при СНК СССР Н. Антипов
Секретарь бюро Комиссии советского контроля Манфред

25 августа 1935 г.
№ 402.

О КОНТРОЛЕ ЗА ПРОХОЖДЕНИЕМ ПРОТЕСТОВ ПРОКУРАТУРЫ

Расследованием заметки газеты «Правда» от 17 мая 1935 г. «Семья выселена на улицу», произведенным Прокуратурой Союза, установлено: семья Сухаревского по решению народного суда 6 района г. Днепрпетровска, состоявшемуся в апреле 1934 г., выселена 8 мая с. г. на улицу. В свое время в июле 1934 г. пом. облпрокурора т. Титов выселение Сухаревского приостановил и принес протест на решение нарсуда и облсуда в Верховный суд Украины.

Дальнейшее движение дела и решения по нему прошли мимо прокуратуры, в результате чего прокуратура только после выселения Сухаревского с семьей узнала о неудовлетворении своего протеста в Верховном суде Украины и о приведении решения нарсуда в исполнение и встала, таким образом, перед необходимостью— или игнорировать решение Верховного суда и вселить выселенного обратно или «протестовать» уже после выселения и нахождения выселенной семьи на улице.

Растерянностью прокуратуры перед этим фактом и объясняется то, что семья Сухаревского 10 дней проживала на тротуаре улицы даже во время дождей; выселенный Сухаревский, обращаясь в прокуратуру, получал в ответ: «ничего не можем сделать, есть решение Верховного суда».

Таким образом принесенный раз протест, не обеспеченный надзором и наблюдением за прохождением его в дальнейшем, ничего не дал кроме затяжки дела.

А между тем контроль за прохождением своих протестов является элементарнейшей обязанностью прокуратуры.

Обращая внимание на вышеизложенное, пом. облпрокурора т. Титову ставлю на вид.

Прокурору области т. Ахматову предлагаю проверить работу отдела прокуратуры по судбытовому сектору и в частности надзор прокуратуры по жилищным делам.

Требую от всех работников прокуратуры тщательного разбора всякого рода жалоб и заявлений трудящихся. Дела, по которым прокуратура опротестовывает те или иные решения судорганов, должны быть под повседневным наблюдением со стороны прокуратуры, обязанной твердо и до конца проводить раз начатое дело.

Прокурор Союза ССР А. Вышинский

7 августа 1935 г.

№ 433.

О БОРЬБЕ СО СДАЧЕЙ ЗАСОРЕННОГО ЗЕРНА

Ряд директоров зерносовхозов, злоупотребляя предоставленным им правом сдачи зерна из-под комбайнов без ограничения процента сорности, не производя никакой очистки зерна, сдавали на заготовительные пункты зерно с громадной засоренностью в 30—40 и даже 50 процентов.

Приказываю:

1. Обеспечить по линии подведомственной вам прокуратуры привлечение к уголовной ответственности всех тех директоров совхозов, которые допустят злоупотребление предоставленным им правом сдачи зерна из-под комбайнов без ограничения процента сорности и доставят на заготовительные пункты зерно с большим процентом сорности.

2. Прокурорам Донецкой, Воронежской и Одесской областей не более чем в декадный срок закончить расследование и привлечь к уголовной ответственности за сдачу засоренного зерна директоров:

а) по Донецкой области—Еленовского зерносовхоза—Панченко.

б) по Воронежской области—Калачеевского зерносовхоза—Иванов.

в) по Одесской области—Вознесенского зерносовхоза—Вабиров.

Перечисленным выше областным прокурорам, а также всех других виновных в этом деле лиц предлагаю к 25 августа представить в Прокуратуру Союза обвинительное заключение по этим делам, обеспечив рассмотрение этих дел в суде не позднее чем через три дня после их сдачи в суд, представив в Прокуратуру Союза по рассмотрении этих дел в суде копию приговоров.

Прокурор Союза ССР А. Вышинский

13 августа 1935 г.

№ 442.

О НАДЗОРЕ ЗА ПРИВЕДЕНИЕМ В ИСПОЛ- НЕНИЕ СУДЕБНЫХ ПРИГОВОРОВ

При расследовании прокурором сектора надзора за местами лишения свободы т. Сорокиным случаев неисполнения приговоров РУМ и ОИТР Елецкого района, указанных в письме от 23 мая 1935 г. пред. дорожного суда М.-Д. ж. д. т. Менделеевой установлено, что несвоевременность исполнения приговоров наблюдалась не только в РУМ и нарсудах Елецкого

района, но и в дорожных судах магистральной М.-Д. ж. д., которые направляли копии приговоров для исполнения с большим опозданием, т. е. спустя 2—3 месяца после вынесения приговора, как, например:

1) 14 июня 1934 г. линсуд магистральной М.-Д. под председательством Драчевой приговорил к 5 годам лишения свободы Мокроусова С. Ф. Приговор для исполнения направлен в РУМ только 17 декабря 1934 г. (за № 689). РУМ же ограничился тем, что запросил адресный стол, не проживает ли в г. Ельце Мокроусов и, получив 22 декабря 1934 г. ответ, что таковой в Ельце не проживает, никаких мер к объявлению союзного розыска не принимает.

2) 17 февраля 1934 г. тот же суд под председательством Мельникова приговорил к 3 годам лишения свободы Иванова И. Н. Приговор для исполнения направлен в РУМ 5 апреля 1934 г. (за № 6—23), что сделано РУМ по розыску Иванова—до 1 августа 1934 г. не установлено, а с 1 августа по 17 сентября 1934 г., РУМ выяснил, живет ли Иванов в г. Ельце или в Ефремове, а потом, приблизительно в декабре 1934 г., объявил активный розыск.

3) 19 августа 1934 г. этим же линсудом под председательством Малышиной была приговорена к 2 годам лишения свободы Лельгина З. С. Приговор для исполнения направлен в РУМ 2 октября 1934 г. РУМ же разыскивал осужденную на ее квартире и в Лавском карьере (за 5 км от Ельца) в течение двух недель, т. е. до 17 октября 1934 г. и только 27 декабря 1934 г. объявил активный розыск.

4) Приговором выездной сессии дорсуда М. Д. от 20 декабря 1934 г. приговорен Шепелев Н. Д. к 2 годам лишения свободы и 28 декабря 1934 г. заключен под стражу. Дорсуд, не проверив исполнения приговора, прислал 21 февраля 1935 г. копию приговора и требует немедленно арестовать Шепелева, давно уже находящегося под стражей.

5) 25 декабря 1933 г. нарсудом Елецкого района под председательством Дежкиной приговорен Стельнихин В. И. к 1 году и-т. работ. Приговор для исполнения направлен в РУМ 25 февраля 1934 г.; приведен ли приговор в исполнение, установить не удалось.

6) 3 января 1934 г. нарсудом Елецкого района под председательством Оборотова приговорен к 3 годам лишения свободы Боев А. В. Приговор для исполнения направлен в РУМ 20 февраля 1934 г.; 22 февраля 1934 г. поручено уч. инспектору выяснить местонахождение Боева, и только к 31 марта этого же года уч. инспектор сообщил, что осужденный проживает в М. Боевском сельсовете.

7) 22 ноября 1933 г. нарсуд Елецкого района осудил к 5 годам лишения свободы Иванова И. М. по ст. 107 УК. Приговор направлен в РУМ для исполнения 8 января 1934 г. РУМ же получил справку у жены осужденного, что последний дома не проживает (22 января 1934 г.). Какие в дальнейшем были приняты меры со стороны РУМ по розыску Иванова И. М. и приведен ли приговор в исполнение—установить не удалось.

8) 25 апреля 1934 г. РУМ получил приговор нарсуда Елецкого района, по которому был приговорен к 5 годам лишения свободы Шилов О. М. 27 апреля 1934 г. было поручено уч. ин-

спектору выяснить местонахождение Шилова, уч. инспектор сообщил только 30 мая 1934 г. о том, что разыскиваемый не проживает в Ламской слободе (Ламская слобода расположена близ г. Ельца в 1—2 км), а проживает в рабочем городке (окраина города); тогда было поручено второму инспектору Багатыреву разыскать Шилова. Этот же инспектор сообщил только в июне 1934 г. о том, что (со слов проживающего там гражданина) Шилов в рабочем городке не проживает.

9) 23 декабря 1934 г. нарсудом Елецкого района под председательством Горбовского был приговорен к 2 годам лишения свободы Онищенко Н. В. Приговор был направлен в РУМ для исполнения 10 января 1935 г., справка о том, что разыскиваемый не находится в г. Ельце, получена в адресном столе 14 января 1935 г. (адресный стол находится в одном помещении с милицией). Какие были приняты действия со стороны РУМ в дальнейшем о приведении приговора в исполнение установить не удалось.

Несмотря на эту недопустимую бюрократическую волокиту со стороны дорсуда М.-Д. ж. д., нарсуда и РУМ Елецкого района по столь серьезному вопросу, как исполнение приговора, прокурор Елецкого района и прокурор дороги М.-Д. ж. д. не предприняли никаких мер к устранению этих ненормальностей.

На основании этого **приказываю:**

1. Указать облпрокурору Воронежской области т. Андрееву на недопустимость отсутствия надлежащего прокурорского надзора со стороны прокурора Елецкого района за проведением приговоров в исполнение.

2. Предложить т. Андрееву срочно расследовать факты несвоевременного исполнения приговоров в РУМ и ОИТР Елецкого района и привлечь виновных к ответственности.

3. За полное отсутствие прокурорского надзора за исполнением приговоров нарсуда Елецкого района и линейного суда М.-Д. ж. д. прокурору Елецкого района т. Кухтину объявить выговор.

Обязать прокурора М.-Д. ж. д. т. Эньякова обеспечить своевременное исполнение приговоров линсуда.

Прокурор Союза ССР А. Вышинский

14 августа 1935 г.

№ 444.

О СВОБОДНОЙ ПРОДАЖЕ УЧЕБНИКОВ

7 августа 1935 г. принято постановление Совета народных комиссаров СССР и Центрального комитета ВКП(б) об издании и продаже учебников для начальной, неполной средней и средней школ.

Во исполнение этой директивы партии и правительства предлагаем:

1) Во всех случаях продажи учебников с повышением установленных на них цен привлекать виновных по ст. 105 УК РСФСР и соответствующим статьям УК союзных республик, а если виновными являются должностные лица—по ст. 109 УК РСФСР и соответствующим статьям УК союзных республик.

2) К случаям систематической перепродажи учебников по спекулятивным ценам в отношении частных лиц применять ст. 107 УК

РСФСР и соответствующие статьи УК союзных республик.

3) Наблюдать за своевременным выполнением постановления правительства об организации открытой продажи учебников с 15 сентября 1935 г. и недопущением случаев закрытого распределения учебников в школах, привлекая в необходимых случаях виновных должностных лиц по ст.ст. 109 или 111 УК РСФСР и соответствующим статьям УК союзных республик.

О всех конкретных делах, возбуждаемых в порядке применения настоящего циркуляра, сообщить мне спецдонесениями.

Прокурор Союза ССР А. Вышинский

14 августа 1935 г.

№ 80/21.

О НЕОПУБЛИКОВАНИИ ХОЗОРГАНАМИ СВОИХ ГОДОВЫХ БАЛАНСОВ

В связи с запросами с мест о том, как надлежит органам прокуратуры реагировать на неопубликование хозорганами своих годовых балансов, предлагаю дать по линии прокуратуры следующие указания:

Согласно постановлению СНК СССР 7 августа 1931 г. «О порядке опубликования годовых балансов» (СЗ 1931 г. № 50, ст. 329) неопубликование хозорганами своих годовых балансов может иметь место лишь в случаях освобождения их от обязательного опубликования балансов соответствующими ведомствами по соглашению с НКФ Союза ССР.

Ввиду этого и во всех случаях, когда неопубликование баланса допускается хозорганами самовольно, без соответствующего разрешения со стороны ведомственного руководства или же вопреки требованию последнего, надлежит виновных в том должностных лиц привлекать к ответственности, тем более в случаях, когда самовольное неопубликование баланса связано с тем или иным преступлением в данном хозоргане и служит благоприятным условием или способом для сокрытия злоупотреблений, бесхозяйственного ведения дел в хозоргане и т. п.

При этом в случаях, когда неопубликование баланса связано с причинением государству вреда и ущерба, за неопубликование баланса следует привлекать к уголовной ответственности по соответствующим статьям о должностных преступлениях, в остальных же случаях — к дисциплинарной.

Прокурор Союза ССР А. Вышинский

17 августа 1935 г.

№ 85/5.

О СПЕЦИАЛЬНЫХ ДОНЕСЕНИЯХ

Распоряжением Прокуратуры Союза ССР № 37/20, 25 апреля 1935 г. было предложено прокурорам союзных республик ввести в практику своей оперативной работы предоставление специальных донесений о всех наиболее крупных преступлениях и нарушениях социалистической законности. Между тем этому важнейшему виду информации не уделено должного внимания, в то время, как именно этот вид донесений является самым оперативным, дает наилучшую возможность правильно ориентиро-

ваться и ориентировать вышестоящую инстанцию, своевременно давать требуемые указания и входить в директивные органы с соответствующими предложениями.

Наиболее аккуратно поступают спецдонесения от прокурора г. Москвы (т. Филиппов), Саратовской крайпрокуратуры (т. Пригов), Одесской облпрокуратуры (т. Турин) и прокуратуры БССР (прокурор республики т. Кузьмин), работу которых в этом направлении считаю необходимым особо отметить.

От большинства же прокуратур союзных республик, краев и областей в Прокуратуру Союза спецдонесения совершенно не поступают, ввиду чего вторично предлагаю вам ввести в систему своей оперативной работы постоянное представление спецдонесений в Прокуратуру Союза, отдавая этому виду информации главенствующую роль.

Вам надлежит обеспечить систематическое получение с мест и представление в Прокуратуру Союза ССР спецдонесений о крупных преступлениях (терракты, диверсии, крупные контрреволюционные преступления, крупные хищения, катастрофы, аварии, крупные поджоги, массовые отравления и т. п.), о всех наиболее крупных нарушениях законности (массовые обыски, массовые незаконные аресты, извращения штрафной политики, вмешательство в оперативную работу прокуратуры руководящих партийных и советских органов и т. п.) и о всех случаях привлечения к уголовной ответственности судебнопрокурорских и следственных работников.

Спецдонесения должны направляться в адрес сектора учета и информации Прокуратуры Союза ССР в двух экземплярах и с заголовком спецдонесение или непосредственно на мое имя, в зависимости от важности донесения.

В спецдонесениях должны быть сжато освещены следующие вопросы:

- а) в чем состояло данное нарушение законности или преступления,
- б) кем оно совершено,
- в) каким образом оно было обнаружено,
- г) что предпринято прокуратурой,
- д) дополнительные сведения.

В отношении 10 районов, перечисленных в распоряжении № 37/20, которым в виде опыта предложено ввести спецдонесения на основе особой системы оперативной информации по форме № 2 (см. II раздел инструкции), следует иметь в виду, что этот метод учета благодаря своей оперативности и законченности является наиболее целесообразным, и результаты проводимого нами опыта учета дел в указанных 10 районах будут служить основой реорганизации учета дел всей прокуратуры на 1936 г. ввиду чего предлагаю обеспечить бесперебойное представление этого вида отчетности на оставшийся отрезок текущего года.

Прокурор Союза ССР А. Вышинский

19 августа 1935 г.

№ 91/20.

О НЕЗАКОННЫХ ВЫСЕЛЕНИЯХ УЧРЕЖДЕНИЙ ГЛАВСПИРТА

По имеющимся в распоряжении Прокуратуры Союза материалам видно, что в ряде районов СССР местные исполкомы в явное

нарушение постановления СНК 15 мая 1935 г., запрещающего выселение и перевод торговых предприятий Главспирта из занимаемых ими помещений, производят незаконное выселение указанных предприятий, причем выселения зачастую сопровождаются взламыванием замков, выбрасыванием продукции на улицу или переброской продукции в непригодные помещения.

На указанные незаконные действия органы прокуратуры надлежащим образом не реагируют, виновных к ответственности не привлекают и не принимают мер к возвращению предприятиям Главспирта незаконно отобранных у них помещений.

Предлагаю прокурорам союзных республик дать подведомственным прокурорам указания на необходимость решительной борьбы прокурорских органов с нарушениями местными исполкомами постановления СНК, запрещающего выселение и переселение магазинов и баз Главспирта из занимаемых ими торговых помещений, неуклонно опротестовывая незаконные постановления риков и привлекая к ответственности, в подлежащих случаях, лиц, виновных в указанных нарушениях.

Заместитель прокурора Союза ССР
Г. Рогинский

20 августа 1935 г.
№ 88/10.

О ВЗЫСКАНИИ ФИНОРГАНАМИ НЕДОИМОК С ДЕБИТОРОВ НЕДОИМЩИКА

Согласно ст. 26 Положения о взыскании налогов и неналоговых платежей, утвержденного ЦИК и СНК Союза ССР 17 октября 1932 г., и ст. 18, изданной в развитие этого положения инструкции Наркомфина СССР 14 апреля 1935 г. за № 309, финорганам предоставлено право, при наличии недоимок по налогам, обращаться в беспорядном порядке взыскание на счета дебиторов недоимщика, при условии, если дебиторы признают свой долг.

На практике, однако, наблюдаются случаи, когда финорганы по претензиям к недоимщику накладывают аресты на расчетные счета дебиторов недоимщика, не проверив наличия дебиторской задолженности и признания ее со стороны дебитора.

Например, Борисовское райфо (БССР) по претензии к Консбыту взыскал с орс Борисовского Леспромхоза 11 954 руб. по счету Консбыта, несмотря на то, что орс от акцепта этого счета отказался, так как товар им не был заказан.

Петриковский райфо (БССР) накладывал аресты по недоимкам на расчетные счета покупателей, отрицавших какую-либо задолженность недоимщикам.

В целях пресечения подобного рода незаконных действий финорганов поручаю вам:

1. Установить наблюдение за тем, чтобы органы, которым предоставлено право взыскания в беспорядном порядке налоговых и неналоговых платежей, накладывали аресты на расчетные счета дебиторов недоимщика лишь в случае признания дебитором своей задолженности, либо при наличии у недоимщика исполнительного документа по этой задолженности.

2. Приостанавливать и опротестовывать всякого рода распоряжения об аресте и обращении

взысканий на счета дебиторов недоимщика при отсутствии указанных в предшествующем случае условий.

3. Обеспечить внеочередное разрешение органами суда имущественных споров, возникающих при обращении взыскания на имущество дебитора недоимщика (ст. 27 Положения о взыскании налогов и разъяснение 42 пленума Верховного Суда Союза ССР по вопросу о применении мер беспорядного взыскания к третьим лицам, у которых находится имущество неплательщика страховых взносов от 25 февраля 1933 г.).

Заместитель прокурора Союза ССР
Г. Рогинский

20 августа 1935 г.
№ 89/8.

О НЕПРАВИЛЬНОМ РАСХОДОВАНИИ ДОРОЖНЫХ СРЕДСТВ

По сведениям, имеющимся в Прокуратуре Союза, несмотря на категорическое запрещение расходования дорожных средств на какие-либо другие цели (инструкция Цудортранса НКЗема и НКФ СССР, утвержденная СТО 15 сентября 1932 г., Бюлл. Цудортранса № 9—12 за 1932 г.), в ряде мест эти средства расходуются на нужды, ничего общего не имеющие со строительством дорог.

Так, за 1934 г. по 17 только областям и краям Союза из дорожных средств израсходовано 13 878 000 руб. Средства эти тратились на покупку легковых автомобилей и велосипедов, на строительство различных зданий, проведение телеграфа, покупку бланков для колхозов и даже на покрытие дефицита по районному бюджету.

Незаконное расходование дорожных средств продолжается и в 1935 г. Так, по восьми районам Воронежской области израсходовано не по назначению 52 780 руб.; в Аткарском районе Саратовского края — 22 870 руб. и в Шуфаринском районе Таджикской ССР — 5700 руб.

В то же время прокуратура на местах слабо борется с такими нарушениями закона. Незаконное постановление райисполкомов своевременно не опротестовывается, виновные в незаконном расходовании дорожных средств остаются безнаказанными, за выполнением постановлений край(обл)исполкомов о восстановлении незаконно истраченных средств прокуратура не наблюдает.

Предлагаю:

1. Опротестовывать все постановления райисполкомов о незаконном расходовании дорожных средств, добиваясь отмены таких постановлений и возвращения неправильно израсходованных средств.

2. Лиц, виновных в незаконном расходовании дорожных средств, привлекать к ответственности.

3. О всех случаях отклонения протестов немедленно сообщать Прокуратуре Союза.

И. о. прокурора Союза ССР
Г. Рогинский.

27 августа 1935 г.
№ 92/21.

ПРИКАЗ ПО ПРОКУРАТУРЕ СОЮЗА ССР

25—31 сего августа в г. Баку происходил судебный процесс по обвинению командования парохода «Совет» и ряда других должностных лиц Каспийского флота в преступлении, предусмотренном ст. 79^а УК АзССР, связанном с гибелью танкера «Советский Азербайджан».

Считаю необходимым отметить высокое качество проведенного прокуратурой бассейна Каспийского моря (т.т. Альтшуллер и Гаркави) под руководством и при непосредственном участии прокурора Водной транспортной прокуратуры Союза ССР тов. Лупилова предварительного расследования.

Именно это высокое качество предварительного расследования, несмотря на некоторые второстепенные дефекты, позволило быстро и исчерпывающим образом провести судебное следствие и самый процесс в целом.

За успешное проведение предварительного следствия выражаю благодарность т.т. Лупилову, Альтшуллеру и Гаркави.

Особо считаю необходимым отметить также работу, проведенную в связи с этим делом главным прокурором по водному транспорту т. С. А. Янским, не только оперативной и систематической руководившим подготовкой этого ответственного дела к судебному рассмотрению, но и проявившим большую энергию и знание дела в ходе самого судебного процесса.

Имея в виду большое значение этого процесса для поднятия дисциплины и укрепления более ответственного отношения работников водного транспорта к своим служебным обязанностям, предлагаю прокурорам Водной транспортной прокуратуры оказать необходимое содействие политотделам водного транспорта при изучении материалов этого дела на собраниях команд и других должностных лиц водного транспорта.

О своих мероприятиях в этом направлении предлагаю мне сообщить не позже 5 октября с. г.

Прокурор Союза ССР А. Вышинский
9 сентября 1935 г.
№ 485.

О ВЫПОЛНЕНИИ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА 11 АВГУСТА 1935 г.

По имеющимся в Прокуратуре Союза данным, на местах идет крайне неудовлетворительная работа по выполнению постановления правительства 11 августа. В ряде случаев, вместо точного применения постановления 11 августа и немедленного освобождения всех осужденных, подпадающих под действие этого постановления, прокуроры входят в рассмотрение всякого рода вопросов, связанных с существом преступлений, за которые в свое время эти лица были осуждены, ставя само применение постановления 11 августа в зависимости от тех или других, обстоятельств, установленных в судебном приговоре по данному делу.

Особо обращаю внимание на недопустимо медленную работу по выполнению пункта 3 этого постановления.

Предлагаю:

1. Не допускать никакого ограничительного толкования постановления 11 августа.
2. Обеспечить срочное окончание работы по

применению постановления 11 августа и о результатах этой работы представить отчет в Прокуратуру Союза и прокурорам союзных республик не позже 1 ноября с. г.

3. Ввиду истечения установленного пунктом 3 этого постановления месячного срока для представления на рассмотрение ЦИК союзных республик списков лиц, осужденных за аналогичные преступления и подлежащих в силу настоящего постановления освобождению от дальнейшего наказания и снятию судимости и всех связанных с их осуждением правоограничений, в декадный срок представить отчет о проделанной в этом направлении работе.

4. На начальника отдела по наблюдению за ИТУ т. Зорина возлагаю надзор за точным и своевременным выполнением этого приказа.

Прокурор Союза ССР А. Вышинский
17 сентября 1935 г.
№ 97/1.

О ДЕЛЕ РАБОТНИКОВ ФАБРИКИ ИЗОПЛИТ

При просмотре следственного дела по обвинению бывших строителей и руководителей Свердловской фабрики Изоплит, затребованного в порядке надзора Прокуратурой Союза ССР, установлено, что работники Свердловской городской прокуратуры допустили безобразную волокиту в расследовании этого дела, вследствие чего дело, возбужденное в январе с. г., не было закончено расследованием до настоящего времени:

Прокурор г. Свердловска т. Крепышев, получив 7 января с. г. из Главторфа материал о положении Свердловской фабрики Изоплит, 21 января направил этот материал прокурору Сталинского района г. Свердловска для производства расследования.

Пом. прокурора Сталинского района т. Стронгин резолюцией своей 8 марта предложил нарследователю Сталинской прокуратуры т. Плехову дело расследовать и виновных привлечь к ответственности.

С этого времени и до 23 августа дело находилось без всякого движения, и только 23 августа нарследователь Драчев приступил к фактическому производству следствия.

Таким образом следствие по делу, имеющему актуальнейшее значение, затянулось на семь с лишним месяцев, из которых в течение пяти месяцев не было произведено ни одного следственного действия.

Это явилось результатом халатного отношения к своим обязанностям работников Сталинской районной прокуратуры и отсутствия надзора со стороны прокурора г. Свердловска т. Крепышева за работой Сталинской районной прокуратуры.

Приказываю:

1. Указать прокурору Свердловской области т. Лейману на безобразную волокиту в расследовании дела Свердловской фабрики Изоплит, допущенную работниками прокуратуры Свердловской области.

2. Предложить т. Лейману возбудить уголовное преследование против лиц, виновных в том, что дело Свердловской фабрики Изоплит не было закончено в течение семи с лишним месяцев.

3. Прокурору г. Свердловска т. Крепышеву

за отсутствие надзора за производством следствия по делу фабрики Изоплит объявить выговор.

4. Производство следствия по этому делу поручить нарследователю Сталинский райпро-

куратуры т. Драчеву. Срок окончания следствия установить 2 октября с. г.

И. о. прокурора Союза ССР Г. Рогинский
21 сентября 1935 г.

№ 503.

Сводка важнейших постановлений правительства Союза ССР

за июль 1935 г.

I. СОВЕТСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

1. Госустройство и управление

1. Об организации новых 16 районов и о передаче отдельных сельских советов из одних районов другим районам в Белорусской ССР — пост. ЦИК СССР 26/V 1935 г. (СЗ 1935 г. № 32, ст. 62).

2. Об организации новых округов по Узбекской ССР — пост. ЦИК СССР 17/IV 1935 г. (СЗ 1935 г. № 33, ст. 279).

3. О составе Кашка-Дарьинского округа Узбекской ССР — пост. ЦИК СССР 16/VI 1935 г. (СЗ 1935 г. № 33, ст. 280).

4. Об образовании в БССР четырех новых округов — пост. ЦИК СССР 17/VI 1935 г. (СЗ 1935 г. № 33, ст. 281).

5. Об организации в составе Народного комиссариата легкой промышленности Главного управления машиностроения — пост. СНК СССР 28/V 1935 г. (СЗ 1935 г. № 33, ст. 288).

6. О ликвидации Общества бывших политкаторжан и ссыльно-поселенцев — пост. ЦИК СССР 25/VI 1935 г. (СЗ 1935 г. № 34, ст. 299).

7. Об организации хозрасчетных снабженческих контор в системе Народного комиссариата путей сообщения — пост. СНК СССР 16/VI 1935 г. (СЗ 1935 г. № 34, ст. 304).

8. О ликвидации областных (краевых) инспекций Народного комиссариата тяжелой промышленности — пост. СНК СССР 21/VI 1935 г. (СЗ 1935 г. № 34, ст. 305).

9. Об улучшении постановки учета, отчетности и делопроизводства в сельских советах — пост. ЦИК и СНК СССР 10/VI 1935 г. (СЗ 1935 г. № 33, ст. 278).

2. Военное и морское дело

10. О постройке мощных самолетов — пост. СНК СССР 5/VI 1935 г. (СЗ 1935 г. № 35, ст. 308).

3. Просвещение

11. О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности — пост. СНК СССР и ЦК ВКП(б) 31/V 1935 г. (СЗ 1935 г. № 32, ст. 252).

12. О мероприятиях по упорядочению работы детских садов — пост. СНК СССР 6/VII 1935 г. (СЗ 1935 г. № 35, ст. 309).

II. НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО

1. Промышленность

13. О дополнении постановления СНК Союза ССР 3 сентября 1934 г. «О прекращении беспроектного и бесметного строительства» — пост. СНК СССР 25/V 1935 г. (СЗ 1935 г. № 33, ст. 285).

14. Об укреплении материальной и финансовой базы местной промышленности — пост. ЦИК и СНК СССР 1/VI 1935 г. (СЗ 1935 г. № 34, ст. 296).

2. Земля и сельское хозяйство

15. О государственном плане развития животноводства на 1935 г. по Воронежской области — пост. СНК СССР и ЦК ВКП(б) 26/V 1935 г. (СЗ 1935 г. № 31, ст. 241).

16. О государственном плане развития животноводства на 1935 г. по Куйбышевскому краю — пост. СНК СССР и ЦК ВКП(б) 25/V 1935 г. (СЗ 1935 г. № 31, ст. 242).

17. О государственном плане развития животноводства на 1935 г. по БССР — пост. СНК СССР и ЦК ВКП(б) 26/V 1935 г. (СЗ 1935 г. № 31, ст. 243).

18. О государственном плане развития животноводства на 1935 г. по Ивановской области — пост. СНК СССР и ЦК ВКП(б) 1/VI 1935 г. (СЗ 1935 г. № 31, ст. 244).

19. О государственном плане развития животноводства на 1935 г. по Горьковскому краю — пост. СНК СССР и ЦК ВКП(б) 1/VI 1935 г. (СЗ 1935 г. № 31, ст. 245).

20. О государственном плане развития животноводства на 1935 г. по Башкирской АССР — пост. СНК СССР и ЦК ВКП(б) 1/VI 1935 г. (СЗ 1935 г. № 31, ст. 246).

21. О государственном плане развития животноводства на 1935 г. по Свердловской области — пост. СНК СССР и ЦК ВКП(б) 2/VI 1935 г. (СЗ 1935 г. № 31, ст. 247).

22. О государственном плане развития животноводства на 1935 г. по Оренбургской области — пост. СНК СССР и ЦК ВКП(б) 1/VI 1935 г. (СЗ 1935 г. № 31, ст. 248).

23. О государственном плане развития животноводства на 1935 г. по Челябинской области — пост. СНК СССР и ЦК ВКП(б) 1/VI 1935 г. (СЗ 1935 г. № 31, ст. 244).

24. О государственном плане развития животноводства на 1935 г. по Омской области — пост. СНК СССР и ЦК ВКП(б) 1/VI 1935 г. (СЗ 1935 г. № 31, ст. 250).

25. О государственном плане развития животноводства на 1935 г. по Западносибирскому краю — пост. СНК СССР и ЦК ВКП(б) 1/VI 1935 г. (СЗ 1935 г. № 31, ст. 251).

26. О порядке обеспечения зернофуражом колхозных лошадей, используемых на лесозаготовках и сплавных работах, — пост. СНК СССР 27/V 1935 г. (СЗ 1935 г. № 32, ст. 265).

27. О включении клещевины в число культур, урожайность и валовой сбор по которым определяется Центральной государственной комиссией — пост. СНК СССР 26/V 1935 г. (СЗ 1935 г. № 32, ст. 266).

28. О государственном плане развития животноводства на 1935 г. по республикам ЗСФСР — пост. СНК СССР и ЦК ВКП(б) 17/VI 1935 г. (СЗ 1935 г. № 33, ст. 269).

29. О государственном плане развития животноводства на 1935 г. по Кировскому краю — пост. СНК СССР и ЦК ВКП(б) 18/VI 1935 г. (СЗ 1935 г. № 33, ст. 270).

30. О государственном плане развития животноводства на 1935 г. по Красноярскому краю — пост. СНК СССР и ЦК ВКП(б) 17/VI 1935 г. (СЗ 1935 г. № 33, ст. 271).

31. О государственном плане развития животноводства на 1935 г. по Дальневосточному краю — пост. СНК СССР и ЦК ВКП(б) 17/VI 1935 г. (СЗ 1935 г. № 33, ст. 271).

32. О государственном плане развития животноводства на 1935 г. по Восточносибирскому краю — пост. СНК СССР и ЦК ВКП(б) 17/VI 1935 г. (СЗ 1935 г. № 33, ст. 273).

33. О государственном плане развития животноводства на 1935 г. по Карельской АССР — пост. СНК СССР и ЦК ВКП(б) 17/VI 1935 г. (СЗ 1935 г. № 33, ст. 274).

34. О государственном плане развития животноводства на 1935 г. по Якутской АССР — пост. СНК СССР и ЦК ВКП(б) 17/VI 1935 г. (СЗ 1935 г. № 33, ст. 275).

35. О государственном плане развития животноводства на 1935 г. по Узбекской ССР — пост. СНК СССР и ЦК ВКП(б) 17/VI 1935 г. (СЗ 1935 г. № 33, ст. 276).

36. О капиталовложениях рыбацких колхозов — пост. СНК СССР 5/VI 1935 г. (СЗ 1935 г. № 33, ст. 289).

37. О выдаче сельскохозяйственным артелям государственных актов на бессрочное (вечное) пользование земель — пост. СНК СССР 7/VI 1935 г. (СЗ 1935 г. № 34, ст. 300).

3. Транспорт

38. О ликвидации управления спальных вагонов Народного комиссариата путей сообщения — пост. СНК СССР 27/V 1935 г. (СЗ 1935 г. № 33, ст. 292).

39. Об изменении ст.ст. 1 и 2 Правил схода на берег и допущение к пребыванию на берегу лиц судового экипажа иностранных судов, кроме военных, во время стоянки их в портах Союза ССР — пост. СНК СССР 28/VI 1935 г. (СЗ 1935 г. № 34, ст. 303).

III. ФИНАНСЫ

40. О ставках налога с оборота на соль, добываемую на местных соляных промыслах — пост. СНК СССР 27/V 1935 г. (СЗ 1935 г. № 32, ст. 267).

41. О ставках налога с оборота на туалетное мыло государственной промышленности — пост. СНК СССР 23/V 1935 г. (СЗ 1935 г. № 32, ст. 268).

42. О порядке выдачи банками денежных сумм на заработную плату — пост. СНК СССР 11/VI 1935 г. (СЗ 1935 г. № 33, ст. 286).

43. О налоге с оборота и бюджетной наценке на продовольственное зерно и зернофураж подсобных хозяйств при учреждениях и предприятиях органов социального обеспечения — пост. СНК СССР 10/VI 1935 г. (СЗ 1935 г. № 33, ст. 291).

44. О едином сборе на 1935 г. — пост. ЦИК и СНК СССР 23/VI 1935 г. (СЗ 1935 г. № 34, ст. 297).

45. Об изменении постановления СНК Союза ССР 29 сентября 1932 г. «О правах и обязанностях главных и старших бухгалтеров в учреждениях и хозяйственных организациях обществленного сектора» — пост. СНК СССР 21/VI 1935 г. (СЗ 1935 г. № 34, ст. 302).

46. Об обязательных взносах предприятий и учреждений на содержание детских яслей и детских садов — пост. СНК СССР 6/VI 1935 г. (СЗ 1935 г. № 35, ст. 310).

47. О бюджете государственного социального страхования на 1935 г. — пост. СНК СССР 6/VI 1935 г. (СЗ 1935 г. № 36, ст. 312).

IV. ТОРГОВЛЯ, ЗАГОТОВКА И СНАБЖЕНИЕ

48. О потерях зерна на хлебных складах Заготзерна — пост. СНК СССР 15/V 1935 г. (СЗ 1935 г. № 32, ст. 263).

49. О порядке продажи и возврата освобожденной из-под товаров деревянной тары — пост. СНК СССР 26/V 1935 г. (СЗ 1935 г. № 32, ст. 264).

50. Об изменении техники расчетов по иногороднему товарообороту — пост. СНК СССР 8/VI 1935 г. (СЗ 1935 г. № 33, ст. 287).

51. О сдаче государству зерна союзами и артелями промышленной и инвалидной коопераций — пост. СНК СССР 26/VI 1935 г. (СЗ 1935 г. № 34, ст. 301).

52. О премиях-надбавках на сверхплановую сдачу льна-сырца — пост. СНК СССР и ЦК ВКП(б) 21/V 1935 г. (СЗ 1935 г. № 32, ст. 54).

V. КООПЕРАЦИЯ

54. О мелких капитальных затратах артелей промышленной кооперации за счет собственных средств — пост. СНК СССР 25/V 1935 г. (СЗ 1935 г. № 33, ст. 290).

VI. КОММУНАЛЬНОЕ И ЖИЛИЩНОЕ ХОЗЯЙСТВО

55. О генеральном плане реконструкции города Москвы — пост. СНК и ЦК ВКП(б) 10/VI 1935 г. (СЗ 1935 г. № 35, ст. 306).

VII. ТРУД И СОЦСОРЕВНОВАНИЕ

56. Об оплате машинистов и других работников на молотье — пост. СНК СССР и ЦК ВКП(б) 2/VI 1935 г. (СЗ 1935 г. № 32, ст. 253).

57. О премировании работников центральных и местных советских учреждений, а также работников управленческого аппарата хозяйственных организаций и предприятий — пост. ЦИК и СНК СССР 17/VI 1935 г. (СЗ 1935 г. № 33, ст. 277).

58. Об оплате трактористов в совхозах — пост. СНК СССР и ЦК ВКП(б) 2/VI 1935 г. (СЗ 1935 г. № 34, ст. 293).

59. О порядке оплаты труда трактористов спекультурных машинно-тракторных станций ЗСФСР и Крымской АССР — пост. СТО 15/VI 1935 г. (СЗ 1935 г. № 35, ст. 311).

VIII. СУДОУСТРОЙСТВО, СУДОПРОИЗВОДСТВО, УГОЛОВНОЕ И ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

61. О подсудности имущественных споров колхозов между собой и имущественных споров колхозов с государственными и кооперативными организациями — пост. ЦИК и СНК СССР 19/VI 1935 г. (СЗ 1935 г. № 34, ст. 294).

IX. АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

64. О порядке проведения добровольных сборов — пост. ЦИК и СНК СССР 1/VI 1935 г. (СЗ 1935 г. № 34, ст. 295).

I. СОВЕТСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

1. Госустройство и управление

Об образовании Главного управления землеустройства в составе Народного комиссариата земледелия Союза ССР — пост. ЦИК и СНК СССР 17/VII 1935 г. (СЗ 1935 г. № 40, ст. 328).

2. О возложении на Главное управление северного морского пути при СНК Союза ССР функций по хозяйственному и культурному обслуживанию районов Крайнего севера Союза ССР — пост. СНК СССР 21/VII 1935 г. (СЗ 1935 г. № 40, ст. 338).

3. О разрешении Торговому представительству Союза ССР в Германии иметь свое бюро в г. Москве — пост. ЦИК и СНК СССР 31/VII 1935 г. (СЗ 1935 г. № 41, ст. 345).

4. О Всесоюзной государственной санитарной инспекции при Совете народных комиссаров Союза ССР — пост. СНК СССР 26/IV 1935 г. (СЗ 1935 г. № 41, ст. 348).

5. Положение о Государственной автомобильной инспекции Цудортранса — пост. СНК СССР 23/VII 1935 г. (СЗ 1935 г. № 41, ст. 348).

6. О разукрупнении Центрального управления морского флота Народного комиссариата водного транспорта — пост. СНК СССР 21/VII 1935 г. (СЗ 1935 г. № 45, ст. 382).

7. Об организации в составе Главного управления северного морского пути Управления сельского хозяйства Крайнего севера — пост. СНК СССР 20/VIII 1935 г. (СЗ 1935 г. № 46, ст. 388).

2. Военное и морское дело

8. О военно-морских флагах Союза ССР — пост. ЦИК и СНК СССР 27/V 1935 г. (СЗ 1935 г. № 40, ст. 326).

9. О прыжках с парашютами. Пост. СНК СССР 3/VIII 1935 г. (СЗ 1935 г. № 41, ст. 354).

3. Просвещение

10. Об организации учебной работы и внутреннем распорядке в начальной, неполной средней и средней школе — пост. СНК СССР и ЦК ВКП(б) 3/IX 1935 г. (СЗ 1935 г. № 47, ст. 391).

II. НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО

1. Промышленность

11. О порядке составления и утверждения баланса и плана снабжения сырьем и полуфабрикатами, потребляемыми легкой промышленностью — пост. СНК СССР 31/VII 1935 г. (СЗ 1935 г. № 44, ст. 368).

2. Земля и сельское хозяйство

12. О единоличниках, работающих на военных конных заводах Рабоче-крестьянской красной армии — пост. СНК СССР 23/VI 1935 г. (СЗ 1935 г. № 40, ст. 337).

13. О плане озимого сева на 1935 г. — пост. СНК СССР 28/VII 1935 г. (СЗ 1935 г. № 41, ст. 346).

14. О льготах колхозам Западной Сибири, поднимающим целину — пост. СНК СССР 9/VIII 1935 г. (СЗ 1935 г. № 44, ст. 361).

15. Об улучшении работы свиноводческих совхозов системы Народного комиссариата зерновых и животноводческих совхозов — пост. СНК СССР 5/VIII 1935 г. (СЗ 1935 г. № 44, ст. 366).

16. О технической помощи колхозам в строительстве животноводческих товарных ферм — пост. СНК СССР 3/VIII 1935 г. (СЗ 1935 г. № 44, ст. 372).

17. О льготах единоличникам, вступающим в колхоз и продающим корову колхозной ферме, — пост. СНК СССР 19/VIII 1935 г. (СЗ 1935 г. № 44, ст. 373).

18. О размерах приусадебных участков в колхозоводческих районах — пост. СНК СССР 29/VIII 1935 г. (СЗ 1935 г. № 44, ст. 374).

19. О ставках натурплаты по кукурузе и рису — пост. СНК СССР 10/VII 1935 г. (СЗ 1935 г. № 45, ст. 381).

20. О плане зяблевой пахоты под яровые посева 1936 г. — пост. СНК СССР 27/VIII 1935 г. (СЗ 1935 г. № 46, ст. 385).

21. Об организационно-хозяйственном укреплении рыбацких колхозов — пост. СНК СССР 15/VIII 1935 г. (СЗ 1935 г. № 46, ст. 387).

22. О развитии хмелеводства — пост. СНК СССР 4/IX 1935 г. (СЗ 1935 г. № 47, ст. 394).

3. Транспорт

23. О создании в составе морских и речных пароходств групп организации труда — пост. СНК СССР 8/VII 1935 г. (СЗ 1935 г. № 40, ст. 339).

24. Об изменении Устава внутреннего водного транспорта — пост. СНК СССР 8/VII 1935 г. (СЗ 1935 г. № 40, ст. 340).

25. О расходовании местных доходов железнодорожных станций на капитальный ремонт и оборудование станционных сооружений — пост. СНК СССР 31/VII 1935 г. (СЗ 1935 г. № 41, ст. 350).

26. Об утверждении Воздушного кодекса Союза ССР — пост. ЦИК и СНК СССР 7/VIII 1935 г. (СЗ 1935 г. № 43, ст. 359-а).

27. Воздушный кодекс Союза ССР — пост. ЦИК и СНК СССР 7/VIII 1935 г. (СЗ 1935 г. № 43, ст. 359-б).

28. О порядке реализации невостребованных и бездокументных грузов на железнодорожном и водном транспорте — пост. СНК СССР 19/VIII 1935 г. (СЗ 1935 г. № 45, ст. 380).

III. ФИНАНСЫ

29. Об обязательном окладном страховании на 1936 г. — пост. СНК СССР 2/VIII 1935 г. (СЗ 1935 г. № 41, ст. 347).

30. О мерах улучшения финансовой работы сельских советов — пост. СНК СССР 3/VIII 1935 г. (СЗ 1935 г. № 42, ст. 358).

31. О распространении постановления ЦИК и СНК Союза ССР 5 марта 1935 г. «Об установлении рыболовного сбора для рыбацких колхозов и организаций системы Интегралсоюза» на ловецкие колхозы в районах малого рыболовства — пост. ЦИК и СНК СССР 7/VIII 1935 г. (СЗ 1935 г. № 44, ст. 364).

32. О расчетах заготовителей с колхозами по сельскохозяйственным заготовкам, порядку кредитования заготовителей Государственным

банком и расчетах промышленности с заготовительными организациями—пост. СНК СССР 20/VII 1935 г. (СЗ 1935 г. № 40, ст. 336).

IV. ТОРГОВЛЯ, ЗАГОТОВКИ И СНАБЖЕНИЕ

33. О комиссионных магазинах—пост. СНК СССР 29/VII 1935 г. (СЗ 1935 г. № 40, ст. 332).

34. О торговле медикаментами—пост. СНК СССР 2/VII 1935 г. (СЗ 1935 г. № 40, ст. 335).

35. Об упорядочении колхозной торговли на железнодорожных станциях и пристанях—пост. СНК СССР 2/VIII 1935 г. (СЗ 1935 г. № 41, ст. 353).

36. Об издании и продаже учебников для начальной, неполной средней и средней школы—пост. СНК СССР и ЦК ВКП(б) 7/VIII 1935 г. (СЗ 1935 г. № 44, ст. 360).

37. О разрешении объединениям Народного комиссариата внешней торговли заключать внешнеторговые сделки с иностранными фирмами на территории Союза ССР и за границей—пост. СНК СССР 27/VII 1935 г. (СЗ 1935 г. № 44, ст. 367).

38. Об упорядочении расходования фондов промтоваров—пост. СНК СССР 2/VIII 1935 г. (СЗ 1935 г. № 44, ст. 369).

39. О закреплении за всесоюзным объединением Заготзерна складочных помещений для приема и хранения хлеба—пост. СНК СССР 15/VIII 1935 г. (СЗ 1935 г. № 44, ст. 371).

40. О децентрализованных заготовках незерновых сельскохозяйственных продуктов—пост. СНК СССР 19/VIII 1935 г. (СЗ 1935 г. № 46, ст. 386).

41. Об оптовой продаже медикаментов, перевязочных материалов и предметов ухода за больными—пост. СНК СССР 17/VIII 1935 г. (СЗ 1935 г. № 46, ст. 320).

V. КОММУНАЛЬНОЕ И ЖИЛИЩНОЕ ХОЗЯЙСТВО

42. О введении платности коммунальных услуг в совхозах Народного комиссариата пищевой промышленности—пост. СНК СССР 13/VIII 1935 г. (СЗ 1935 г. № 42, ст. 384).

VI. ТРУД И СОЦСТРАХОВАНИЕ

43. О порядке исчисления среднего заработка за время очередного и дополнительного отпусков—пост. СНК СССР 25/VII 1935 г. (СЗ 1935 г. № 40, ст. 333).

44. О порядке планирования заработной платы в торговле—пост. СНК СССР 5/VII 1935 г. (СЗ 1935 г. № 40, ст. 334).

45. Об установлении твердых должностных окладов председателям районных исполнительных комитетов—пост. ЦИК и СНК СССР 31/VII 1935 г. (СЗ 1935 г. № 40, ст. 342).

46. Об отмене ст. 17 постановления ЦИК и СНК Союза ССР 23 ноября 1931 г. «О компен-

сациях и гарантиях при переводе, приеме и направлении на работу в другие местности—пост. ЦИК и СНК СССР 17/VIII 1935 г. (СЗ 1935 г. № 44, ст. 363).

47. Об отмене надбавки за выслугу лет квалифицированным рабочим совхозов и выдачу ведущим категориям работников совхозов части заработной платы натурой—пост. СНК СССР от 7/VIII 1935 г. (СЗ 1935 г. № 44, ст. 345).

VII. СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

48. О максимальном размере пенсий для тружеников—пост. ЦИК и СНК СССР 7/VIII 1935 г. (СЗ 1935 г. № 44, ст. 362).

49. О комиссиях по делам бывших красногвардейцев и красных партизан—пост. СНК СССР 15/VIII 1935 г. (СЗ 1935 г. № 46, ст. 389).

VIII. СУДОУСТРОЙСТВО, СУДОПРОИЗВОДСТВО, УГОЛОВНОЕ И ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

50. О снятии судимости с колхозников—пост. ЦИК и СНК СССР 29/VII 1935 г. (СЗ 1935 г. № 40, ст. 327).

51. О дополнении уголовных и гражданских кодексов союзных республик—пост. ЦИК и СНК СССР 29/VII 1935 г. (СЗ 1935 г. № 40, ст. 344).

52. Об освобождении от дальнейшего отбывания наказания, снятия судимости и всех ограничений, связанных с осуждением рядовых должностных лиц, осужденных в свое время в связи с саботажем хлебозаготовок и выпуском трудовых займов, бон и прочих денежных суррогатов—пост. ЦИК СССР 11/VIII 1935 г. (СЗ 1935 г. № 44, ст. 365).

IX. АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

53. Об изготовлении печатей и штампов пользования ими—пост. СНК СССР 21/VIII 1935 г. (СЗ 1935 г. № 40, ст. 341).

54. Об изменении Положения о паспортах—пост. ЦИК СССР 29/VII 1935 г. (СЗ 1935 г. № 41, ст. 343).

55. О выдаче паспортов в 25-километровой полосе вокруг города Баку—пост. СНК СССР 19/VII 1935 г. (СЗ 1935 г. № 41, ст. 351).

56. О въезде и проживании в пограничных полосах—пост. ЦИК и СНК СССР 17/VII 1935 г. (СЗ 1935 г. № 45, ст. 377).

57. Об изменении ст. 5 статута ордена Ленина, ст. 7 статута ордена «Красное знамя», ст. 5 статута ордена «Красная звезда» и ст. 5 статута ордена «Трудовое красное знамя Союза ССР»—пост. ЦИК СССР 27/VIII 1935 г. (СЗ 1935 г. № 47, ст. 392).

58. Об изменении ст. 9 статута ордена «Красная звезда»—пост. ЦИК СССР 17/VIII 1935 г. (СЗ 1935 г. № 47, ст. 393).

ИЗДАТЕЛЬ: Государственное издательство
Советское законодательство

Адрес издательства: Москва, Красная площадь, влд. ЦИК, пом. 28.

Рукопись поступила в издательство 5/X 1935 г.
Подписано к печати 4/XI 1935 г. 4,5 п. л. 11,71

Отв. редактор А. Я. Вышинский
Редколлегия: Г. М. Леплавский, А. А. Сол
В. В. Саранин, Л. М. Субоцкий, А. С. Шляпников

Сдано в производство 7/X 1935 г.
1 авт. листа; в одном бум. листе 193680 печ. знаков

формат бум. 72×110. С—04 п.; № 497.

Уполном. Главлита Б—13914 Закав № 1301. Технический редактор В. Ходяковрова Тираж 10 000
15-я типография ОГИЗ треста «Полиграфкнига», М. Дмитровка, 18

ОБЪЯВЛЕНИЯ О ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕГИСТРАЦИИ

НКФ СССР на основании Положения и правил о государственной регистрации (СЗ СС.Р 1931 г. № 8, ст. 99 и БФХЗ 1931 г. № 12) внесена запись в государственный реестр юридических лиц о переименовании треста «1-й сантехстрой» на основании постановления НКТП СССР от 3 апреля 1933 г. за № 207 в

Государственный союзный трест санитарно-технических работ «Сантехмонтаж»,

находящийся в ведении Наркомтяжпрома СССР

Адрес: Москва, Никольская, 4.

НКФ РСФСР зарегистрирована в реестре юридических лиц 23 февраля 1935 г. за № 761 (семьсот шестьдесят первым)

Государственная республиканская контора по материально-техническому снабжению металлопромышленности НКМП РСФСР «РОСМЕТАЛЛОСНАБ»,

состоящая в ведении НКМП РСФСР и находящаяся в

г. Москве, Петровка, 14.

Московским городским финансовым отделом на основании Положения и правил о государственной регистрации (СЗ и распоряжений правит. СССР 1931 г. № 8, ст. 99 и «Бюллетень финанс. и хозяйствен. законод.» 1931 г. № 12) зарегистрирована в государственном реестре юридических лиц 21 мая 1935 г. под № 423 (четыреста пятьдесят третьим)

Дербеневская красильно-аппретурная и брезенто-пошивочная ф-ка имени МЕНЖИНСКОГО,

наход. в ведении МОСОБЛКООПИНСОЮЗА
Адрес: Москва, Кожевники, Дербен. наб., № 24.

Московским городским финансовым отделом на основании положения и правил о государственной регистрации (СЗ и распоряжений правит. СССР 1931 г. № 8, ст. 99 и «Бюллетень финанс. и хозяйств.» законодател., № 12) зарегистрирована в государственном реестре юридических лиц 1 августа 1935 г. под № 313 (триста тринадцатым)

**Московская областная торговая база
Треста «МОСБЕЛЬЕ»,**

находящаяся в ведении треста «Мосбелье»

Адрес: Москва, Серебряническая наб. № 27.

Народным комиссариатом финансов, СССР на основ. Полож. и правил о госуд. регистр. (СЗ и распоряж. пр. вительства СССР 1931 г. № 8, ст. 99 и «Бюллетень финанс. и хозяйствен. законодат.» 1931 г. № 12) 27 октября 1934 г. зарегистр., в реестре юридическ. лиц под № 2355 (две тысячи триста пятьдесят пятым)

Управление санаторно-профилактических учреждений при Президиуме Центрального комитета союза финансовых и банковских работников «УСПУ»,

наход. в ведении ЦК союза фин. и банк. раб.

Адрес: Москва, Дворец труда, пом. 352.

Московским областным финансовым отделом на основ. полож. и правил о госуд. регистр. (СЗ и распоряж. правит. ССР 1931 г. № 8, ст. 99 и «Бюллетень финанс. и хозяйствен. законод.» 1931 г. № 12) зарегистр. в госуд. реестре юридических лиц 1 июля 1935 г. под № 182 (сто восемьдесят вторым)

Московская центральная база сбытовой конторы треста «МОСЧУЛОК»,

находящаяся в ведении Московского областного треста чулочного производства «Мосчулок»

Адрес: Москва, Переведеновский пер., 43.

Московск. гор. фин. отделом на основ. положения и правил о госуд. регистр. (СЗ и распоряжений правит. СССР 1931 г. статья 99 и «Бюллетень фин. и хозяйств. законод.» 1931 г. № 12) зарегистрирована в государственном реестре юридических лиц 1 сентября 1935 г. под № 314 (триста четырнадцатым)

**Московская транзитная база,
РОСШВЕЙСБЫТА,**

находящаяся в ведении Росшвейсбыта.

Предмет деятел. базы: Сбыт швейных изделий произв. фабрик Моск. обл. и союзн. республик.
Адрес базы: Москва, 1-й Перевелен. пер., 43, тел. Е 1-68-27.

НКФ СССР на основании положения и правил о государственной регистрации (СЗ СССР 1931 г. № 8, ст. 99 и Бюлл. фин. и хоз. зак 1931 г. № 12) зарегистрировано в реестре юридических лиц под № 1680 (одна тысяча шестьсот восьмидесятым)

Государственный всесоюзный лесопромышленный трест «МОСЛЕСПРОМ»,

находящийся в ведении Народного комиссариата лесной промышленности Союза ССР.

Адрес: Москва, Б. Черкасский п., 9.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
СОВЕТСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

НОВЫЕ КНИГИ

- ГЕРЦЕНЗОН А. А.** Советская уголовная статистика. Учебное пособие для институтов советского права и юридических курсов
Под ред. зам директора Института уголовной политики Б. С. Ошевнича.
Стр. 128. Цена в переплете 2 руб. 25 коп.
- ПАШУКАНИС Ф.** Очерки по международному праву. Очерки рекомендуются в качестве учебного пособия для учащихся правовых вузов и школ
Содержание:
Введение. Сущность международного права. Источники международного права. Исторический очерк международной политики и международного права. Государство в международном праве. Интервенция. Территория в международном праве. Население. Органы внешних сношений. Международный договор. Специальные вопросы международного права. Международно-правовые средства предупреждения войны. Право войны сухопутной и морской. Заключение.
Стр. 224. Цена в переплете 3 руб. 90 коп.
- ВОЛКОВ Г. И.** Классовая природа преступлений и советское уголовное право.
Под ред. Н. В. Крыленко.
Стр. 228. Цена в переплете 3 руб. 90 коп.
- УТЕВСКИЙ В. С.** Советская исправительно-трудовая политика. Пособие для слушателей правовых школ.
Стр. 124. Цена 1 руб. 60 коп.
- Проф ГРАЙНИН А. Н.** Уголовная интервенция. Движение [по унификации уголовного законодательства капиталистических стран. Под редакцией А. Я. Вышинского.
Стр. 104. Цена 1 руб. 40 коп.
- ТАГЕР А. С.** Царская Россия и дело Бейлиса. С предисловием **А. В. ЛУНАЧАРСКОГО** С иллюстрациями. Издание 2-е, переработанное и дополненное.
Стр. 322. Цена 5 руб. 60 коп., в переплете 7 руб.

ПРОДАЖА ВО ВСЕХ МАГАЗИНАХ, ОТДЕЛЕНИЯХ и КИОСКАХ КОГИЗа

Почтовые заказы направлять без задатка во все областные (краевые) отделения КОГИЗа — „Книга-почтой“.

В Издательство никаких заказов направлять не следует, так как оно высылки не производит.